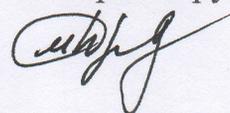


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт филологии

На правах рукописи



Дурова Мария Владимировна

**МОДЕЛИ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с языками народов Сибири)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое, сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Н. Б. Кошкарёва

Новосибирск
2016

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт филологии

На правах рукописи

Дурова Мария Владимировна

**МОДЕЛИ БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ
ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ
В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ
(в сопоставлении с языками народов Сибири)**

10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое, сопоставительное языкознание

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук, профессор
Н. Б. Кошкарёва

Новосибирск
2016

Оглавление

Введение.....	5
Глава 1. Теоретические принципы описания системы пространственных моделей.....	15
1. Изучение японского языка в Японии и за рубежом.....	16
2. История формирования теории моделирования.....	20
2.1. Структурный подход к представлению модели предложения.....	22
2.2. Семантический подход к представлению модели предложения.....	24
2.3. Структурно-семантический подход к представлению модели предложения.....	26
3. Элементарное простое предложение как основная единица синтаксиса....	28
3.1. Понятие пропозиции. Типы пропозиций.....	29
3.2. Структура пропозиции.....	32
3.2.1. Основные компоненты пропозиции: предикат, актанта, сирконстант.....	34
3.3. Элементарное простое предложение как изосемический способ преставления пропозиции.....	38
3.3.1. Концепция парадигмы предложения: узкий и широкий подходы.....	39
3.3.2. Варьирование модели ЭПП.....	42
4. Категория пространственности.....	44
4.1. Пространственные отношения.....	45
4.2. Способы выражения пространственных отношений.....	48
5. Принципы описания системы пространственных моделей японского языка.....	48
Выводы.....	50
Глава 2. Система бытийно-пространственных моделей элементарных простых предложений японского языка в сопоставительном аспекте...	51
1. Средства выражения пространственных отношений в японском языке..	54
1.1. Общие характеристики пространственных предикатов.....	55
1.2. Особенности структуры и семантики локализатора.....	59
1.2.1. Способы обозначения локума в составе локализатора.....	60
1.2.2. Реляторы и конкретизаторы в составе локализатора.....	62
1.3. Система пространственных падежей.....	63
1.3.1. Падежное оформление локатива.....	64
1.3.2. Падежное оформление директива-старта.....	65
1.3.3. Падежное оформление директива-финиша.....	66
1.3.4. Падежное оформление транслокатива.....	67
2. Сопоставительный анализ пространственных моделей ЭПП японского	69

языка и языков народов Сибири.....	
2.1. Бытийно-локативные модели.....	70
2.1.1. Структура бытийно-локативных моделей.....	70
2.1.2. Экзистенциальная модель.....	71
2.1.2.1. Порядок следования компонентов экзистенциальной модели.....	72
2.1.2.2. Особенности предикатов экзистенциальной модели.....	72
2.1.2.3. Особенности падежного оформления локализатора.....	74
2.1.2.4. Структурно-семантические варианты экзистенциальной модели.....	76
2.1.2.5. Семантические варианты экзистенциальной модели.....	84
2.1.2.6. Количественный вариант экзистенциальной модели.....	89
2.1.2.7. Парадигматический вариант экзистенциальной модели со значением отсутствия.....	94
2.1.3. Сопоставление бытийных моделей.....	97
2.1.4. Локативные модели.....	101
2.1.4.1. Особенности компонентов локативных моделей.....	101
2.1.4.2. Некаузативная локативная модель.....	105
2.1.4.3. Именная некаузативная локативная модель.....	110
2.1.4.4. Каузативная локативная модель.....	113
2.1.5. Сопоставление локативных моделей.....	116
2.2. Модель обладания.....	119
2.2.1. Варьирование модели обладания.....	121
2.2.2. Сопоставление моделей обладания.....	123
2.3. Модели движения.....	124
2.3.1. Структура моделей движения.....	125
2.3.2. Адлокативные модели.....	129
2.3.2.1. Порядок следования компонентов адлокативной модели.....	130
2.3.2.2. Особенности падежного оформления локализатора.....	132
2.3.2.3. Некаузативная адлокативная модель движения.....	133
2.3.2.4. Каузативная адлокативная модель движения.....	137
2.3.2.5. Некаузативная модель помещения.....	142
2.3.2.6. Каузативная модель помещения.....	145
2.3.2.7. Сопоставление адлокативных моделей.....	148
2.3.3. Делокативные модели.....	151
2.3.3.1. Некаузативная делокативная модель движения.....	154
2.3.3.2. Каузативная делокативная модель движения.....	156
2.3.3.3. Некаузативная модель удаления.....	157
2.3.3.4. Каузативная модель удаления.....	159
2.3.3.5. Сопоставление делокативных моделей.....	161

2.3.4. Транслокативная модель.....	163
2.3.4.1. Семантическое варьирование транслокативной модели..	166
2.3.5. Сопоставление транслокативных моделей.....	167
Выводы.....	171
Заключение.....	173
Список использованной литературы.....	176
Приложение 1. Список условных обозначений.....	189
Приложение 2. Система бытийно-пространственных моделей ЭПШ японского языка.....	191
Приложение 3. Перечень глагольных предикатов, участвующих в об- разовании бытийно-пространственных моделей японского языка.....	193

Введение

Диссертационное исследование посвящено средствам выражения пространственных отношений и моделям бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке в сопоставлении с алтайскими и частично уральскими языками Сибири.

Объектом исследования являются элементарные простые предложения японского языка с глагольным сказуемым, передающие пространственные отношения.

Под элементарным простым предложением (ЭПП) мы, вслед за М. И. Черемисиной, подразумеваем минимальную двустороннюю единицу синтаксического уровня языка. Планом ее выражения выступает структурная схема, которая репрезентирует соотношенность с некоторой ситуацией. Структурная схема – последовательность условных символов, отражающая морфологический способ выражения компонентов, минимально необходимых для реализации соответствующей семантической структуры.

План содержания представлен пропозицией, которая трактуется как «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую придает ему та или иная формальная организация предложения» [СРЯ 1997: 775].

В состав ЭПП входят предикат и его обязательные распространители – актанты, а при пространственных предикатах (глаголах бытия, местонахождения, движения, перемещения) также и сирконстанты-локализаторы.

Отдавая себе отчет в невозможности представить весь комплекс пространственных моделей и их возможных вариаций, мы ограничиваем свое исследование рядом параметров. Прежде всего, мы рассматриваем глагольные модели ЭПП, представляющие событийные пропозиции местонахождения и движения, не затрагивая именные модели. Исключение составляют некаузативные локативные модели, для которых выделяется именная модель.

Ряд ограничительных условий предъявляется также к предикату как «вершине» простого предложения. Во-первых, мы собирали исключительно такие предложения, в которых использовались глаголы японского происхождения. Таким образом лексикализованные сцепления китайских именных лексем с вербализатором *suru* 'делать' остались за пределами нашего исследования. Исторически эти корни представляют собой китайские слова, перенесенные в японский язык полностью или составленные из заимствованных китайских иероглифов. Они образуют особую подсистему лексики со своими фонетическими, морфологическими и синтаксическими особенностями, причем для многих понятий, помимо исконно японского выражения, имеется си-

нонимичный китаизм. Но поскольку система исконно японских глагольных предикатов достаточно полно отражает систему пространственных отношений, нам представляется излишним в рамках данного исследования привлекать заимствования.

Во-вторых, в выборку примеров мы включаем только те предложения, в которых глагольный предикат предстает в действительном залоге. Это позволяет нам рассматривать только канонические реализации пространственных моделей ЭПП, в которых субъект действия занимает позицию подлежащего, а объект принимает форму прямого дополнения.

В-третьих, в процессе работы с картотекой примеров для каждого класса моделей мы постарались выделить лексико-семантические группы (далее ЛСГ) глаголов, которые по своему значению соответствовали бы типовой семантике моделей. Соответственно, по возможности мы не включали в выборку предложения с глаголами, использованными в переносном значении. При выделении ЛСГ глагольных предикатов в японском языке мы опирались на теоретические принципы, изложенные в работах Л. Г. Бабенко в области ЛСГ глаголов и семантики моделей предложений в русском языке [Бабенко 1988, 1998; ЭСС 2002], делая соответствующие поправки с учетом специфики японского материала, поскольку не существует аналогичных трудов по классификации японских глаголов и моделей предложения.

Мы также не включаем в описание системы пространственных моделей многокомпонентные конструкции. Таким образом, мы рассматриваем только двух- и трехактантные пространственные модели. Многие глаголы движения японского языка допускают наличие при себе сразу нескольких, но не более четырех из возможных актантов (субъект, объект, директив-старт, директив-финиш, трасса, инструмент). Конечно, тип предиката и его валентность оказывает непосредственное влияние на набор и соотношение между собой обязательных компонентов модели. Однако синтаксическая модель ЭПП не тождественна системе валентностей предиката и формальных способов их выражения [Кошкарёва 2006: 72]. Все некаузативные ЭПП в нашей работе включают в свой состав два обязательных актанта (субъект и локализатор), в каузативных же добавляется обязательная позиция объекта перемещения.

На основании проделанной выборки мы можем утверждать, что реализация в одном высказывании более трех актантов одновременно для японского языка не характерна. Мы разделяем в этом вопросе мнение И. А. Невской, которая в своей докторской диссертации по тюркским языкам Южной Сибири предложила рассматривать подобные фразы как объединение нескольких пропозиций [Невская 1997].

Основное внимание мы направили на грамматикализованные средства выражения пространственных отношений. Также в некоторой степени были

затронуты лексические средства отражения данного типа отношений, как то: семантика ЛСГ бытийных глаголов и глаголов движения; семантика и структура именной группы локализатора; локальные падежи, участвующие в описании пространственных отношений. Тем не менее центральная задача данного исследования – описание пространственной функциональной подсистемы синтаксиса японского языка, что подразумевает моделирование структуры и семантики локативных конструкций, а также их парадигматики в рамках функционально-семантического подхода.

Предмет исследования – моделирование структуры и семантики бытийно-пространственных ЭПП японского языка, их описание как микросистемы языковых единиц синтаксического уровня.

Цель настоящего исследования – выделение и систематизация пространственных моделей элементарных простых предложений японского языка, а также их сопоставление с пространственными моделями некоторых урало-алтайских языков (шорского, эвенкийского, тувинского, хантыйского и, частично, ненецкого). Выбор языков для сравнения обусловлен наличием работ, выполненных в рамках теории моделирования элементарного простого предложения, и генетическими связями, существующими между данными языками.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие **задачи**:

1. Описать средства выражения пространственных отношений в японском языке.
2. Выявить модели бытийно-пространственных ЭПП японского языка и описать их особенности.
3. Систематизировать выявленные модели: установить основные классы моделей, выявить их дифференциальные признаки, определить иерархические отношения между классами моделей, структурными и семантическими вариантами моделей.
4. Выявить границы и стандартные пути варьирования структуры и семантики предложений в зависимости от особенностей заполнения каждого из входящих в ее состав компонентов.
5. Установить соответствие между типом предиката и типом пропозиции в ЭПП.
6. Сопоставить средства выражения пространственных отношений и пространственные модели японского языка с моделями элементарных простых предложений урало-алтайских языков.

Актуальность исследования определяется комплексным структурно-семантическим подходом к изучению объекта, позволяющим представить раздел синтаксического строя японского языка как фрагмент знаковой систе-

мы: выделенные объекты анализируются как двусторонние языковые сущности, представляющие собой единство плана выражения (типовой синтаксической структуры) и плана содержания (пропозиции), исследуются также особенности функционирования данных единиц в речи.

Актуальность работы обусловлена также самим объектом исследования: бытийно-пространственные модели занимают центральное место среди других моделей, поскольку передают такие важные с коммуникативной точки зрения отношения, как отношения существования, местонахождения, движения, перемещения предмета в пространстве. На основе пространственных конструкций формируются конструкции с другими обстоятельственными отношениями.

Кроме того, картотека примеров была собрана в том числе при помощи «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (<http://www.kotonoha.gr.jp/>), что помещает данное исследование в контекст современной корпусной лингвистики.

Научная новизна работы состоит в том, что, при всей многочисленности работ по теоретической и практической грамматике, а также конкретно по синтаксису японского языка, на данный момент не существует полного описания языковых единиц синтаксического уровня.

В Японии, куда идеи европейского языкознания начали проникать лишь в XIX в., постепенно произошел синтез собственной и европейской традиций описания языка при сохранении исторически сложившихся принципов выделения фонетических и морфологических единиц, а также частей речи. Классической работой, демонстрирующей синтез лингвистических традиций, является работа М. Киэда по грамматике японского языка, изданная впервые в 1937 г. [Киэда 2001, 2002].

Наиболее интенсивные исследования в области изучения японского языка проводились американскими и отечественными лингвистами. Так, основы западной японистики были заложены американским дескриптивистом Б. Блоком [Bloch 1970], подход которого продолжили Р. Э. Миллер, которому также принадлежат исследования о родственных связях японского языка с алтайскими языками [Miller 1967, 1971], и С. Э. Мартин – автор наиболее полного за пределами Японии описания грамматики японского языка [Martin 1975]. Ученые японского происхождения активно развивали в США генеративные исследования (в частности, в области семантики), например: С. Курода [Kuroda 1992], С. Куно [Kuno 1971, 1973, 1987], М. Сибатани [Shibatani 1976, 1982] и др.

В России основы научного изучения японского языка заложили Е. Д. Поливанов [Плетнер, Поливанов 1930; Поливанов 1931] и Н. И. Конрад, последнему принадлежит «Синтаксис японского национального литератур-

ного языка» [Конрад 1937]. Исследованиями в области грамматики и синтаксиса японского языка в частности в разное время занимались Н. И. Фельдман [Фельдман 2002 (1960)], А. А. Холодович [Холодович 1937], Е. М. Колпакчи [Колпакчи 1936], И. Ф. Вардуль [Вардуль 1964], И. В. Головнин [Головнин 1979, 1986], В. М. Алпатов [Алпатов 1979; Алпатов, Подлесская 1998; Алпатов и др. 2008], В. И. Подлесская [Подлесская 1990, 1993] и др.

В Новосибирске неограниченный вклад в развитие японистики внесла О. П. Фролова, лауреат ряда государственных наград, в том числе японского императорского Ордена Восходящего солнца «Золотые лучи с розеткой» (2007 г.), которая занималась исследованиями в области словообразования, фразеологии и лексикологии японского языка. Благодаря ее усилиям в Новосибирском государственном университете были заложены основы для преподавания японского языка и культуры (с 1971 г.), а «школа Фроловой» получила широкую известность. В настоящее время О. П. Фролова курирует восточное направление на факультете иностранных языков НГУ. Группа ее учеников в 1999 г. создали на Гуманитарном факультете НГУ кафедру востоковедения, где в настоящее время ведется преподавание японского языка в рамках направления «Востоковедение, африканистика». Исследованиями же в области синтаксиса японского языка занималась Н. В. Кутафьева, которая под руководством М. И. Черемисиной защитила кандидатскую диссертацию по теме «Типовое строение фразы в японском научно-техническом тексте», по материалам которой впоследствии была издана монография [Кутафьева 2006].

Данное диссертационное исследование представляет собой первое описание системы моделей ЭПП пространственной семантики в японском языке в рамках функционально-семантического подхода с применением метода структурного моделирования. Также выполнено комплексное описание моделей элементарных простых предложений и как единиц языка, и как единиц речи, рассмотрено парадигматическое варьирование, выявлены структурно-семантические варианты, тем самым систематизирован фрагмент синтаксической системы японского языка.

Данная работа представляет собой также первый опыт комплексного сопоставления систем бытийно-пространственных моделей японского языка и урало-алтайских языков Сибири, что является немаловажным для установления типологического сходства и генетического родства языков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней разрабатывается типология простого предложения – одна из важнейших проблем теоретического синтаксиса. В ходе исследования были выявлены и описаны четыре статические и три динамические пространственные модели, что вносит определенный вклад в развитие теории моделирования ЭПП как еди-

ниц синтаксического уровня языка. Сопоставление пространственных моделей японского и алтайских языков выявляет значимые черты типологического сходства и различий в способах отражения пространственных отношений в данных языках.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы для теоретического и практического описаний синтаксиса японского языка, а также при составлении синтаксических словарей, учебников и учебно-методических пособий. Также материалы данного исследования могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по синтаксису простого предложения в японском языке, в частности в разделах, посвященных изучению второстепенных членов предложения, парадигме простого предложения, способам выражения актантных ролей.

Материалом исследования послужила картотека ЭПП предложений японского языка пространственной семантики, насчитывающая более 6000 единиц.

На первом этапе работы накопление материала проводилось путем сплошной выборки примеров из произведений японской художественной литературы XX в., что позволило составить представление о распространенных типах пространственных конструкций, характерных для японского языка, а также очертить общие границы ЛСГ пространственных предикатов. Далее для расширения списка глаголов были привлечены данные различных словарей, как собственно японского языка, так и русского [Бабенко 1988, 1998; Толковый словарь русских глаголов 1999; Васильев 2005; Толковый словарь японского языка «Кодзиэн» 2008; Русско-японский словарь 2012; ЭСС 2002; и др.].

На втором этапе выборки примеров были использованы ресурсы «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» (далее СКСПЯЯ). В выборку включались отрывки из художественной литературы, публицистических изданий, официальных документов, учебников и справочных пособий 70-х гг. XX – начала XXI вв. В данном корпусе нет возможности задавать ключевые позиции предложения, потому отбор примеров осуществлялся через лексическо-грамматический поиск конкретных глаголов и имен пространственной семантики.

Равное (или сопоставимое) количество предложений, взятых для каждого типа пространственной модели, позволило проследить закономерности, сходства и различия в использовании тех или иных структур на основе частоты их появления на каждые 700-800 употреблений.

Выборка примеров бытийно-пространственных ЭПП осуществлялась нами в основном посредством «Сбалансированного корпуса современного

письменного японского языка» (<http://www.kotonoha.gr.jp/>). В нем представлены тексты различной тематики (художественная литература, периодические издания, учебники и пособия, официальные документы, тексты из интернет-блогов и форумов и др.), опубликованные в период с 1971 по 2007 гг. и насчитывающие в сумме около ста пятидесяти миллионов слов. К сожалению, устройство данного корпуса японского языка не позволяет задавать какие-либо морфологические или синтаксические параметры предложения, и поиск производится по конкретной лексеме. Таким образом, поиск в корпусе проводился в основном по глагольным лексемам, и из предлагаемых системой предложений мы отбирали интересующие нас примеры. Кроме корпуса в качестве источника примеров мы также использовали произведения японской художественной литературы XX в. (См. Список источников).

Все примеры приводятся в авторской орфографии и сопровождаются ссылкой на источник, при этом предложения, взятые из корпуса, помечены аббревиатурой «СКСПЯЯ». Кроме первой строки с предложением на японском языке, примеры содержат также две строки морфологического разбора с глоссами – строка в транскрипции латиницей и строка пословного перевода на русский язык с указанием синтаксических ролей. Последняя строка содержит литературный перевод примеров на русский язык в марровских кавычках.

Важной особенностью японского языка вообще и речевых реализаций рассматриваемых моделей ЭПП в частности является частотное опущение тематического субъекта-подлежащего. Это объясняет тот факт, что многие приводимые нами примеры не содержат подлежащего, которое мы восстанавливали из контекста. Позиция субъекта остается незамещенной также в тех ЭПП, которые были выделены нами из придаточных предложений и деепричастных оборотов, предшествующих субъекту. В тех случаях, когда выявить содержание субъектного компонента было невозможно, мы составляли перевод на русский язык в категориях мужского рода единственного числа, подлежащее в таких переводах взято в квадратные скобки.

Выделяя ЭПП из сложных и осложненных дополнительными компонентами предложений, мы опускали незначимые и не влияющие на синтаксическую структуру изучаемой модели члены предложения. Такие предложения отмечены знаком «*».

Теоретической и методологической базой работы послужили труды отечественных и зарубежных лингвистов по структурному, семантическому и коммуникативному синтаксису и функциональной грамматике: Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Л. Г. Бабенко, В. А. Белошапковой, Р. Ван Валина, М. В. Всеволодовой, Г. А. Золотовой, Т. А. Колосовой, Т. П. Ломтева, И. А. Мельчука, А. Мустайоки, Е. В. Падучевой,

В. А. Плунгяна, Л. Талми, Л. Теньера, Ч. Филлмора, М. И. Черемисиной, Н. Ю. Шведовой, Т. В. Шмелевой и др. В данном исследовании принимается постулат о том, что все множество ЭПП каждого конкретного языка может быть сведено к конечному списку типовых образцов, потенциально могущих описывать все аспекты действительности [Черемисина, Скрибник 1996: 49].

Работа выполнена в рамках теории моделирования структуры и семантики элементарных простых предложений в языках разных систем, разрабатываемой сотрудниками сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск) под руководством д.ф.н., профессора М. И. Черемисиной [Черемисина 1989, 1995, 1997, 1998, 2003, 2005; Черемисина, Колосова 1987; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Черемисина, Скрибник 1996; и др.] и на кафедре общего и русского языкознания Новосибирского государственного университета. Исследование продолжает серию работ, посвященных описанию отдельных фрагментов синтаксической системы исследования предложения как синтаксического знака в языках разных систем – алтайском [Байжанова 2004; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008], шорском [Невская, 2005; Телякова 1994], тувинском [Серээдар 1995; Серээдар, Черемисина, Скрибник 1996; Хертек 2008], ненецком [Шилова 2003] и др.

Основным **методом** является метод моделирования структуры и семантики предложения, позволяющий представить множество фраз (конкретных речевых реализаций) в виде абстрактного образца, репрезентирующего структурные и семантические свойства данного множества. Кроме того, в работе использовались методы первичного лингвистического наблюдения объекта, описания и сопоставления, а также компонентного анализа, количественных подсчетов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Бытийно-пространственные модели ЭПП японского языка разделяются на *статические* и *динамические*, которые противопоставлены, во-первых, по семантике предиката, отражающего статику или динамику действия, во-вторых, по типу локализатора, характеризующего статическое существование / местонахождение или динамическое перемещение.

2. Пространственные модели ЭПП японского языка обладают структурными и семантическими вариантами. Структурное варьирование задается способом выражения локализатора, семантические варианты выделяются с опорой на семантику компонентов, входящих в модель. К основным средствам выражения пространственных отношений мы относим пространственные глаголы, имена пространственной семантики в составе локализатора и пространственные падежи.

3. Статический класс пространственных моделей японского языка представлен *бытийно-локативными* моделями и моделями *обладания*. Основанием для противопоставления этих моделей является их типовое значение: существование или местонахождение предмета в точке пространства, с одной стороны, и существование предмета в сфере субъекта-посессора, с другой.

4. Бытийно-локативные модели подразделяются на две группы: *бытийные* и *локативные* модели. Основанием для их разграничения является тип пропозиции. Динамические модели ЭПП разделяются на *адлокативные*, *делокативные* и *транслокативные* модели, которые характеризуют путь перемещения. Для японского языка выделяются *каузативные* и *некаузативные* локативные модели и модели движения по признаку наличия / отсутствия объекта каузации.

5. В японском языке отсутствует отдельный класс моделей *ориентированного движения* и моделей *локализуемого движения*, поскольку данные пропозиции выражаются транслокативными конструкциями. Также ввиду специфического падежного маркирования транслокатива, не могут быть выделены модели *каузативной транслокации*.

6. Принципиальная дифференциация систем пространственных моделей японского и урало-алтайских языков обусловлена различиями в структуре и падежном оформлении актанта-локализатора. В японском языке отсутствуют серийные послелого и класс наречий места, зато развита система имен служебной семантики с пространственным значением. Значимые различия наблюдаются в оформлении *директива-старта* и *транслокатива*.

7. Расхождения в области семантического варьирования моделей и выделения структурно-семантических вариантов не оказывают влияния на общее типологическое сходство пространственных моделей сопоставляемых систем.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования в виде докладов излагались на Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирский государственный университет, 2009 г.), на ежегодной конференции «Языки Сибири и сопредельных регионов» (Институт филологии СО РАН, 2010 г.), на XXVII Международной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Локальное наследие и глобальная перспектива» (Восточный факультет СПбГУ, 2013 г.), на XXVIII Международной научной конференции по источниковедению и историографии стран Азии и Африки «Азия и Африка в меняющемся мире» (Восточный факультет СПбГУ, 2015 г.). По теме исследования имеется 7 публикаций (в том числе 3 тезисов конференций), 3 из них в реферируемых изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура работы. Работа состоит из Введения, двух глав (одной теоретической и одной исследовательской), Заключения, списка использованной литературы, трех Приложений, которые включают список условных сокращений и обозначений, принятых в работе, таблицу бытийно-пространственных моделей, выделенных для японского языка, а также перечень глагольных предикатов, участвующих в образовании исследуемых моделей. Список использованной литературы насчитывает 202 наименования, из которых 10 – словари и справочники.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Всякая система представляет собой множество объектов, объединенных отношениями, причем связи составляющих элементов так тесны, что изменение одного участка системы прямо или косвенно затрагивает все множество. Являясь сложнейшей многоуровневой системой, язык состоит из разноуровневых непересекающихся подсистем, каждая из которых состоит из набора языковых единиц, реализующихся в акте речевой деятельности. Одной из таких подсистем является синтаксис.

В речи синтаксическому уровню соответствует открытое множество фраз, и традиционно долгое время предложению как речевой «данности» не было соответствующей пары среди единиц языка. Однако теперь представляется очевидным тот факт, что на уровне синтаксиса всему многообразию высказываний соответствует закрытый класс абстрактных типовых образцов. Эти образцы содержат только минимально необходимые элементы для формирования полноценного высказывания, которые могут быть распространены или осложнены в процессе речи. Таким образом, сложные и осложненные предложения представляют собой сочетание нескольких подобных образцов, дополненных необходимыми для выражения мысли случайными элементами.

Типовые образцы предложений – модели – лежат в основе синтаксиса любого языка. Причем носитель языка не создает их самостоятельно, а неосознанно получает вместе с прочими знаниями о языке еще в раннем детстве и ориентируется на них в процессе устной или письменной речи. Таким образом, каждый язык обладает уникальным набором синтаксических структур, которые теоретически можно исчислить и описать.

Модель как эталон организации информации в пределах фразы задает правила построения высказывания. Соответственно, совокупность всех типовых образцов закладывает в сознание носителя определенные принципы структурирования и подачи информации, которые в конечном итоге оказывают огромное влияние на формирование мышления индивида как члена «языкового общества».

Выполняя поставленные задачи, мы в первой главе своей диссертационной работы рассматриваем теоретические принципы, которые были положены в основу анализа и описания изучаемого материала. Она логически делится на несколько связанных между собой разделов. В первом из них приведен краткий обзор исследований в области японской грамматики, осу-

ществленных как японскими, так и зарубежными лингвистами. Второй раздел представляет основные положения наиболее распространенных в отечественной лингвистике теорий описания простого предложения. В разделе, посвященном принципам исследования ЭПП, описаны средства записи моделей, раскрывается понятие пропозиции и описываются ее характеристики, а также кратко обрисовывается проблема варьирования моделей. В разделе, посвященном категории пространственности, раскрывается содержание данного понятия, а также представлены способы выражения в языке пространственных отношений. Наконец, в последнем разделе обосновываются принципы, по которым исследуемый материал был классифицирован, систематизирован и распределен в соответствии со структурой и семантикой исследуемых единиц; здесь же рассмотрены основания для сопоставительной работы, представленной во второй главе.

1. Изучение японского языка в Японии и за рубежом

Можно утверждать, что в Японии сложилась самобытная лингвистическая традиция, в рамках которой родной язык изучался практически без сопоставления с другими языками. При этом вплоть до закрытия страны в XVII в. исследования осуществлялись в русле китайской традиции: составлялись иероглифические словари, комментировались древние литературно-исторические памятники. Впоследствии основной интерес исследователей сместился в сторону грамматики, а именно морфологии родного языка. В отличие от Китая, где не существовало такого раздела языкознания, как грамматика, в Японии в первой половине XIX в. были разработаны классификация частей речи и система адъективного и глагольного спряжения. Но, несмотря на это значимое продвижение в сфере изучения грамматики родного языка и разработку совершенно оригинальных подходов к его изучению, японские лингвисты не вели исследований в области синтаксиса вплоть до европеизации Японии.

После того как в Японию в XIX в. проникает европейская наука о языке, общая направленность и характер лингвистических исследований начинает менять свой курс. Разумеется, полного отказа от традиций не происходит, но наблюдаются значительные изменения в описании фонетики и морфологии японского языка. Синтез традиций произошел во многом благодаря трудам Хасимото Синкити [Hashimoto 1946–1969], который старался привнести в японскую науку идеи Ф. де Соссюра и европейского структурализма, а также исследователям Токиэда Мотоки [Tokieda 1950], Ямада Ёсио [Yamada 1936, 1950] и др. Образцом же синтеза традиций в японской науке первой половины XX в. может служить изданная впервые в 1937 г. «Грамматика японского

языка» М. Киэда, в которой подробно изложены разные точки зрения лингвистов того времени [Киэда 2001, 2002].

Несмотря на то, что в XX в. взаимопроникновение идей европейской и японской науки о языке только усиливается, однако основное внимание японских ученых привлекает отнюдь не синтаксис, а вопросы социального функционирования языка. Токиэда Мотоки основал так называемую «Школу языкового существования» (яп. 言語過程説 *genko katei setsu*), интересы которой были сосредоточены на индивидуальных актах порождения речи. М. Токиэда полагал, что языка как системы, отделенной от живой речи, не существует, потому критиковал подход структурной лингвистики за отстраненную позицию наблюдателя в исследованиях. Труды ученых, придерживающихся идей Школы языкового существования, внесли большой вклад в изучение социальных предпосылок языковой деятельности и способствовали развитию социолингвистики [Конрад 1959; Неверов 1967].

Изучение языков урало-алтайской языковой группы в Японии продвигал профессор Токийского университета Хаттори Сиро. Его труды по алтаистике составили четыре тома «Исследования алтайских языков. Избранные статьи Сиро Хаттори» [Hattori 1986–1993], в них он предложил одну из многих разрабатываемых в Японии гипотез происхождения японского языка, предлагая алтайский вариант. Его работы дали толчок к исследованиям в области генеалогии японского языка, однако отсутствие традиций сравнительно-исторического языкознания обусловило недостаточный уровень компаративистских работ. Различными исследователями предлагались весьма специфические теории о происхождении японского языка: так, известны гипотезы о родстве с папуасскими языками Новой Гвинеи, дравидийскими языками, шумерскими, австронезийскими и др. [Вовин 1991].

Что же касается исследования синтаксиса японского предложения, то основной темой, интересовавшей лингвистов, была разработка классификации коммуникативных типов предложений. Существовали разные подходы к выработке классификации типов японского предложения. Первоначально японские исследователи копировали европейские классификации и применяли их к родному языку, выделяя различные типы предложений на основе семантики без учета формальных грамматических свойств японского языка. Приверженцы собственно японских лингвистических традиций, как, например М. Киэда, напротив, опирались на языковые формы, не придавая особого значения смысловой стороне высказывания. Еще одна группа лингвистов, в состав которой входили Ямада Ёсио и Хага Ясуси [Naga 1978, 1979], предприняла попытку объединить коммуникативный и структурный подходы и выработать комплексную классификацию предложений японского языка в русле исследований Школы языкового существования.

Это направление и до сих пор развивается в работах Нитта Ёсио, который изучает языковую деятельность по порождению высказывания без отрыва от его модальности, которая соответствует той или иной языковой ситуации. В работах Ё. Нитта японское предложение предстает состоящим из двух основных частей – ядра предложения, несущего объективную информацию о действительности, и коммуникативной составляющей, которая позволяет описать ситуацию с позиции говорящего. Выделив четыре типа модальности (*побудительная, волеизъявительная, повествовательная и вопросительная*), Ё. Нитта подразделяет японские предложения на четыре соответствующих вида, при этом побудительные и волеизъявительные предложения имеют модальность, направленную на реальную ситуацию, а повествовательные и вопросительные – модальность оценки ситуации [Nitta 1989a, 1989b, 1991]. Данная классификация близка тем, которые были предложены отечественными исследователями. Так, И. В. Головнин выделил познавательные (повествовательные и вопросительные) и непознавательные (неинтеллектуальные и речеобслуживающие) предложения [Головнин 1979: 10]. И. Ф. Вардуль опирается на идею существования двух синтаксических уровней в языке: номинативного (уровень потенциального синтаксиса), единицей которого является предложение, и коммуникативного (уровень актуального синтаксиса), представленный сообщением. Он также выделяет бытийный и небытийный типы японского предложения, рассмотрев ряд их особенностей и структурных вариантов [Вардуль 1964: 10–13].

С 60-х гг. XX в. в Японии также развивается типология и генеративная лингвистика под влиянием получивших известность американских языковых исследований. Ведущую роль в развитии идей генеративной грамматики японского языка сыграли ученые японского происхождения, постоянно проживающие в США, – Сибатани Масаёси, Куно Сусуму и Курода Сигэюки.

Куно Сусуму, профессор Гарвардского университета, особенно известен благодаря своему дискурсивно-функциональному подходу к исследованиям в области синтаксиса японского языка, в частности актуального членения предложения, свободного порядка слов, особенностей экзистенциальных предложений, а также семантических и грамматических свойств японских стативных глаголов. Также известны его работы в сфере компьютерной лингвистики [Kuno 1973, 1987]. Курода Сигэюки также занимался исследованиями в области генеративной грамматики, применяя ее принципы к изучению синтаксиса японского языка. Его интересовали прежде всего глубинные структуры японского предложения в сопоставлении с английским языком: относительно свободный порядок слов в японском языке, функциональная перспектива предложения [Kuroda 1965, 1992]. Таким образом, оба исследователя старались адаптировать идею генеративного синтаксиса

Н. Хомского по отношению к японскому языку и изучить глубинные структуры предложения, что достаточно далеко от структурно-семантического моделирования, которое представлено в данной работе.

Что касается описания японской грамматики (включая синтаксис) за пределами Японии, то первыми авторами подобных работ были португальские миссионеры. На период «закрытия» страны европейские исследования в области японской грамматики приостановились и были возобновлены лишь в конце XIX в., наиболее авторитетные работы того времени принадлежали Дж. Астону, Б. Х. Чемберлену, Дж. Сансому. Позднее, в XX в., наиболее активно японская грамматика разрабатывалась в США и СССР.

В США основы изучения японской грамматики заложил Б. Блок, ведущий ученый в области дескриптивистики [Bloch 1970]. В дальнейшем его идеи развивал Р. Э. Миллер, который также осуществлял компаративистские исследования и разрабатывал гипотезу родства японского и алтайских языков [Miller 1967, 1971]. Однако наиболее полное и обширное описание японской грамматики за пределами Японии составил С. Э. Мартин [Martin 1975]. Ему также принадлежит ряд работ по установлению лексических и морфологических свидетельств в пользу родства корейского и японского языков [Martin 1966, 1990 и др.].

В России же первопроходцем в плане изучения японской фонологической системы (а также реконструкции ее древнего состояния) и диалектологии был Е. Д. Поливанов, который в начале XX в. совместно с О. В. Плетнером составил грамматику японского языка [Поливанов, Плетнер 1930]. Основателем школы советских японоведов по праву считается Н. И. Конрад, ему принадлежит монография «Синтаксис японского национального литературного языка» [Конрад 1937]. В дальнейшем большая часть исследований велась в сфере грамматики современного языка [Фельдман 1950, 1959; Холодович 1937]. Кроме того, разрабатывалась историческая грамматика [Колпакчи 1956], система фонем и музыкального ударения [Сыромятников 1952, 1984]. В 50–70-е гг. XX в. развитие получает тема грамматической семантики, представленная, например, в работах А. А. Холодовича по залогам [Холодович 1969, 1974], активно изучается синтаксис [Вардуль 1964; Головнин 1979 и др.]. Позднее разрабатывается алтайская теория происхождения японского языка, представленная в работах С. А. Старостина [Старостин 1991]. Значимый вклад в изучение японского языка внесли также отечественные исследователи-востоковеды В. М. Алпатов [Алпатов 1979, Алпатов, Подлеская 1988 и др.], В. И. Подлеская [Подлеская 1990, 1993 и др.]. Таким образом, японский язык вызывает живой интерес у исследователей-лингвистов как в Японии, так и за рубежом, и в течение XX в. были составлены труды, освещающие различные аспекты его фонетики, морфологии,

синтаксиса, а также генеалогических связей.

2. История формирования теории моделирования

Одно из важнейших достижений лингвистики XX в. – разграничение единиц языка и речи – было введено Фердинандом де Соссюром. Основная идея этого разграничения состоит в том, что речевые высказывания являются частными реализациями абстрактных языковых сущностей – *моделей*, которые могут объединять множество однотипных структурных вариантов. Таким образом, язык представляется набором инструментов – предельно общих типовых образцов, базирующихся в сознании его носителя и использующихся как шаблоны для формирования конкретных высказываний и, соответственно, портретирования действительности. Соответственно, каждый язык обладает уникальным набором подобных образцов, а значит, позволяет до некоторой степени изучить принципы мышления, обусловленные свойствами данного языка.

Однако вплоть до 1970-х гг. на синтаксическом уровне ученые выделяли только единицы речи, но не единицы языка. Так, в представлениях А. А. Шахматова, предложение – «это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы мышления» [Шахматов 1941: 19], а в концепции В. В. Виноградова «предложение – это грамматически оформленная по законам данного языка целостная единица речи, являющаяся главным средством формирования, выражения и сообщения мысли» [Грамматика 1954, Т. 2: 164].

Понимание предложения как единицы речи нашло свое отражение в «Грамматике русского языка» 1954 / 1960 гг., в основу которого были положены процессы упрощения или, наоборот, распространения структуры предложения в процессе его функционирования. Данная классификация отражает коммуникативные и структурные признаки предложения как единицы речи. В ней представлены следующие типы простых предложений, выделяемые на основе структурно-семантических критериев: 1) по возможности выделить члены предложения – членимые и нечленимые; 2) по цели высказывания – повествовательные, вопросительные и побудительные; 3) по эмоциональной окраске – восклицательные и невосклицательные; 4) по количеству предикативных центров – простые и сложные; 5) по числу составов – двусоставные и односоставные; 6) по полноте / неполноте лексической репрезентации грамматической структуры предложения – полные и неполные; 7) по наличию / отсутствию второстепенных членов – нераспространенные и распространенные; 8) по наличию / отсутствию осложняющих компонентов – осложненные и неосложненные. Как мы видим, данная классификация поз-

воляет постфактум охарактеризовать конкретное высказывание, но отнюдь не дает представления о принципах его построения.

Тем не менее наряду с трактовкой предложения как единицы речи складывалось понимание того, что предложение может также рассматриваться как знак языка. Так, А. И. Смирницкий в «Синтаксисе английского языка» впервые охарактеризовал предложение соответствующим образом: «В предложениях мы находим известные формулы строения, которые являются определенными единицами языка – в отличие от предложений во всей их конкретности и цельности, – подобно тому, как единицами языка являются отдельные слова и фразеологические единицы, находимые в предложениях, – в отличие от конкретных сочетаний фразеологических единиц со словами» [Смирницкий 1957: 35]. По его мнению, к языку относится то, что имеет готовый характер и воспроизводится в акте общения, а к речи – то, что не имеет готового характера и производится в акте общения [Там же: 13].

В 1970-е гг. в отечественном языкознании сформировалось представление о том, что предложение – это двусторонний языковой знак, являющий собой единство плана выражения (структурной схемы) и плана содержания (пропозиции). Так, в «Русской грамматике» 1980 г. предложение определяется посредством перечисления категорий, свойственных ему как единице языка и речи:

1) структурная схема и парадигма: в основе построения предложения лежит отвлеченный грамматический образец (структурная схема, предикативная основа), специально предназначенный языком для построения отдельной относительно самостоятельной единицы сообщения (формальная организация);

2) отвлеченное значение: каждое предложение обладает грамматическим значением предикативности;

3) семантика: каждое предложение обладает своей собственной семантической структурой [Русская грамматика 1980].

В настоящее время предметом изучения синтаксиса являются типовые образцы, реализующиеся в процессе речевой деятельности, и правила их организации и функционирования. Введение понятия «модель предложения», ставшего центром синтаксического описания предложения, позволило наиболее оптимальным способом интерпретировать многообразие конкретных предложений в речевой деятельности, сводя их к ограниченному набору типовых образцов. Однако мнения исследователей о том, что должно включаться в модель, как она должна выглядеть, какую сторону предложения отражать, существенно различались.

Развитие и реализация идеи синтаксического моделирования в широком контексте принадлежит Т. П. Ломтеву. Он обратил внимание на пробле-

му организации предложения в аспекте взаимосвязи его формального и смыслового устройства. В таком свете предложение предстает как двусторонняя сущность, которая одновременно может быть рассмотрена и как высказывание, и как единица языка – средство выражения [Ломтев 1976: 140]. По его мнению, структура предложения представляет собою последовательность форм слов, которая отображает структуру информации, выражаемой предложением [Ломтев 1969: 56–68]. Модель предложения – это образец, по которому строится множество различных предложений. Модель обладает отвлеченной формальной значимостью, в которой фиксируется общий характер отношений между предметами и общий характер ее структурных элементов [Там же: 68].

В работе «Структура предложения в современном русском языке» Т. П. Ломтев ввел два способа представления структуры сообщения предложения: 1) как субъектно-предикатное построение; 2) как систему предметов, связанных отношениями.

Первый способ базируется на заимствованном у логиков представлении, что предложение является словесным выражением логического суждения. Таким образом, субъект и предикат как участники данного суждения (план содержания) предстают в предложении как подлежащее и сказуемое соответственно (план выражения). При втором подходе принимается во внимание структура передаваемой в предложении информации. Данный способ представления структуры предложения предполагает расширение субъектно-предикатной структуры предложения за счет актантов. Таким образом, работы Т. П. Ломтева определили основные направления – структурное и семантическое, в соответствии с которыми развивались представления о модели предложения в отечественной лингвистике.

2.1. Структурный подход к представлению модели предложения

Формальный подход к анализу предложения представлен преимущественно работами Н. Ю. Шведовой [Шведова 1967, 1968, 1973, 1989; Грамматика 1970] и В. А. Белошапковой [Белошапкина 1977, 1978, 1979], а также в пражской «Русской грамматике» 1979 г.

Н. Ю. Шведова ввела понятие *структурной схемы* предложения, под которой понимается предикативный минимум – конструкция, ни один из компонентов которой не может быть изъят без того, чтобы сама эта конструкция не разрушилась как грамматическое единство [Грамматика 1970: 652]. Все распространители, включая также необходимые для информативной целостности и законченности высказывания, выводятся за границы схемы как минимальной структуры [Шведова 1989].

Н. Ю. Шведова разработала представление о «структурных схемах» русских простых предложений, в которых использовала символический способ представления выражающей стороны, что позволило по-новому решить задачу составления закрытого списка моделируемых объектов. Но сам объект моделирования понимался ей узко: предложение сводилось к предикативному узлу, субъектно-предикатной структуре, к двусоставному или односоставному ядру предложения. В работах последующих исследователей делаются попытки расширить структурную схему простого предложения за счет несубъектных аргументов и связать грамматический образец с некоторым типовым значением, таким образом соединив две системы – структурных и семантических схем – в одну, структурно-семантическую.

В. А. Белошапкина развивала идеи Н. Ю. Шведовой о структурном минимуме предложения, стремясь преодолеть узкий формальный подход к представлению предложения. Наряду с введенным ею понятием минимальной структурной схемы, В. А. Белошапкина также использовала понятие «расширенная структурная схема», которая объединяет минимальную структурную схему (субъект и предикат в двусоставных предложениях) и входящие в нее конститутивные, т. е. существенные для семантической структуры предложения компоненты [Белошапкина 1978]. Применительно к русскому языку были выделены следующие существенно важные распространители минимальной структурной схемы: 1) субстантивный компонент с субъектным значением; 2) субстантивный компонент с объектным значением; 3) адвербиальный компонент [СРЯ 1997: 636–639].

Таким образом, В. А. Белошапкина шире подошла к пониманию и отображению моделируемых структур, представив своеобразную систему «предложенческих» форм, за которыми отчетливо просматривается соответствующая ей синтаксическая семантика. Тем не менее даже расширенные за счет конкретизации субъектных и предикатных компонентов, но не включающие в себя актантов, эти структуры являются по сути структурными схемами, а не моделями предложений.

Позиция создателей «Русской грамматики», изданной в Праге в 1979 г., близка подходу Н. Ю. Шведовой и В. А. Белошапкиной. Ее авторы выделили шесть типов элементарных структур в зависимости от того, каким структурно-семантическим потенциалом обладает глагол, т. е. какое окружение необходимо для его реализации. Другими словами, под элементарной синтаксической структурой подразумевается сочетание глагола с партиципантами, способное после морфологического оформления отдельных позиций выступать как самостоятельное предложение [Русская грамматика 1979: 670]. Были выделены классы глаголов с позицией одного, двух и трех обязательных членов, а также глаголы с нулевой валентностью. Несомненным достоинством

такого подхода является его систематичность при определении компонентов, входящих в обязательное окружение, которая основывается на вербоцентрической теории Л. Теньера [Теньер 1988]. Эта теория получила развитие и в других отечественных исследованиях в области синтаксиса. Так, Ю. В. Фоменко предложил различать дистрибутивные формулы глаголов по тем компонентам, которые обусловлены их валентностью. Соответственно, в формулу входят следующие позиции: независимая субъектная (выраженная или не выраженная) и управляемые объектные (обязательные и факультативные) [Фоменко 1984: 17].

2.2. Семантический подход к представлению модели предложения

Ученые, придерживающиеся семантического подхода в моделировании, старались выявить синтаксические модели, опираясь не на форму предложения, а на его содержание. Семантический подход реализован в трудах Г. А. Золотовой [Золотова 1967, 1973, 1984, 1997], Е. В. Падучевой [Падучева 1964, 2004], Л. Г. Бабенко [Бабенко 1988] и др.

Г. А. Золотова определила модель предложения как «минимальное достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующих коммуникативные единицы с определенным типовым значением» [Золотова 1973: 124]. Таким образом, Г. А. Золотова настаивала на необходимости учитывать при построении модели ее морфологические и семантические характеристики. Количество компонентов модели при таком подходе не является стабильным, а варьирует в зависимости от типового значения. В русском языке Г. А. Золотова выделила одно-, двух- и трехкомпонентные предложения, причем каждый элемент этой классификации соотносится с определенным типовым значением, которое некоторым образом объясняет количество компонентов. Так, однокомпонентные модели используются для выражения общего значения наличия, существования, состояния, двухкомпонентные модели описывают предмет и его признак в самом широком значении, а трехкомпонентные – передают отношение одного предмета к другому.

Данная классификация безусловно является большим шагом вперед и отражает стремление автора объединить представление о возможном варьировании количества обязательных компонентов с идеей о смысловой и коммуникативной достаточности предложения. Однако Г. А. Золотова не затрагивала проблему формального представления моделей, потому в ее работе приводится лишь самое общее разбиение предложений на классы.

Е. В. Падучева полагает, что описание синтаксической структуры предложения должно содержать информацию, необходимую для понимания содержания предложения в целом, вытекающую из смысла отдельных слов и

синтаксических конструкций [Падучева 1964: 99]. В ее работах определено одно из значимых для нашей диссертационной работы понятий – *пропозиции*: это смысл, который выражается предикативной группой (предикатом и всеми компонентами, реализующими его семантические валентности), при этом одна и та же пропозиция может стоять за различными по форме высказываниями [Падучева 2004: 36–37]. По мнению Е. В. Падучевой, такие категории, как модальность или наклонение, не меняют базовой семантики предложения, а предикаты, входящие в одну лексико-семантическую группу, не обязательно связаны с той же самой пропозицией. Использование понятия пропозиции при построении модели предложения явилось важным шагом в развитии представлений о семантическом устройстве предложения в отечественной лингвистике. Оно позволило выделить для любой модели не только структурную схему, но и семантическую сторону предложения.

Исследователи группы «Русский глагол» под руководством Л. Г. Бабенко при выделении классов так называемых «семантических моделей предложения» опирались на план содержания предложения, совмещая синтаксический подход с лексикологическим. Ими были выделены классы моделей, под которыми понимаются горизонтально развернутые структуры типового содержания, состоящие из компонентов, связанных типовыми отношениями. Эти компоненты иерархически организованы: вершиной предложения является предикат (чаще всего глагол-предикат), который уточняется подчиненными ему актантами [ЭСС 2002]. Таким образом, базовые семантические модели представлены лексическими вариантами, опирающимися на категориально-лексическую семантику глаголов, в которой, по мнению Л. Г. Бабенко, «заключена информация об отражаемой денотативной ситуации» [Бабенко 1998: 15]. В результате выстроена система из групп предикатов, объединенных общим семантическим полем. Методология распределения глагольных предикатов по лексико-семантическим группам лежит в основе выделения семантических вариантов моделей в нашей работе.

В работах финского русиста, автора «Теории функционального синтаксиса» А. Мустайоки был разработан принцип описания предложения как единицы языка «от значения к форме». Автор пишет, что функциональный синтаксис строится по принципу «от семантических структур к языковым средствам», имитируя речевую деятельность говорящего, который придает своим мыслям языковую форму [Мустайоки 2006: 21].

Описание модели функционального синтаксиса основано на семантических структурах, отражающих положение дел и комментарии к ним говорящего. «Положение дел» – ограничиваемые и интерпретируемые говорящим ситуации, фрагменты действительности, а «семантические структуры» состоят из «ядра», которое представляет собой глубинный предикат и актанты;

«модификатора» – определяющего семантическую структуру метаглагола и актантов; «спецификатора» – семантического элемента, уточняющего актанта, предиката или положения дел в целом (например: время, аспектуальность, количество и пр.).

По степени сложности можно различать два основных типа семантических структур: 1) простая семантическая структура, состоящая из ядра и обязательных модификаторов; 2) сложная семантическая структура, которая представляет собой связанные метасоюзом простые структуры. Простая семантическая структура также может быть расширена при участии факультативных модификаторов или погруженного элемента.

В рамках функционального подхода А. Мустайоки рассматривал актанты как составные непредикативные элементы ядра семантической структуры или его модификаторов. Были выделены следующие типы актантных ролей: агенс, экспериенцер, нейтрал (актант, который является предметом речи, высказывания), объект, тема, реципиент, источник, инструмент, место (актант, указывающий на обязательный для данного положения дел локативный элемент).

Таким образом, данная классификация ядерных структур основана на комбинации разных критериев, таких как семантика предиката, его актантный состав и темпорально-аспектуальные характеристики.

А. Мустайоки полагает, что описание языка в рамках функционального синтаксиса покрывает «весь язык», однако неизбежным следствием широкого охвата языка является то, что его отдельные явления оказываются освещены с разной степенью глубины [Мустайоки 2006: 411–427].

2.3. Структурно-семантический подход к представлению модели предложения

Комплексная структурно-семантическая концепция модели предложения была впервые представлена в трудах Т. П. Ломтева [Ломтев 1958, 1969, 1979; и др.] и позже развита М. В. Всеволодовой [Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова, Шуфень 1999], а также исследователями новосибирской синтаксической школы во главе с проф. М. И. Черемисиной [Черемисина 1989, 1993, 2005 и др.; Черемисина, Колосова 1994, 1987; Черемисина, Скрибник 1996; и др.].

Во многом опираясь на семантический подход Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодова определила модель предложения как конфигурацию синтаксем, сопряженных отношениями предикации, которая включает в свой состав значимые факультативные компоненты и имеет определенное типовое значение [Всеволодова 2000: 234]. Модель предложения, таким образом,

имеет план содержания, или типовое значение, и план выражения – структурную схему, которая представляет собой формализованную запись модели с помощью специальных символов [Там же: 231–232] и рассматривается как «абстрактный образец, по которому строится множество речений», т. е. конкретных актуальных реализаций в акте коммуникации [Всеволодова 1999: 4].

Исследователи новосибирской синтаксической школы (М. И. Черемисина, Т. А. Колосова, Е. К. Скрибник, а затем их последователи) в 1980-х гг. предложили альтернативное решение вопроса о минимальной синтаксической единице и ее репрезентации в виде модели. При этом данная теоретическая проблема была рассмотрена с позиций комплексного подхода, в котором учитывается и структура предложения, и его семантика.

По мнению этой группы исследователей, объект синтаксиса, равно как и его модель, должен быть представлен набором компонентов с определенными значениями и функциями. Важной характеристикой такой единицы является структурно-семантическая полнота и в то же время минимальная достаточность этих компонентов, которая позволит реализовать его пропозиционный смысл. Модель же предложения представляется как сложившееся в сознании исследователя искусственное построение, которое отражает существенные стороны предложения как языковой единицы.

Следуя традициям этой школы, мы в своем исследовании будем опираться на следующее определение модели: «Модель представляет собой двустороннюю языковую сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция (событие, ситуация, положение дел)» [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996: 7]. Все обязательные компоненты фиксируются в ней при помощи условных символов, которые соответствуют частям речи и сопровождаются дескрипторами верхнего и нижнего регистров. Дескрипторы нижнего индекса описывают грамматические характеристики участника модели, например, N_{Nom} используется для обозначения существительного в именительном падеже. Дескрипторы верхнего индекса позволяют представить семантические роли элементов модели: так, активный субъект действия (агенс) представляется записью N^{Ag} .

В работе М. И. Черемисиной «О системности в сфере моделей предложения» общее множество моделей каждого языка рассматривается как система, все члены которой связаны между собой разными типами отношений. Система представлена подсистемами, объединяющими и взаимно противопоставляющими подмножества моделей. Важнейшим признаком, по которому общая система моделей делится на две подсистемы, является тип сказуемого – глагольный или именной. Соответственно этому противопоставлению выделяются предложения глагольного и именного типа [Черемисина 1995].

Вершиной именных моделей является именное сказуемое, знаменательная часть которого может быть выражена существительными, прилагательными, косвенно-падежными формами имен или сочетанием имен с послелогом. Связки, выступающие, в качестве служебной части сказуемого, разнообразны по своей природе, но чаще всего это десемантизированные глаголы бытия. В глагольных предложениях, напротив, сказуемое выражается лексически полноценным глаголом.

Эти типы предложений противопоставлены не только в плане выражения сказуемого, но и по своей семантике. Так, именные модели отражают логические отношения (классификация, характеристика), а глагольные представляют событийные пропозиции (состояние, действие, движение, местонахождение) [Черемисина, Озонова, Тазранова 2008: 51]. В данном исследовании мы затрагиваем только глагольные модели японского языка.

3. Элементарное простое предложение как основная единица синтаксиса

Особенность подхода новосибирских исследователей состоит, в первую очередь, в определении статуса самого объекта исследования: за основную единицу синтаксического уровня языка принимается элементарное простое предложение – простейшая, не членимая единица, представляющая собой единство плана выражения и плана содержания, которые взаимно обуславливают друг друга.

Элементарное простое предложение – одно из базовых понятий в синтаксисе, которое является центральным в нашей диссертационной работе. «Под элементарным предложением мы понимаем простое монопредикативное предложение, не содержащее никаких членов (компонентов), которые могли бы быть развернуты в предикативную единицу» [Колосова, Черемисина 1986: 14]. В состав ЭПП входят предикат в качестве верховного члена предложения и его обязательные распространители: актанты при акциональных предикатах, локализаторы при предикатах местонахождения и движения. Основные характеристики, по которым мы выделяем ЭПП, – это *минимальность* (содержит только компоненты, строго необходимые для описания некоторой ситуации) и *неэллиптичность* (содержит все необходимые элементы для обозначения ситуации и образования неэллиптического высказывания) [Касевич 1988].

Речевые высказывания, построенные по моделям ЭПП, могут представлять не только в виде отдельных предложений, но и как часть сложных полипредикативных конструкций. ЭПП вычлениваются из простых и сложных предложений путем исключения факультативных компонентов. Так, большая

часть примеров для пространственных моделей японского языка в нашей диссертационной работе представляет собой части сложных или распространенных простых предложений. Отметим, что литературный японский язык тяготеет к сложным структурам.

Каждое ЭПП строится по модели, представление о которой заложено в сознании носителя языка. Планом выражения модели ЭПП является структурная схема, в которую входят все обязательные компоненты предложения. Планом содержания ЭПП является пропозиция – языковое отображение определенного типа событий, ситуаций, «положения дел» [Черемисина, Озона, Тазранова 2008: 56]. Важно, что пропозиция представляет собой «один и тот же абстрактный инвариантный синтаксический смысл, общий для фраз, которые могут иметь совершенно разные конкретные смыслы» [Там же: 43]. Из этого следует, что пропозиция соответствует не отдельной фразе, а структурной схеме.

Итак, идея Т. П. Ломтева о комплексном подходе к представлению модели предложения получила свое развитие в работе новосибирских исследователей Сектора языков народов Сибири ИФЛ СО РАН.

3.1. Понятие пропозиции. Типы пропозиций

Смысл предложения выделяется как самостоятельный объект и изучается в рамках семантического синтаксиса. Именно разработка проблем семантического синтаксиса подготовила почву для понимания элементарного простого предложения как двусторонней единицы. Работы, представляющие результаты анализа смысла предложения (пропозиции) и предлагающие критерии установления его семантических границ, наряду с исследованиями, посвященными изучению структуры предложения, являются основными источниками при описании системы моделей предложения.

Ученые, изучавшие семантическую сторону предложения, по-разному решали проблему формализации смыслового содержания предложения. В большинстве современных лингвистических работ описание семантики предложения базируется на понятии «пропозиция», пришедшем из области логики, где оно означало суждение вообще. Однако содержание этого термина варьируется, и одни и те же явления получают, по существу, разные наименования.

Так, В. А. Белошапкина считает, что пропозиция отражает положение дел в действительности, относится к денотативному уровню и трактуется как «объективное содержание предложения, рассмотренное в отвлечении от всех сопровождающих его субъективных смыслов и от той проекции, которую он придает ему та или иная формальная организация предложения» [СРЯ 1997:

775]. Структуру пропозиции определяет предикат, заключающий в себе основное содержание ситуации – признак предмета или отношение между предметами; он также определяет количество участников (актантов) и их роли.

Второе понимание термина «пропозиция» относит ее к сигнификативному уровню интерпретации говорящим положения дел (Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев, Т. В. Шмелева, М. В. Всеволодова, М. И. Черемисина и др.). Понимание пропозитивного значения как атрибута в «его соотнесенности или относимости к предметам или явлениям, в его привязанности к действительности, направленности на референт» представлено в работах Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1976: 79].

Е. Н. Ширяев рассматривает пропозицию как часть номинативного значения предложения, которая «передает само положение дел в мире», в отличие от модуса, показывающего отношение говорящего к сообщаемому [СРЯ 1999: 693]. В исследованиях М. В. Всеволодовой под пропозицией понимается «семантическая структура высказывания, которая формируется субъектно-предикатной парой и связана с определенным формальным выражением» [Всеволодова 1997: 55–56].

М. В. Всеволодова разграничивает понятия пропозиции и типовой ситуации, рассматривая типовую ситуацию как явление денотативного уровня, отражающее действительное положение дел, а пропозицию – как «ракурс» интерпретации говорящим ситуации, располагающийся в пределах сигнификативного уровня. Данное разграничение восходит к работам В. Г. Гака, который указывал, что специфика содержания предложения как языковой единицы заключается в его способности отображать целостную ситуацию внеязыковой действительности. При этом ситуация отражается не зеркально и непосредственно, а через посредство мысли, преломляясь в человеческом сознании, чем и объясняется тот факт, что одной и той же реальной ситуации соответствуют разные синтаксические построения [Гак 1973].

Денотативная типовая ситуация отображает внеязыковое положение дел безотносительно к модельным, актуализационным характеристикам, пропозиция же семантически интерпретирует это содержание как некое событие или как классификацию. Таким образом, по мнению М. В. Всеволодовой, одной типовой ситуации может соответствовать несколько пропозиций [Всеволодова 2000: 123].

М. И. Черемисина и Т. А. Колосова под пропозицией понимают «класс семантических объектов, соотнесенных в плане выражения с ЭПП, его редукциями и номинализациями, которые могут быть предикативными и не-предикативными» [Колосова, Черемисина 1986: 13]. Типовая пропозиция – это та абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака язы-

ка, обобщение класса однотипно оформляемых конкретных пропозиций [Черемисина, Скрибник 1996: 47]. Таким образом, пропозиция понимается как обобщенное содержание некоторого класса ситуаций, связанное с определенной структурной схемой. Каждая типовая пропозиция характеризуется особым, отличным от других составом предметных участников и их функциями, необходимыми для реализации предизируемого признака, и занимает свое место в общей системе [Черемисина 1995: 6].

В данном исследовании мы следуем определению Н. Д. Арутюновой: «пропозиция – это семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложения конструкций (номинализаций)» [ЛЭС 1990: 400], поскольку при данном подходе учитываются возможности парадигматического варьирования предложения при сохранении связи структурной организации с определенным содержанием.

Опыт разработки типологии пропозиций восходит к исследованиям Ч. Филлмора о «глубинных» семантических падежах [Fillmore 1968]. В настоящее время его идеи развиваются в работах американского лингвиста А. Гольдберг, но уже в рамках грамматики конструкций [Goldberg 1995, 2005]. В том же ключе выполнена работа по радикальной грамматике конструкций У. Крофта, одного из представителей функционально-типологического направления в лингвистике [Croft 2001].

Разные классификации пропозиций базируются на двух основных характеристиках: 1) семантическая природа предиката; 2) количество актантов (участников ситуации) при предикате и их семантические роли.

Выделяются пропозиции двух классов: *событийные* и *логические*, первые из которых «портретируют действительность» и являются семантическими моделями имеющих место в мире событий и ситуаций, вторые же представляют результаты умственных операций, умозаключений [Шмелева 1988: 12–24].

К классу событийных пропозиций относятся *бытийно-пространственные* (существование, местонахождение, движение, перемещение), *статальные* (состояние, процесс), *акциональные* (разные типы воздействия на объект), которые проявляются в разных сферах: физической, физиологической, социальной, эмоциональной, психической и интеллектуальной. Основанием такого деления является семантический тип предиката и структура пропозиции.

Вслед за Н. Б. Кошкарёвой, мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой существуют три основные группы событийных пропозиций:

1) бытийно-пространственные, в состав которых в качестве обязательных компонентов входят локализаторы: существования / местонахождения – статический локализатор; движения – динамические локализаторы;

2) статальные: один актант – субъект;

3) акциональные: два актанта – субъект и объект [Кошкарёва 2010: 137].

Отметим, что последний тип акциональных пропозиций в большей степени разработан в трудах Т. В. Шмелевой и М. В. Всеволодовой, которые включают в состав пропозиции большее количество участников и, соответственно, выделяют большее количество событий [Шмелева 1988, Всеволодова 1995]. Так, Т. В. Шмелева выделяет в качестве событийных пропозиций существование, состояние, движение, восприятие, действие (а именно перемещение объекта).

К логическим относятся пропозиции характеристики и реляции. Пропозиции характеристики выражают отношения между субъектом и его признаками, которые носят устойчивый, постоянный характер [Шмелева 1988].

Помимо событийных и логических, В. А. Белошапкина и Н. В. Менькова выделяют промежуточный тип пропозиций, выражающий модусные смыслы, которые описывают внутренний мир человека: состояния, процессы и действия, протекающие в психической сфере человека. Модусные пропозиции эксплицируют этап психической обработки информации о некотором положении дел [Белошапкина, Менькова 1996: 56].

В рамках данного исследования мы описываем только бытийно-пространственную группу событийных пропозиций, представленных в виде элементарных простых предложений. В основе исследуемых нами моделей японского языка лежат четыре типа событий: *существования, местонахождения, физического движения и перемещения* объекта.

3.2. Структура пропозиции

Структуру и семантику пропозиции определяет *предикат*, который обладает определенным валентностным потенциалом и в соответствии с ним создает свое (минимальное) окружение, в которое входят участники ситуации – *актанты* и *сирконстанты*. Термины *актант* и *сирконстант* были введены в научный оборот французским лингвистом Л. Теньером, автором вербоцентрической теории предложения [Теньер 1988].

Актант – предметный и, как правило, обязательный участник ситуации, обозначающий лицо, предмет, участвующий в процессе, описываемом глаголом. С другой стороны сирконстант – необязательный участник ситуации, могущий указывать на время, место, образ действия и другие обстоятельства процесса. С точки зрения семантики актант образует содержательное един-

ство с глаголом, сирконстант же является факультативным элементом структуры [Теньер 1988: 141].

Различение актантов и сирконстантов у Л. Теньера связывалось также с предложно-падежной формой слова: актант, выраженный с большинстве случаев именем существительным, достаточен сам по себе как элемент, зависящий от глагола; сирконстант – элемент структуры, который может быть выражен только наречием; если он представлен не наречием, а существительным, то он должен сначала с помощью предлога приобрести признаки наречия.

Другую точку зрения на значимость актантов и сирконстантов для позиции высказывает А. Мустайоки. Он отмечает, что «нет четкой границы между актантами и спецификаторами (сирконстантами). В большинстве случаев актанты являются элементами, без помощи которых нельзя определить положение дел, а без спецификаторов можно» [Мустайоки 2006: 157]. По-видимому, именно на этом основании А. Мустайоки включает в список актантов *место* – «актант, указывающий на обязательный для данного положения дел локативный элемент», например, при глаголах локации или передвижения: *Игорь переплыл на другой берег* и *Дом расположен на берегу озера* [Мустайоки 2006: 170–173].

М. И. Черемисина также включала в список обязательных компонентов предложения, формируемых предикатами пространственной семантики, *актант-локализатор*. Локализатор раскрывает содержание предикатов с семантикой местонахождения или движения субъекта точно так же, как предметный актант раскрывает содержание «событийных» предикатов [Черемисина 1998: 9–10].

Концепцию актантности с опорой на валентностные свойства глаголов разрабатывает Ж. Лазар. В его понимании актантность – это факты, относящиеся к грамматическим отношениям, установленным между глагольным предикатом и именной группой, зависящей от него [Lazard 1998].

Сирконстанты, по мнению Ж. Лазара, – это именные группы, которые не имеют связи с глагольным предикатом помимо той, без которой они не были бы частью предложения, например такой, которая поддерживается посредством релятора или, в случае «автономности» компонента, содержит свой собственный показатель функции, как часто бывает с выражениями времени. Их появление ничем не обусловлено, оно факультативно, их позиция часто свободна, и их может быть несколько в одном предложении. Однако тот факт, что присутствие сирконстантов факультативно, не означает, что оно не обязательно для определенного контекста [Там же: 78].

Исследователь также выделил класс единиц, занимающих промежуточное положение между актантами и сирконстантами, назвав их адъектами.

Они также являются обязательными участниками в составе пропозиции, наличие которых обусловлено валентностью глагола. К числу адъектов Ж. Лазар относил локативные сирконстанты при бытийно-пространственных глаголах.

Таким образом, состав обязательных компонентов структуры пропозиции варьируется в зависимости от типа предиката. Так, глаголы со значением движения требуют при себе субъект и локализатор, глаголы действия – субъект и объект, а предикаты перемещения – субъект, объект и локализатор.

3.2.1. Основные компоненты пропозиции: предикат, актанта, сирконстант

Рассмотрим характеристики основных участников пропозиции бытийно-пространственных элементарных простых предложений глагольного типа.

Предикат сообщает некоторую информацию о субъекте, указывая на его признак, состояние или отношение к другим предметам [Арутюнова 1990]. Таким образом, семантически он является основным компонентом модели, описывающим ситуацию в свернутом виде.

М. В. Всеволодова применительно к русскому языку выделяет следующие основные типы предикатов: *экзистенциальные, акциональные, статальные, реляционные* и *характеризационные*, которые в зависимости от актантажных ролей подразделяются на более конкретные подтипы [Всеволодова 1995: 22–23].

Пользуясь данным понятийным аппаратом, мы в своем исследовании для описания пространственных моделей используем термины *экзистенциальный, каузативный* и *некаузативный предикаты движения*. Экзистенциальные предикаты представлены бытийными глаголами, каузативные предикаты движения формируются глаголами удаления, помещения и перемещения объекта, некаузативные – глаголами субъектного перемещения.

Актант – предметный, как правило, обязательный участник ситуации, обозначающий действующее лицо или предмет, участвующий в процессе.

М. В. Всеволодова, выделяет несколько классов актантажных ролей с учетом типа предиката и характера пропозиции: *субъектные, объектные, адресат, инструмент, средство*.

Субъектные актантажи иерархически являются первыми и представляют субъектов, активно участвующих в осуществлении действий. Выделяются следующие субъектные актантажи: *агенса, посессора, эксисциенса, коагенса, контрагенса, сила, функцив* [Всеволодова 1995], а также *каузатор действия* [Шилова 2003, Ч. 1: 22].

В описании пространственных отношений японского языка участвуют следующие субъектные актанты:

а) экзистенс:

[1] 夜遅くのその車両には、四人しかいなかった。 [5: 9]

yogu osoku no sono sharyō ni wa yonin shika
поздно вечером ATR тот вагон DAT TOP 4 человека только
i=na=katta
быть=NEG=PST

‘В вечернем вагоне было всего четыре человека.’

б) посессор:

[2] 和にはお金がない。 [СКСПЯЯ]

watashi ni wa o=kane ga na=i
я DAT TOP HON=деньги NOM_R быть.NEG=PRS

‘У меня нет денег.’

в) агенс:

*[3] その老人が乗ってきた。 [5: 9]

sono rōjin ga no=tte ki=ta
тот старик NOM_R садиться в транспорт=CV AUX.DIR=PST

‘В транспорт сел тот старик.’

г) каузатор:

*[4] 彼がコートをハンガーにかけて。 [6: 78]

kare ga kōto wo hangā ni kake=te
он NOM_R пальто ACC плечики DAT вешать=CV

‘Он вешает пальто на плечики.’

Объектные актанты могут являться не единственными в конкретной ситуации и, как правило, зависят от субъектных актантов. Применительно к описываемым пространственным моделям объектные актанты представлены следующими ролями:

а) объект-каузатив:

*[5] ほこりっぽい部屋の床にクッションを敷き。 [4: 27]

hokorippo=i heya no yuka ni kusshon wo shik=i
пыльный=PRS комната GEN пол DAT подушка ACC уложить=CV

‘[Она] расстелила на пыльном полу подушки.’

б) преодолеваемый объект:

[6] 韓国の市場を歩いている。 [6: 91]

kankoku no ichiba wo aru=ite i=ru
Корея GEN рынок ACC идти=CV AUX.PRГ=PRS

‘[Мы] идем по корейскому рынку.’

Отдельного разъяснения заслуживает упомянутый выше актант – *инструмент*, который М. В. Всеволодова трактует широко. В данной работе мы понимаем под *инструментом* только средство передвижения субъекта или объекта. Он не принадлежит к облигаторным компонентам пространственной модели, так как не характеризует пространственные отношения, возможен во всех других типах предложений, т. е. не является уникальной характеристикой описываемого круга предложений, хотя достаточно часто фигурирует в предложениях, построенным по моделям движения.

[7] 新潟まで飛行機で飛んでいく。 [СКСПЯЯ]

Niigata made hikōki de to=nde ik=u
Ниигата LIMIT самолет INSTR летать=CV AUX.DIR=PRS

‘Полечу до Ниигата самолетом.’

Сирконстант – необязательный непредметный участник ситуации, указывающий на время, место, образ действия и другие обстоятельства процесса.

М. В. Всеволодова выделяет следующие разряды (значения) сирконстантов: 1) пространственные (*локатив, директив-старт, директив-финиш, транзитив*), 2) временные (*темпоратив, дименсив*), 3) ситуативные (*ситуатив*), 4) каузальные (*каузатив, мотив, конфирматив*), 5) характеризующие (*способ, интенсив*) [Всеволодова 2000: 148–149].

Представление о сирконстантах как о необязательных участниках ситуации поддерживается не всеми исследователями. Состав и количество актантов и сирконстантов в предложении определяется принадлежностью глагола к определенной семантической группе: например, при предикатах бытия, местонахождения, движения и перемещения позиция *локализатора* – пространственного сирконстанта – является обязательной, а позиции бенефицианта и дестинатива, напротив, являются факультативными. Такую точку зрения разделяют также Т. А. Колосова и М. И. Черемисина, считая некоторые типы локализаторов столь же обязательными компонентами модели, как и актанты, при этом «далеко не каждое обстоятельство места является локализатором» [Колосова, Черемисина 1998: 8].

Рассматривая локализатор как облигаторный компонент пространственных моделей, мы вслед за В. В. Шиловой выделяем *статический* и *динамический* типы локализаторов [Шилова 2003, Ч. 1: 27]. Статический локализатор участвует в характеристике существования, местонахождения субъекта в пределах определенного локума. С другой стороны, динамический локализатор характеризует движение или перемещение субъекта.

В японском языке статический локализатор выражается именем с показателями дательного (*ni*) или творительного (*de*) падежей, одной из функций которых является указание на место действия:

*[8] 秋山には良材はあります。 [СКСПЯЯ]

akiyama ni wa ryōzai wa ar=ima=su
 осеннегоры DAT TOP хороший лес NOM_T быть=ADR=PRS
 ‘Осенью в горах есть хорошая древесина.’

[9] ミニ遊び広場では、マジックやコンサートなどのイベントがあります。

[СКСПЯЯ]

mini asobi hiroba de wa majikku ya konsāto nado
 мини игра площадь INSTR TOP магия RPR концерт PL
 no ibento ga ar=ima=su
 GEN мероприятие NOM_R быть=ADR=PRS

‘На маленькой площади для развлечений бывают мероприятия, наподобие концертов или магических выступлений.’

Динамический локализатор также может включать имена в форме дательного падежа, который в этом случае обозначает направление или конечную точку движения, однако наиболее характерными падежами для динамического локализатора являются направительный (направление), предельный (директив-финиш), исходный (директив-старт), винительный (трасса, исходная точка):

*[10] 私は、戸外へ飛び出す。 [СКСПЯЯ]

watashi wa kogai e tobidas=u
 я NOM_T вне дома LAT выскочить=PRS
 ‘Я выскочил за дверь.’

[11] 入館者はここを通過して出入りする。 [СКСПЯЯ]

nyūkansha wa koko wo too=tte dehairisu=gu
 посетитель NOM_T здесь ACC идти=CV выходить и заходить=PRS
 ‘Посетители заходят и выходят здесь (букв.: через это место).’

Семантика локализатора определяется не только падежным показателем, но и значением служебных имен пространственной семантики (*naka*

‘внутри’, *aida* ‘между’, *soba* ‘рядом’ и др.), входящих в его состав. Их наличие в предложении позволяет более точно охарактеризовать расположение / движение предмета в пространстве и конкретизировать тип пространственных отношений, описываемых в модели:

*[12]長身の男が部屋の中に入り込んでいた。 [СКСПЯЯ]

chōshin	no	otoko	ga	heya	no	na	ni
высокая фигура	ATR	мужчина	NOM _R	комната	GEN	внутри	DAT
hairiko=nda							
входить=PST							

‘В комнату зашел высокий мужчина.’

3.3. Элементарное простое предложение как изосемический способ представления пропозиции

Понятие *изосемии* как в отношении слов, так и конструкций, принадлежит Г. А. Золотовой [Золотова, 2006 (1982): 122–132]. В синтаксисе данный термин описывает соответствие между категориальными значениями структурных компонентов предложения и категориальными значениями их денотатов в реальной действительности. Изосемической считается такая конструкция, которая наиболее нейтрально передает информацию о сообщаемом факте. Она позволяет упорядочить все множество возможных речевых реализаций данного содержания, сводя их к типовой модели, а также выявить коммуникативную цель говорящего.

Изосемическая конструкция всегда представлена изосемическими словами [Всеволодова 2000: 39]: изосемическими являются слова, частеречная принадлежность которых соответствует категориальным значениям явлений, которые они называют, т. е. материальный предмет называется именем существительным, действие, процесс – глаголом, признак действия – наречием и пр. Так, предложение *Спортсмен двигается легко* представляет изосемическую модель, компоненты которой выражены словами изосемических подклассов (предмет – существительным, действие – глаголом, признак действия – наречием). С другой стороны, предложение *Движения спортсмена легки* представляет неизосемическую модель, а его компоненты выражены неизосемическими средствами.

Изосемические модели предложений характеризуются равновесием семантических, морфологических и синтаксических признаков, а неизосемические – смещением этого равновесия. Соответственно, изосемическая модель с ее нейтральным и экономичным строением возглавляет синонимический ряд ее неизосемических вариантов [Золотова, 2006 (1982): 127]. В определении термина ЭПП, на наш взгляд, также лежит представление об изосемич-

ности. Минимальность и неэллиптичность модели ЭПП позволяет ей наиболее нейтрально описывать действительность, передавая всю необходимую информацию минимальным набором средств. Основная функция ЭПП – представление одной конкретной пропозиции, которую можно представить простейшей формой предложения, в отвлечении от смысловой сложности ее речевых реализаций.

Таким образом, ЭПП как изосемическая конструкция представляется исходным «нулевым» инвариантом – ядром синтаксической парадигмы, в котором заложен потенциал к варьированию.

3.3.1. Концепция парадигмы предложения: узкий и широкий подходы

Вопрос о варьировании моделей непосредственно связан с понятием *парадигмы*. В самом общем смысле парадигма – это класс противопоставленных и в то же время объединенных по наличию общего признака языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда [Кубрякова 2000: 366].

Поскольку парадигматические отношения для единиц разных уровней языка могут рассматриваться как в узком, так и в широком понимании, соответственно и сам термин наполняется разным содержанием. По отношению к синтаксическим единицам понятие парадигмы вошло в употребление с конца 1960-х гг. в рамках трансформационной грамматики, в частности в работах Д. Уорта [Worth 1963]. Данный подход должен был способствовать выявлению исходной модели предложения и всех ее модификаций в соответствии с набором параметров варьирования. В систему синтаксической парадигматики включались все синтаксические конструкции, связанные синонимическими или трансформационными отношениями, как то:

- 1) субпарадигмы (простые линейные с неизменной синтаксической структурой и простые нелинейные);
- 2) комплексные парадигмы с преобразованием синтаксической модели предложения (например, при мене залоговых отношений);
- 3) гиперпарадигма, включающая все отдельные ряды субпарадигм.

Развитие идей синтаксической парадигматики связывают с именами ученых Пражской школы [Зимек 1966; Грабе 1966; Адамец 1966, 1978], которые трактовали синтаксическую парадигму как сложную иерархически упорядоченную структуру. В данной концепции место исходной формы занимает некоторое ядерное предложение, а собственно парадигму составляют все трансформы, модификаты и варианты:

1) трансформации (комплексные парадигмы по Д. Уорту) характеризуются стабильностью содержательной стороны и изменениями в структуре ядерного предложения: *Директор утвердил приказ – Приказ утвержден директором*;

2) модификации (субпарадигмы по Д. Уорту) образуются путем изменения модального или фазисного значения в результате введения нового элемента – модификатора: *Я приду – Я могу прийти; Павел был в комнате – Павла не было в комнате; Я работаю – Я начинаю работать*;

3) вариации (простые нелинейные парадигмы по Д. Уорту) предполагают изменение морфологических категорий отдельных компонентов (время, вид, наклонение, число) при полном сохранении синтаксической структуры и количества компонентов: *Я читаю / читал / буду читать книгу* [Антонова 2001: 78–86].

В русистике за последние несколько десятилетий было выделено около десятка концепций парадигм предложения: формоизменяющая [Седельников 1961; Шведова 1969], деривационная [Белошапкина, Шмелева 1981], коммуникативная [Золотова и др. 1998], трансформационная (интерпретационная), синтаксическая, актуализационная [Всеволодова, Дементьева 1997; Всеволодова 2000] и др. По мнению А. М. Ломова, данный термин в этих многочисленных исследованиях трактовался излишне широко и настолько по-разному, что в конечном счете «понятие парадигмы предложения утратило свою четкость и его эвристическая ценность стала практически нулевой». Исследователь предлагал не связывать себя этим термином, а сосредоточиться на преобразованиях предложения в меняющихся условиях речевого общения [Ломов 2007: 223]. Однако, на наш взгляд, именно многочисленность выявленных типов парадигм позволяет составить целостное представление о предложении как единице языка, выявить его границы.

Рассмотрим более подробно существующие концепции парадигмы предложения, разработанные российскими исследователями. Е. А. Седельников и Н. Ю. Шведова в своих трудах узко трактовали данный термин, опираясь на предикативный минимум предложения и на грамматические категории предиката. Уделив особое внимание внутримодельным формальным преобразованиям предложения, они разрабатывали *формоизменяющую* парадигму предложения [Седельников 1961; Шведова 1969, 1973; Грамматика 1970]. Е. А. Седельников включал в состав одной парадигмы предложения, различающиеся формами глагола по категории времени и лица. Н. Ю. Шведова, в свою очередь, относит к парадигме предложения только определенный круг значимых внутрисхемных видоизменений предложения – *модально-временные изменения*, не нарушающие структурного состава предложения. По мнению Н. Ю. Шведовой, парадигма русского предложения об-

разуется в соответствии со временами в индикативе и ирреальными наклонениями. Таким образом, при узком подходе понимание парадигмы предложения сводится к морфологическому критерию, подменяющему синтаксический.

Широкий взгляд на синтаксическую парадигму представлен в работах Т. П. Ломтева, который, развивая идею парадигмы предложения как системы межмодельных преобразований, обращал особое внимание на грамматические свойства предложения. По его мнению, грамматические категории предложения должны обладать теми же свойствами, какими обладают грамматические категории слова:

1) семантическое содержание грамматической категории должно распространяться на некоторое множество предложений;

2) каждая грамматическая категория предложения должна иметь членение, а каждый ее член должен иметь свою специфику в семантике и свойства для ее выражения;

3) члены одной грамматической категории, образующие парадигму предложений, должны обладать некоторым тождеством.

Грамматической категорией предложения является такое свойство его семантики, которое имеет различия в своем содержании, причем эти различия выражаются разными моделями предложения [Ломтев 2007 (1972): 61].

Также Т. П. Ломтев намечает систему *синтаксических категорий* предложения, выражающихся на уровне предложения, не дублирующую систему грамматических категорий глагола:

1) утвердительности – отрицательности;

2) вида общения: повествовательные, вопросительные, побудительные предложения;

3) синтаксического времени;

4) модальности:

а) реальности – гипотетичности;

б) категорию модуса существования: наличность, бытие, возможность, необходимость;

в) субъективной оценки истинности или ложности сообщения;

5) конвертируемости отношений между субъектом и объектом;

6) определенности / неопределенности, обобщенности и формальности предмета;

7) активности – демиактивности [Ломтев (1972) 2007: 62–196].

Широкий подход к пониманию парадигмы предложения не строго связан с выражением предикативности, что позволяет включить в ее состав также системные видоизменения структурной схемы. Такой подход был реализован в трудах В. А. Белошапковой и Т. В. Шмелевой [Белошапкова, Шмеле-

ва 1981; Белошапкина 1999]. По их мнению, парадигма предложения включает не только видоизменения структурной схемы предложения, но также ее возможные преобразования в схемы других синтаксических единиц при тождестве лексической базы. Тем самым данная «формообразовательная», или *деривационная*, парадигма объединяет предложения, соотносящиеся между собой как производящее и производное.

Производная конструкция отличается от исходной осложнением смысла и изменением формы при тождестве объективного содержания. Исследователи выделили следующие дополнительные значения, которые вводятся в предложение с помощью деривационных синтаксических операций: 1) фазисность; 2) модальность; 3) негация; 4) квантитативность; 5) оценочно-экспрессивный смысл; 6) авторизация; 7) интерпретация субъекта [Белошапкина, Шмелева 1981].

Наличие двух пониманий парадигмы предложения отражает широту и многоплановость системных синтаксических отношений. По существу, эти два направления дополняют друг друга: широкое понимание парадигмы отражает обширность системных соотношений, а узкое – их многоплановость и разнородность. В настоящее время в науке уже закрепились идеи о множественности парадигм предложения, которые выделяются на основе разнородных критериев. Известно, что впервые предположение о существовании целой системы парадигм предложения было высказано В. А. Белошапкиной еще в 1996 г. [Белошапкина 2001: 20].

3.3.2. Варьирование модели ЭПП

По вопросу об объеме парадигмы предложения мы разделяем точку зрения исследователей новосибирской синтаксической школы, которые придерживаются широкого подхода. В рамках теории синтаксического моделирования парадигма ЭПП – это совокупность его видоизменений, обусловленных возможностями варьирования по грамматическим категориям при сохранении тождества самому себе, т. е. при сохранении структуры пропозиции, инвариантности отношений между компонентами и способа их грамматического выражения [Черемисина 2003: 3–29].

Актуальными для грамматического варьирования ЭПП являются следующие параметры:

1) грамматическая парадигма глагола как части речи, включающая две комплексные категории: лица-числа и времени-наклонения;

2) грамматическая парадигма предиката определяется всеми грамматическими и лексико-грамматическими категориями, которые, характеризуя действие в данном языке, не меняют системы его валентностей (наблюдения

над тюркскими языками показали, что, помимо глагольных грамматических категорий, актуальными для парадигмы являются лексико-грамматические категории аспектуальности и «способов действия», а также не собственно глагольные категории модальности и эвиденциальности);

3) грамматическая вариативность именных компонентов, которая определяется количеством и качеством валентностей предиката;

4) лексико-семантические требования и ограничения, которые предъявляются к «заместителям» каждой из позиций модели на лексико-семантическом уровне [Черемисина 2003: 27].

Основным же требованием к парадигматическому варьированию является сохранение тождества структуры пропозиции, отношения между предикатом и актантами, а также тождества структурной схемы как плана выражения ЭПП.

Если рассматривать модели предложений как шаблоны, по которым создается некоторое многообразие реализаций, то вкуче эти реализации и будут считаться вариантами структур [Актуализация предложения 1997: 3]. Многообразие речевых воплощений конкретной модели представляет собой ее структурное и семантическое варьирование [Черемисина, Скрибник 1996: 48].

Модели ЭПП варьируют в плане выражения и в плане содержания. «Так, в плане выражения необходимый предметный член предложения может выражаться формами разных падежей», а в плане содержания варьирование связано «с категориально-лексическим наполнением той или иной предметной позиции, в частности – с тем, занимает ли ее личное имя, предметное или географическое понятие» [Черемисина, Скрибник, Сэрээдар 1996: 7].

Диапазон структурно-семантического варьирования моделей предложения ограничивается двумя пределами. С одной стороны, пределом является сама система основных структурных схем предложения, то есть по одной структурной схеме можно построить различные предложения, которые будут отражать совершенно разные стороны действительности, а с другой стороны, нижний предел очерчивается совокупностью конкретных лексических единиц, организующих конкретные предложения [Актуализация предложения 1997: 4].

Структурное варьирование модели – это различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции. Наряду с относительно простыми случаями, как, например, варьирование падежных форм актантов, выявляются и более сложные отношения: между формами локализаторов местонахождения (где) и ориентации движения или перемещения (куда, откуда). Рассматриваемые нами модели ЭПП также варьируют в рамках актуального

членения предложения, что проявляется в формальном выражении, а также расположении в предложении подлежащего-субъекта.

С другой стороны, семантическое варьирование моделей – явление полисемии, обусловленное типовой лексической семантикой компонентов. Под семантическими вариантами модели понимаются такие построения, которые могут иметь в своем составе семантические различия компонентов, не влияющие на смысл и структуру модели в целом [Черемисина, Скрибник 1996: 48]. Так, лексическое наполнение отдельных компонентов модели позволяет нам выделять для японского языка семантические разноуровневые вариации моделей на основе:

- 1) одушевленности / неодушевленности субъекта;
- 2) расположения субъекта в пространстве особым образом, выражаемого семантикой предиката;
- 3) характеристики расположения или движения, заложенной в семантике локализатора, и др.

Следует отметить, что, описывая *систему* бытийно-пространственных ЭПП, мы не можем уделить должного внимания всем возможным парадигматическим вариантам рассматриваемых моделей. В нашей работе используются лишь необходимые и достаточные для описания структурно-семантические критерии. Также важным представляется факт, что варьирование происходит на всех уровнях этой системы. Так, в классе бытийных моделей по категории утвердительности / отрицательности выделяются модель *существования* и как парадигматический вариант – модель *отсутствия*, каждая из которых варьирует в соответствии с семантикой субъекта, предиката, локализатора.

Наиболее важными критериями парадигматического варьирования моделей японского языка является лексико-семантическое выражение участников модели, а также грамматическая вариативность именных компонентов. Глаголы в японском языке не обладают категориями лица-числа, с другой стороны, категория времени-наклонения не является актуальной для нашей работы.

4. Категория пространственности

Пространство является одной из важнейших характеристик картины мира, которую человек формирует посредством языка. Последний вбирает в себя множество элементов окружающей действительности и устанавливает определенные отношения между ними. Пространственные категории и представления, вырабатываемые языковым сознанием, являются центральными для человеческого сознания, базисом для темпоральных и обстоятельствен-

ных отношений [Невская 2005]. Согласно пространственной теории Дж. Лайонза, все типы отношений в языке могут и должны выводиться из пространственных [Lyons 1967, 1968].

Со второй половины XX в. лингвистические изыскания в данной области стали весьма многочисленными и активными. Ученые пытаются выяснить, как именно пространство структурируется и кодифицируется в языках разного типа. Был написан ряд работ по грамматике пространства и типологии пространственных систем [Talmy 1978, 1983; Svorou 1993; Плунгян 1999, 2002]. В Институте им. Макса Планка в Голландии осуществляется широко-масштабная работа по описанию пространственных отношений на материале различных языков.

Российские лингвисты тоже внесли значительный вклад в изучение языков разных систем: Ю. Д. Апресян [1986] и Е. В. Падучева [1996] занимались проблемами пространства в русском языке, предпринимались попытки описать концептуализацию пространства в языке [Арутюнова 2000], исследовались принципы грамматикализации пространственных значений в языках разного строя [Плунгян 2002], М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский изучали способы выражения пространственных отношений в русском языке [Всеволодова, Владимирский 1982].

Американский исследователь, родоначальник когнитивной лингвистики Л. Талми представил пространство как структуру, состоящую из двух подсистем. Первая представляет собой матрицу, схематические чертежи, которые «содержат и локализуют». К данной подсистеме применимы статические понятия *область*, *местонахождение* и динамические – *трасса*, *движение*. Вторая подсистема – это содержимое пространства, формы и взаимоотношения материи, заполняющей первую подсистему. Опираясь на системность как основное свойство пространства, Л. Талми выделил следующие его свойства: каждый объект обладает внешними границами и внутренней структурой; материальные сущности могут вступать в отношения; набор материальных сущностей может составлять определенную систему [Talmy 2000: 179].

4.1. Пространственные отношения

В представлении М. В. Всеволодовой и Е. Ю. Владимирского пространственные отношения представляют соположение в пространстве какого-либо предмета, события (действия), признака и некоторого пространственного ориентира [Всеволодова, Владимирский 1982]. В самом общем виде пространственные отношения обозначают формулой $A + r + L$, где A представляет собой локализуемый объект, L – локализатор, т. е. объект, по отношению к которому локализуется A ; r – пространственное отношение, связы-

вающее объекты *A* и *L* [ТФГ 1996: 8]. Аналогичным образом ситуация локализации рассматривается и у других авторов. Ср., например, триады $O^{lok} - r - L$ в работе [Невская 2005: 10–11] и $X - R - Y$ в исследовании [Всеволодова, Владимирский 1982: 255], а также понятия *figure* (фигура) и *ground* (фон) в работах L. Talmy [Talmy 1983: 225–320], первоначально заимствованные из гештальтпсихологии.

Л. Талми весьма подробно разработал и описал свойства фигуры и фона в работе «How language structures space». Так, основными свойствами фона являются его громоздкость, устойчивость, в то время как фигура значительно более подвижна, меньше по размерам и появляется на сцене пространственных событий позже, что делает ее более значимой с коммуникативной точки зрения [Talmy 1983].

В «Теории функциональной грамматики» (ТФГ) пространственные отношения рассматриваются в цепочке «пространство – время – каузация» [ТФГ: 7]. Однако соблюдается первичность пространственной семантики по сравнению с другими значениями, поскольку пространственные отношения являются более естественными и простыми для восприятия, нежели временные, поскольку пространство связано с сосуществованием элементов действительности, тогда как время – с последовательностью и сменой состояний. По всей видимости, именно эта простота восприятия пространственного значения, его наглядно воспринимаемая связь с физическим миром является причиной, по которой во многих языках пространственные отношения выступают как первичные. Способы выражения пространственных отношений позволяют также выражать и другие отношения, т. е. модели, обычно выражающие пространственные отношения, могут быть адаптированы для выполнения вторичных функций [Там же: 6–7]. В то же время иные (непространственные) модели могут быть использованы для выражения пространственных отношений.

Вслед за авторами ТФГ, мы выделяем следующие релевантные оппозиции, характерные для ситуации локализации:

а) перемещение / местонахождение – данная оппозиция фиксирует наличие / отсутствие движения при описании пространственной ориентации локализуемого объекта;

б) некаузированное / каузированное движение – данная характеристика участвует в разграничении собственно движения (т. е. самостоятельного пространственного перемещения локализуемого объекта) и перемещения, вызванного внешним воздействием.

Описание системы бытийно-пространственных моделей японского языка строится на основе данных оппозиций.

Что касается способов размещения предметов в пространстве, то могут быть выделены несколько вариантов. Л. Талми отмечал, что человек воспринимает пространство главным образом геометрически, поэтому различные языковые средства направлены на размещение объекта по его геометрическим осям относительно системы координат. Однако такая система расположения предмета в пространстве не является доминирующей. Так, С. Левинсон выделил три способа размещения: 1) относительный (*relative*); 2) внутренне присущий предмету-ориентире (*intrinsic*); 3) абсолютный (*absolute*) [Levinson 1996: 139].

Первый способ подразумевает размещение фигуры относительно некоего центра координат, во втором случае размещение предмета зависит от параметров или свойств ориентира или фона, а локализация осуществляется в соответствии с внутренне присущими ему осями координат. Абсолютный способ размещения предмета в пространстве не зависит ни от субъекта, ни от пространственного ориентира. Зато на локализацию предмета решающее влияние оказывают географические особенности ареала, в котором проживают носители языка, – жизненно-функциональные характеристики окружающего мира. Первые два способа размещения весьма распространены, особенно в европейских языках, последний же не является столь универсальным, что, по-видимому, обусловлено географической изолированностью ареала распространения экзотических языков. Тем не менее В. В. Шилова говорит о возможности выделения абсолютного способа размещения в ненецком языке [Шилова 2003, Ч. 1: 38–39].

М. В. Всеволодова и Е. Ю. Владимирский в своей работе также подробно характеризовали категорию объективной пространственной ориентации [Всеволодова, Владимирский 1982]. Категоризация была проведена на основе трех критериев: сопостранственность / несопостранственность предмета и локализатора, их совмещенность в пределах одного пространства; заполненность / незаполненность локализатора предметом (действием); статика / динамика предмета относительно локализатора, которая демонстрирует, изменилось ли пространственное отношение между ними. Динамические отношения, в свою очередь, объединяют три разновидности, маркирующие специфику пространственной ориентации предмета относительно локализатора:

- а) «трасса движения»: *идти лесом / по городу / через лес*;
- б) «пункт движения»: «директив-старт» – исходный пункт движения, «директив-финиш» – конечный пункт движения [Там же: 255–263].

В силу специфики исследуемой предложно-падежной формы и управляющих ей предикатов, наибольшую актуальность в терминологическом и

методологическом плане для нас представляет категоризация предложений на основе критерия статичности / динамичности.

4.2. Способы выражения пространственных отношений

Планом выражения элементов формулы $A + r + L$ при описании частных пространственных отношений в японском языке служат следующие средства:

1) локализуемый предмет A : в зависимости общего пространственного значения в данной семантической роли может выполнять в предложении функцию подлежащего (при обозначении некаузированного движения) или прямого дополнения (при выражении каузированного движения), этот элемент конструкции выражается именем существительным или местоимением;

2) пространственное отношение r : в японском языке к средствам, обозначающим связь двух субстанций, относятся пространственные предикаты, указательные местоимения места, падежные формы имен, служебные имена пространственной семантики;

3) локализатор L : основной формой выражения локализатора в японском языке является падежная форма имени.

В рамках нашего исследования особое внимание уделяется особенностям выражения пространственных отношений и локализатора, а также его индивидуальным характеристикам.

В японском языке, как и во многих других языках, пространственные отношения обычно выражаются комплексно, при участии нескольких средств одновременно. Именно их комбинация позволяет провести «грамматически дифференцированное выражение различных смысловых пространственных отношений, то есть различные значения, которые составляют в своей совокупности систему пространственных отношений» [Всеволодова, Владимирский 1982: 7].

5. Принципы описания системы пространственных моделей японского языка

Исследования и достижения в области когнитивной лингвистики предсказывают значительную близость пространственных систем даже в языках разного строя. Однако избирательность языков в отражаемых типах пространственных отношений и способах их репрезентации позволяет предположить, что носители разных языков обладают различными «мыслимыми» картинами пространства и мира в целом.

Пространственные модели ЭПП различных структурных и семантических типов, формируемых на базе пространственных предикатов, являются основным выразителем ситуативных пространственных отношений, составляя грамматическое ядро в данной сфере. Описание системы пространственных моделей языков разных систем позволило бы проводить сопоставительные исследования с целью установления общности или подтверждения родства. К сожалению, полных описаний пространственных функциональных систем нет еще ни для одного языка, однако исследования в этом направлении продолжаются. Так, ученые новосибирской синтаксической школы активно занимаются исследованиями в области пространственных моделей не только на материале русского языка, но и мало изученных языков Сибири [Невская 1997, 2005; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Чугунекова 1998; Сагаан 1998; Шилова 2003; Хертек 2008; и др.].

Мы, в свою очередь, ставим перед собой задачу описать в общих чертах систему бытийно-пространственных моделей ЭПП японского языка. Заметим, что подобного описания единиц синтаксического уровня для данного языка в лингвистике еще не проводилось, потому в своем исследовании мы опираемся на подобные работы, проведенные новосибирскими исследователями на материале языков коренных народов Сибири.

Итак, модель ЭПП, кроме базовой структуры и семантики, может иметь также соответствующие *структурные, семантические и структурно-семантические* варианты, которые мы представляем, используя метод структурного моделирования. Достаточно подробно мы рассматриваем семантические типы классов и подклассов моделей, выделяя их как на основе значения глагольного предиката, так и с опорой на состав локативной именной группы. Класс бытийно-локативных моделей подразделяется далее на подклассы бытийных, бытийно-перцептивных и локативных моделей. Далее они делятся на более конкретные типы. Включение служебных имен пространственной семантики в состав локализатора позволяет осуществить дробное описание возможных речевых реализаций исходной модели. Рассматривая семантические типы моделей нижнего уровня, мы опираемся на терминологию, предложенную В. В. Шиловой, которая пользовалась системой обозначений локализаций и ориентаций в пространстве. К выделенным И. А. Мельчуком восьми типам локализации ('внутри' – *ин-*, 'на' – *супер-*, 'под' – *суб-*, 'сбоку' – *ад-*, 'сзади' – *пост-*, 'перед' – *анте-*, 'около' – *ануд-*, 'между/среди' – *интер-*) В. В. Шилова предлагает добавить еще два типа: *меди-* 'на середине' и *аут-* 'снаружи'. Ориентации описывают: 1) нахождение в пределах локума – *-эссив*; 2) перемещение в пределы локума – *-латив*; 3) перемещение за пределы локума – *-элатив*; 4) перемещение через локум – *-пролатив*; 5) перемещение по направлению к локуму – *-директив* [Мельчук 1998. Ч. 2: 336; Шилова

2003: 30–31]. Таким образом, с учетом такого подробного рассмотрения семантических типов мы выделяем *классы моделей* ЭПП, объединенные общей интегрирующей семой в пропозиции.

Выводы

Придерживаясь в своей диссертационной работе принципов структурно-семантического подхода к представлению модели предложения, мы принимаем за основную единицу синтаксиса элементарное простое предложение, основными характеристиками которого являются минимальность и неэллиптичность. ЭПП представляется как изосемическая конструкция – ядро синтаксической парадигмы, содержащий потенциал к варьированию.

Модель ЭПП в плане выражения представлена структурной схемой, отражающей все необходимые компоненты: предикат как верховный член предложения и его обязательные распространители – актант и локализатор. План содержания модели представлен пропозицией – языковым отображением определенного типа событий.

Семантическая природа предиката и количество обязательных актантов при нем позволяют классифицировать типы пропозиций. Так, выделяются логический и событийный классы, последний включает в себя рассматриваемые в данной работе бытийно-пространственные пропозиции (существование, местонахождение, движение, перемещение).

Предикат является основным компонентом модели, который в свернутом виде представляет ситуацию. Таки образом, именно семантика предиката позволяет выделить классы моделей (статические и динамические), а также разделить их на конкретные подтипы. Позиция локализатора для бытийно-пространственных моделей является обязательной. В каузативных моделях облигаторной также является позиция объекта каузации.

Варьирование модели ЭПП обусловлено грамматическими и лексикограмматическими категориями входящих в нее компонентов, при этом основным требованием к парадигматическому варьированию является тождество структурной схемы как плана выражения. Структурное варьирование предполагает различные возможности выражения компонентов пропозиции. Лексическая семантика этих компонентов обуславливает возможность семантического варьирования.

Пространственные отношения выражаются комплексно при участии всех обязательных компонентов бытийно-пространственных моделей ЭПП.

СИСТЕМА БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Каждый язык создает неповторимую картину мира, по-своему описывая и интерпретируя действительность. Еще в первой половине XIX в. В. фон Гумбольдт писал: «Весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне. ... Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка» [Гумбольдт 1984: 80]. Очевидно, изучение иностранного языка – это не только освоение устной и письменной речи, но и проникновение в чужое видение мира, усвоение нового социально-культурного контекста. Мы полагаем, что изучение и сопоставление типовых синтаксических структур как базовых шаблонов для речевой деятельности до известной степени позволяет сопоставить разные «картины мира», типы мышления. Вероятно, родство языков может устанавливаться не только на основе лексического и фонетического материалов, но также подкрепляться сходством моделей предложения.

Контрастивная лингвистика – одно из наиболее молодых направлений в современном языкознании. Тем не менее можно утверждать, что основу для его появления языковеды заложили еще в древности, поскольку сопоставление языков имеет столь же долгую историю, как и само изучение языка. Так, В. Г. Гак отмечал, что любые грамматики изучаемого языка, как и многие первые грамматики родного языка, составлялись в сопоставлении с другим языком. Можно утверждать, что современный лингвист, описывающий иностранный язык, имеет в своем сознании привычную ему схему родного языка. Таким образом, изучаемый язык невольно пропускается через комплекс привычных исследователю языковых понятий [Гак 1989: 5].

Существование сопоставительного направления в лингвистике обусловлено необходимостью описания языков, а также последующего их преподавания. Поэтому контрастивная лингвистика – продолжение традиций сопоставительно-описательной практики в отношении других языков. Особую роль в развитии сопоставительных исследований сыграли такие выдающиеся ученые, как Л. В. Щерба и Е. Д. Поливанов. Теоретические основы сопоставительного анализа языков были представлены в работах А. И. Смирницкого [1953], В. Н. Ярцевой [1960] и мн. др.

Контрастивные исследования могут принимать различную форму и преследовать различные задачи. Объектом сопоставительного анализа могут

выступать единицы любого уровня языка. Основные задачи сопоставительного изучения языков следующие: выявление схождения и расхождения в использовании языковых средств; выявление контрастивных особенностей каждого из сопоставляемых языков; анализ языкового материала с целью разработки типологии, для выявления универсалий; преодоление нежелательной интерференции в прикладных сферах использования иностранного языка (преподавание, перевод) [Гак 1989].

В данной главе мы ставим перед собой цель провести сопоставительный анализ систем бытийно-пространственных моделей ЭПП и средств выражения пространственных отношений в японском и некоторых урало-алтайских языках, выявляя типологические сходства и различия в существующих моделях. Такое сопоставление пространственных моделей позволит выявить типологические сходства не только с близко-родственными языками, но и с гипотетически родственным языком. Результаты проводимого анализа представляются нам полезными в плане выявления не только типологического сходства, но и генетического родства японского и алтайских языков. Сопоставление пространственных моделей данной языковой семьи также может способствовать выявлению и описанию некоторых общих для нее закономерностей выражения пространственных отношений.

В первом разделе главы представлен контрастивный анализ средств выражения пространственных отношений, второй и третий разделы содержат результаты исследования комплекса бытийно-пространственных моделей ЭПП японского языка, а также проведенного сопоставительного анализа с соответствующими моделями в урало-алтайских языках (на материале шорского, эвенкийского, хакасского, тувинского, а также ненецкого языков). Мы осуществили вторичное сопоставление, опираясь на существующие работы исследователей новосибирской синтаксической школы [Невская 1997, 2005; Самойлова 2002; Сагаан 1998; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008; Чугунова 1998, 2002; и др.].

Выбор языков для сравнения обусловлен рядом причин. В современной лингвистике существует теория о существовании *алтайской языковой семьи*, которая по наиболее распространенной точке зрения включает в свой состав тюркскую, монгольскую и тунгусо-маньчжурскую языковые ветви, а также корейский и японо-рюкюские языки. Принадлежность последних двух к алтайской семье некоторыми учеными до сих пор воспринимается только гипотетически.

Ряд исследователей [Щербак 1966; Рона-Таш 1974; Vovin 2005; Georg 1999; и др.] либо считают родство алтайских языков недоказанным, либо отрицают единство алтайского праязыка, а внешнее родство тюркских, монгольских и тунгусских языков объясняют на основе их схождения, остав-

ля за алтайской общностью лишь ареальный и типологический статус. Основные сомнения у этих исследователей вызывает сопоставляемая «алтайская» лексика. Утверждается, что все алтайские лексические сопоставления могут быть объяснены разновременными заимствованиями и что общими для алтайских языков оказываются как раз слова, по своему значению относящиеся к «проницаемым» частям лексической системы. Возобновляющиеся на протяжении веков тесные контакты между тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами действительно могут поставить под сомнение алтайскую гипотезу, однако дополнение сравнительных исследований в этой области японским и корейским материалами значительно повышает надёжность сопоставления корней, уменьшая вероятность объяснения лексических совпадений ранними контактами.

Научная алтаистика обязана своим существованием, прежде всего, Г. И. Рамstedту, который обосновал родство не только тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, но и корейского [Рамстед 1957]. Позднее видный американский лингвист Р. Миллер выдвинул гипотезу о принадлежности к данной семье также и японского языка [Miller 1971]. Данная гипотеза была обоснована С. А. Старостиным, который опубликовал этимологический словарь алтайских языков, содержащий почти три тысячи корней и служащий доказательством существования алтайской языковой семьи [Старостин 1991, 2003].

Кроме систематических фонетических соответствий, алтайские языки демонстрируют значительное сходство в фундаментальных грамматических структурах. Например, в области морфологии для них характерно отсутствие категории рода и необязательность выражения категории числа. Кроме того, в алтайских языках последовательная агглютинация осуществляется практически без участия префиксов, а послелогои превалируют над предлогами. Языкам материковой ветви присущи грамматические категории числа, падежа, принадлежности, в то время как в японском и корейском наличествует только категория падежа, при этом система падежных показателей и их функций также демонстрирует значимое сходство. На синтаксическом уровне практически все алтайские языки, разделяя номинативный строй, характеризуются зависимостным маркированием и преобладающим порядком слов SOV. Родство между тюркскими и монгольскими языками более близкое, чем между обеими этими ветвями и тунгусскими, что, впрочем, может быть обусловлено тесными контактами между тюркскими и монгольскими языками на протяжении различных периодов их истории. В то же время все эти три ветви близки друг к другу в большей степени, нежели любая из них к корейскому и японскому.

Таким образом, несмотря на значительные совпадения между японским и алтайскими языками на уровне морфологии, лексики, типологии порядка слов, остается значительный простор для сомнений. На наш взгляд, сопоставление единиц синтаксического уровня – моделей ЭПП – с аналогичными единицами в тюркских языках поможет внести ясность в вопрос о принадлежности японского языка к алтайской языковой семье. Сходство организации синтаксических конструкций, описывающих пространство, и средств выражения пространственных отношений может расцениваться как дополнительный аргумент в пользу алтайского происхождения японского языка.

Мы также приводим эпизодические сравнения с пространственными моделями ЭПП в ненецком языке, основываясь на работе В. В. Шиловой [Шилова 2003]. Во многом опираясь на методологию данного исследования и принципы организации материала, мы сочли необходимым провести некоторые параллели не только с алтайскими языками, но также и с ненецким, который входит в уральскую языковую семью.

Подобное сопоставление представляется особенно интересным в рамках гипотезы о существовании урало-алтайской семьи языков. В настоящее время гипотезу можно считать опровергнутой (особенно резко о данной гипотезе высказывался С. А. Старостин), а сходство языков объясняется в рамках ностратической гипотезы. Специфические схождения уральских и алтайских языков в области лексики, словообразования и типологии могут объясняться сходной средой обитания и многочисленными контактами на разных хронологических уровнях. Однако мы проводим сопоставительный анализ не с целью подтвердить принципиальное родство алтайских и уральских языков, но желая выявить общие черты в системе пространственных отношений.

В данной главе мы даем описание системы пространственных моделей японского языка, а также средств выражения пространственных отношений в японском языке, привлекая для сопоставления материал по алтайским языкам. Основное сопоставление проводится между японским, шорским, эвенкийскими ненецким языками, однако также привлекаем данные по тувинскому и хакасскому языкам. Приступая к описанию и контрастивному анализу пространственных моделей, мы считаем нужным подчеркнуть, что проводим лишь самое общее сопоставление конструкций и строевых средств выражения пространственных отношений.

1. Средства выражения пространственных отношений в японском языке

Средства выражения пространственных отношений – это важнейшая функционально-семантическая система, которая включает в себя многочис-

ленные и разнообразные лексические, морфологические и синтаксические средства [Невская 2005: 7]. В японском языке (как и во многих алтайских языках) в качестве таковых выступают локативные глагольные предикаты, семантика и структура послеложно-падежных сочетаний в составе именной группы локализатора, система пространственных падежей, а также модели как типовые образцы построения предложения – на синтаксическом уровне языка. Ниже приводится описание и сопоставительный анализ указанных средств, который призван предварить систематизацию набора бытийно-пространственных моделей японского языка.

1.1. Общие характеристики пространственных предикатов

Носителями семантики ситуативных пространственных отношений являются, прежде всего, глагольные предикаты, характеризующие локативные пропозиции и предполагающие обязательный актанта-локализатор. В японском языке, как и в языках Сибири, могут быть выделены ЛСГ глаголов, формирующие конкретные бытийно-пространственные пропозиции – предикаты локации, адлокации, делокации, транслокации.

Авторы работ, на которые мы опираемся в ходе сопоставительного анализа, проводили классификацию глагольных предикатов по разным основаниям. Например, И. А. Невская анализирует пространственные предикаты по 4 параметрам: ситуативному, координационному, топологическому и эгоцентрическому [Невская 2005: 50]. Однако наблюдаются некоторые общие закономерности формирования групп глаголов. Семантическая структура предикатов, участвующих в формировании пространственных моделей, очень сложна, и сопоставление классификаций, основанных на разных признаках, не представляется нам необходимой и возможной. В самых общих чертах, среди статических глаголов для всех рассматриваемых языков выделяются экзистенциальные (бытийные) и позиционные предикаты, а среди динамических – глаголы движения и перемещения. Дробление на более мелкие группы проводится на основании дополнительных семантических компонентов, содержащихся в глаголах и характеризующих ситуацию.

Так, бытийные глаголы, кроме собственно идеи бытия, могут описывать: тип субъекта; способ расположения субъекта в пространстве, визуальное или акустическое проявление субъекта и прочие характеристики. Бытийные глаголы (*aru* ‘быть, находиться, жить’ (о неодушевл.), *ikiru* ‘жить, быть живым’, *iru* ‘быть, находиться, жить’, *kurasu* ‘жить, существовать’ и др.) в большинстве своем инкорпорируют обязательный семантический компонент одушевленности / неодушевленности субъекта. При этом большая часть предикатов, характеризующих способ расположения субъекта в пространстве

(*kakeru* ‘сидеть’, *neru* ‘ложиться спать’, *tatsu* ‘стоять’ и др.) используется по преимуществу в отношении одушевленных субъектов, т. е. людей. Расположение же неодушевленных субъектов достаточно редко описывается позиционными глаголами, вместо них прибегают к сложным аналитическим формам непространственных глаголов. Отметим также, что животные в японском языке занимают промежуточное положение между одушевленными и неодушевленными субъектами. Так, при описания бытия или местонахождения животного используется бытийный глагол *iru*, инкорпорирующий значение одушевленности, но при этом в вопросительных предложениях по отношению к животным используется местоимение *nani* ‘что’. Возможно, именно неопределенный статус животных в японском языке обуславливает тот факт, что для них значительно реже, чем для людей, используются позиционные глаголы.

Бытийные глаголы японского языка также могут инкорпорировать значение визуального или акустического проявления своего существования (*hibiku* ‘звучать, греметь’, *kagayaku* ‘сверкать’, *mieru* ‘быть видимым’ и др.) и значение фазы существования, т. е. появление или исчезновение (*arawareru* ‘появляться’, *kieru* ‘исчезнуть, погаснуть’, *kiesaru* ‘исчезать’ и др.). Можно также привести два глагольных предиката, маркирующих временное пребывание субъекта – *tomaru* ‘останавливаться (на ночь)’ и *tomeru* ‘приютить’.

Все перечисленные выше группы японских глаголов, передающих в той или иной мере идею бытия, могут занимать позицию сказуемого в бытийных предложениях. Подобную ситуацию мы наблюдаем и в шорском языке [Невская 2005], и в ненецком [Шилова 2003]. С другой стороны, в бытийной модели эвенкийского языка могут фигурировать только лексемы *би=* ‘быть, существовать’ и *о=* в значении ‘оказаться быть’, в то время как позиционные предикаты и прочие группы глаголов характерны для модели местонахождения [Самойлова 2002: 72].

Глаголы движения, характеризующие сам процесс и путь перемещения, могут отражать способ движения, средство передвижения, векторные характеристики и др. Вопрос инкорпорации дополнительных значений в семантику глаголов движения рассматривал Л. Талми, предложив типологию моделей лексикализации семантических компонентов так называемого «события движения». Данное событие состоит из четырех базовых компонентов: Фигура (Figure) – перемещающийся или локализованный субъект; Фон (Ground) – объект, относительно которого совершается перемещение или определяется местонахождение субъекта; Путь (Path), или Маршрут – маршрут, по которому перемещается субъект, или местонахождение субъекта; Движение (Motion) – компонент, характеризующий наличие в событии собственно движения или статической локализации. Отметим, что под данную классификацию

подпадает не только собственно движение, но и местонахождение, т. е. статические пространственные отношения [Talmy 2000: 25–27].

Взяв за основу данную типологию, Л. Талми провел классификацию языков мира по признаку «конкретный семантический элемент (маршрут движения)». Взяв за основу способ выражения семы Маршрут, он разделил все языки на два типа: языки глагольного типа (*verb-framed*) и языки сателлитного типа (*satellite-framed*). Языки глагольного типа отображают Маршрут в глагольном корне (романские, семитские и др.), а языки сателлитного типа отображают Маршрут в *сателлитах* (большинство индоевропейских языков, финно-угорские и др.). *Сателлит* может представлять собой как аффикс, так и самостоятельное слово, однако он не является ни словоизменяемым аффиксом, ни аргументом глагола. Примерами сателлитов могут служить русские приставки, аффиксы, окружающие корень в составе полисинтетической глагольной словоформы, английские приглагольные постпозитивные частицы и проч. Сателлиты могут быть генетически связаны с предлогами, глаголами, именами существительными, а также наречиями [Talmy 2007: 138–139].

В соответствии с данной типологией японский язык относится к языкам глагольного типа, поскольку Маршрут движения выражается преимущественно в предикате, в то время как сателлиты берут на себя другие функции, например, описание способа передвижения. Данную точку зрения разделяет также Т. А. Майсак, который несколько переосмыслил теорию Л. Талми, предложив свою классификацию типов глаголов, а также ввел русские эквиваленты терминов зарубежного лингвиста. Данный исследователь также относит японский язык к глагольному типу, для которого предпочтительным способом выражения маршрута выступает глагольный предикат, в то время как способ движения выражается синтаксически [Майсак 2005: 105–106].

В японских глаголах компоненты, характеризующие маршрут движения, достаточно многочисленны и могут описывать векторную характеристику старта (*deru* ‘выходить’, *oriru* ‘спускаться, выходить из транспорта’ и др.), векторную характеристику финиша (*hairu* ‘входить’, *kaeru* ‘возвращаться’, *yoru* ‘заходить по пути’ и др.), трассу движения (*koeru* ‘переходить, пересекать’, *tooru* ‘проходить, проезжать’, *wataru* ‘пересекать’ и др.), реже – пространственный объект (*magaru* ‘огибать угол’). Напротив, семантические компоненты способа и средства движения практически не выражаются в глаголе. Можно также утверждать, что глаголы движения не чувствительны к субъекту, иначе говоря, к характеристикам одушевленности / неодушевленности субъекта, его размера или формы. Подобные семантические компоненты выражаются, как правило, полипредикативными конструкциями, ономато-поэтическими выражениями либо описательно. Данное утверждение можно в

равной степени отнести как к некаузативным предикатам движения, так и к каузативным.

Разумеется, существуют отдельные глаголы, инкорпорирующие значения средства передвижения (*aruku* 'идти пешком'), типа субъекта (о животных: *tomaru* 'садиться'), количества субъектов (*narabu* 'стоять в ряд'), однако данные примеры представляются нам исключениями из общего правила. Ситуацию не меняют даже основосложные глаголы, состоящие из двух глагольных корней, из которых первый обычно описывает движение, а второй каким-либо образом характеризует его (скорость, направление, маршрут). Например, *oyogiwataru* 'переплывать' (*oyogu* 'плавать' + *wataru* 'пересекать'), *nagaretsuku* 'быть прибитым течением к чему-л.' (*nagareru* 'плыть по течению' + *tsuku* 'достигать'), *sakihajimeru* 'начать цвести' (*saku* 'цвести' + *hajimeru* 'начинать') и т. п. Другими словами, вспомогательные глагольные основы играют ту же роль, что в русском языке – приставки.

Подобные предикаты «характеризуются очень высокой продуктивностью, регулярностью и слабой идиоматичностью, т. е. значение конструкции выводится по фиксированным правилам из значения ее компонентов» [Подлеская 1993: 20]. По этой причине семантика основ в составе основосложного глагольного комплекса обычно не претерпевает существенных изменений по сравнению с их самостоятельным употреблением. Безусловно, столь малое количество выражаемых в глагольной лексеме компонентов отличает японский язык от рассматриваемых нами алтайских языков, а также от ненецкого.

Перечень пространственных предикатов, характерных для описываемых в данной работе типов моделей, приводится в Приложении 3. Следует отметить, что, несмотря на разделение японских предикатов на группы в соответствии с типами моделей, некоторые предикаты, в частности глаголы движения, могут участвовать в образовании не одной, а двух или более моделей, с учетом их валентности и включения в модель управления более одного пространственного локализатора. Так, при глаголах движения *iku* 'идти, уходить' и *kuru* 'приходить' может актуализироваться как позиция локализатора со значением директива-старта, так и директива-финиша. Таким образом, конкретный тип ситуативного отношения, выраженный в глаголе, дополняется и поддерживается семантикой локализатора.

Сопоставляя пространственные предикаты в японском и сибирских языках, мы хотим отметить ряд совпадающих особенностей:

- 1) пространственные предикаты предполагают наличие в модели ЭПП локализатора;
- 2) максимальное число предметных участников, обусловленных валентностью глагола, – четыре. Так, И. А. Невская и авторы коллективной мо-

нографии по тюркским языкам ограничивают неканонические ЭПП шорского языка моделями с четырьмя предметными участниками [Невская 2005; Черемисина, Озонова, Тазранова 2008]. Е. Г. Самойлова также указывает, что в эвенкийском языке чаще всего реализуются лишь одна или две позиции локализатора [Самойлова 2002: 108];

3) во всех тюркских языках, как и в японском, выделяется соотносительная пара глаголов, противопоставленных по ориентации действия в отношении субъекта наблюдения. Для шорского языка И. А. Невская приводит глаголы *пар* 'идти от субъекта наблюдения' и *кел* 'идти по направлению к субъекту наблюдения', причем субъект наблюдения не обязательно совпадает с говорящим (в японском языке ориентация осуществляется именно в отношении говорящего). Эти глаголы учувствуют в образовании сложных глаголов движения и придают им эгоцентрический компонент;

4) бытийные и позиционные глаголы сопоставляемых языков чувствительны к одушевленности / неодушевленности субъекта: для людей, животных и предметов используются разные глаголы со значением 'быть', 'сидеть', 'лежать' и проч.;

5) при глаголах движения, имеющих позиции директива-старта и директива-финиша, последняя реализуется значительно чаще [Невская 2005; Самойлова 2002; Шилова 2003].

1.2. Особенности структуры и семантики локализатора

Локализатор как обязательный участник пространственных моделей ЭПП обладает характерной пространственной семантикой и наряду с глагольным предикатом непосредственно участвует в формировании типовой семантики предложения в целом. Как и в японском языке, локализатор моделей ЭПП алтайских и уральских языков включает в свой состав целый класс элементов.

Канонические формы выражения локализатора – это отдельное слово (например, пространственное наречие) или словоформа; сочетание имени существительного со служебными именами или послелогоми. Возможность широкого варьирования содержания локализатора и его грамматического оформления обуславливает образование многочисленных структурно-семантических вариантов бытийно-пространственных моделей для всех сопоставляемых языков.

1.2.1. Способы обозначения локума с составе локализатора

Имена, входящие в состав локативной группы, могут описывать локум *номинативно* посредством:

- 1) имени пространственной семантики;
- 2) именем предмета непространственной семантики, местоположение которого определено в контексте и который играет роль локума;
- 3) именем лица, местоположение которого известно.

Локум также может быть описан *дейктически* – через отношение к говорящему – посредством указательных и личных местоимений, местоименных наречий, служебных имен пространственной семантики, лексикализованных падежных форм имен пространственной семантики (алтайские языки) или наречных форм прилагательных ‘далекий’, ‘близкий’ (японский язык). В. М. Алпатов указывает, что подобные обстоятельственные формы входят в парадигму предикативных прилагательных и потому не могут трактоваться как наречия [Алпатов 2008, Т. 1: 504]. Кроме них в японском языке имеются указательные местоимения места *koko*, *soko*, *asoko* со значением ‘здесь’, ‘там’ и ‘вон там’, а также местоимения направления *kochira* ‘туда’, *sochira* ‘сюда’, *achira* ‘вон туда’ (*dochira* ‘в какую сторону’).

Особого внимания заслуживают конкретизированные определительные сочетания в составе локализатора, в которых определяемое и определяющее связаны отношениями принадлежности. В русском языке в подобной конструкции появится два локализатора (*в комнате в углу*), что нехарактерно для тюркских языков, в которых подобные значения выражаются изафетной конструкцией. Причем, как указывает И. А. Невская для шорского языка, слова с широким пространственным значением (‘передняя сторона’, ‘боковая сторона’) со временем грамматикализовались, превратившись в имена служебного типа. Такие грамматикализованные элементы стали присоединяться к знаменательному имени в форме родительного падежа. Подобное явление обнаруживается и в японском языке, где локализатор может включать в свой состав служебные имена пространственной семантики, которые присоединяются к основному имени в родительном падеже.

Служебные имена выступают в качестве конкретизаторов в составе локализатора бытийно-пространственных моделей, оставаясь нейтральными по отношению к ситуативным отношениям в целом. Степень их грамматикализации различна, так что некоторые из них (яп. *naka* ‘внутри’, *ue* ‘верхняя часть’) могут фигурировать в предложении самостоятельно, занимая синтаксическую позицию. Данный класс имен, будучи достаточно обширным, формирует автономную подсистему средств выражения пространственных отношений и выделяется как для японского языка, так и для всех алтайских

языков. Условно их можно разделить на имена внешней ('позади', 'вне') и внутренней ориентации ('внутри', 'между'). Для шорского были также выделены полифункциональные служебные имена, совмещающие оба типа ориентации.

Служебные имена пространственной семантики разными исследователями трактуются также как по отыменные послелогои [Лаврентьев 2002; Фельдман 1955] или служебные (союзные) имена [Алпатов 2008, Т. 1: 187]. Наиболее широко употребляются имена *ue* 'верх', *shita* 'низ', *ushiro* 'позади, за', *mae* 'перед, впереди', *aida* 'между', *soto*, 'снаружи', *naka* 'внутри', *soba* 'рядом', *tonari* 'соседство' [Сафина 2000: 53].

Существительное, предшествующее имени пространственной семантики, принимает форму родительного падежа, в то время как имя пространственной семантики оформляется тем или иным падежом в зависимости от значения предложения в целом или модели управления глагола. В бытийно-локативных моделях локализатор имеет два способа оформления: показателями дательного (*ni*) либо творительного (*de*) падежей. В моделях движения имя пространственной семантики принимает форму одного из следующих падежей: дательного (*ni*), направительного (*e*), винительного (*o*), исходного (*kara*), предельного (*made*).

В отличие от послелогов урало-алтайских языков, в японском языке служебные имена пространственной семантики хоть и соотносятся с типами локализации, но не образуют устойчивых соответствий с типами ориентации, потому могут быть оформлены любым падежом из участвующих в образовании изучаемых моделей. В Таблице 1 приводятся наиболее часто встречающиеся служебные имена с их значениями и связями с типами локализации (по И. А. Мельчуку).

Таблица 1

**Служебные имена пространственной семантики
японского языка**

Имя пространственной семантики	Общее значение	Локализация	Значение
<i>aida</i>	промежуток	<i>интер-</i>	'между, среди'
<i>mae</i>	передняя часть	<i>анте-</i>	'перед'
<i>naka</i>	внутренняя часть	<i>ин-</i>	'внутри'
<i>shita</i>	нижняя поверхность	<i>суб-</i>	'снизу, под'
<i>soba</i>	ближняя сторона	<i>ад-</i>	'рядом, сбоку'
<i>soto</i>	внешняя часть	<i>аут-</i>	'снаружи, вне'

<i>tonari</i>	ближняя сторона	<i>ad-</i>	‘по соседству, сбоку’
<i>ue</i>	верхняя поверхность	<i>супер-</i>	‘сверху, над, на’
<i>ushiro</i>	задняя часть	<i>пост-</i>	‘позади, за’

1.2.2. Реляторы и конкретизаторы в составе локализатора

В языках коренных народов Сибири помимо падежей функцию реляторов – необходимых выразителей ситуативных отношений – берут на себя *послелог* и *наречия*.

В отличие от падежных показателей японского языка, которые характеризуют предельно абстрактные ситуативные и общие топологические отношения, собственно послелог не только выполняет функцию реляторов, но и конкретизирует топологию данных отношений. Таким образом, послелог в пространственных моделях ЭПП также является конкретизаторами. Система подобных послелогов в алтайских и уральских языках весьма обширна. Так, И. А. Невская описывает пространный класс собственно послелогов и послелогов-наречий (преимущественно деепричастные формы глаголов движения) в шорском языке [Невская 2005], а В. В. Шилова приводит не менее сложный класс серийных (восходящих к именам) и несерийных (восходящих к наречиям) послелогов ненецкого языка [Шилова 2003, Ч. 1: 53–62].

В отечественной японистике послелогам называется сочетание падежного показателя и частично грамматикализованной обстоятельственной (реже – определительной) формы глагола [Фельдман 1950, 1959]. Состав данного класса достаточно обширен: С. Э. Мартин приводит в своем исследовании 218 единиц отглагольных послелогов [Martin 1975: 581–592], однако не все из них прошли полную грамматикализацию, потому не признаются в качестве таковых другими исследователями. Большинство из тех отглагольных послелогов, которые фигурируют в различных грамматических справочниках, не имеют локативного значения. Немногочисленность данных единиц и неоднозначный характер их значения обусловил тот факт, что мы не стали рассматривать данный класс реляторов пространственных отношений в японском языке. Однако данная тема может и должна быть исследована в целях уточнения и более полного описания пространственных отношений в японском языке.

В зарубежной и отечественной японистике до сих пор нет единого мнения по поводу критериев выделения класса наречий и разбиения его на семантические подклассы [Симонова 2006]. При этом далеко не все существующие классификации содержат группу пространственных наречий места [Киэда 2001; Лаврентьев 2002]. Согласно общепринятой в японской лингвистической традиции классификации наречий, группа со значением ме-

ста / пространства также обычно не выделяется. Весьма немногочисленная группа наречий представлена в работе И. В. Головнина: *tokorodokoro* ‘местами’, *amaneku* ‘повсеместно’, *hanarete* ‘вдали, поодаль’, *shihōhappō* ‘во все стороны’. Таким образом, класс собственно пространственных наречий весьма и весьма узок, к тому же далеко не все они могут занимать в предложении позицию локализатора.

1.3. Система пространственных падежей

Основным способом соотнесения локума и пространства локализатора в алтайских языках является падежная аффиксация. Причем для оформления локативной группы могут использоваться как собственно локативные, так и не собственно локативные падежи. В японском языке для оформления локализатора также используются падежные показатели, однако они не образуют сцепленных словоформ с лексемами, к которым примыкают справа, поэтому при глоссировании примеров мы не используем для них морфемного шва.

В образовании бытийно-пространственных моделей японского языка участвуют как собственно пространственные, так и непространственные падежи. Так, именительный рематический (*ga*) и тематический (*wa*) падежи оформляют субъект существования / местонахождения или движения, а родительный (*no*) падеж используется для присоединения к ЛСГ локализатора имен пространственной семантики. Винительный (*wo*) падеж, не являясь собственно пространственным, тем не менее кроме объекта каузации также оформляет транслокативный локализатор. К собственно пространственным падежам мы относим: дательный (*ni*), маркирующий существование, местонахождение в бытийной модели и направление в адлокативной модели; творительный (*de*), маркирующий специфическое существование / местонахождение в бытийной модели; направительный (*e*), маркирующий общее направление движение в адлокативной модели; исходный (*kara*), маркирующий делокативный локализатор; предельный (*made*), маркирующий конечную точку движения в адлокативной модели.

Как показал сопоставительный анализ, набор пространственных падежей и их функции в урало-алтайских языках имеют некоторые значимые отличия при общем сходстве падежных систем. Так, например, в шорском языке среди пространственных падежей выделяются также местный, притяжательный, продольный и орудный, в хакасском – продольный, в эвенкийском – отложительный, продольный местный, в ненецком – отложительный и продольный [Невская 2005; Хертек 2008; Самойлова 2002; Шилова 2003, Ч. 1].

Таким образом, выбор падежа при оформлении локативной группы неразрывно связан с ее семантическим типом. Различаются следующие основные типы локализатора:

- 1) собственно *локатив*, обозначающий пространство, в пределах которого находится субъект;
- 2) *директив-страт*, обозначающий начальную точку движения;
- 3) *директив-финиш*, обозначающий конечную точку движения;
- 4) *транслокатив* обозначающий вектор, по которому направлено движение.

1.3.1. Падежное оформление локатива

В оформлении локализатора, описывающего местонахождение субъекта (как собственно нахождение, так и нахождение предмета в каком-либо месте в результате перемещения), нами выявлены некоторые значимые различия для сопоставляемых языков.

Например, в эвенкийском языке локатив оформляется исключительно *дательным* падежом [Самойлова 2002], в то время как для шорского и хакасского языков основным маркером статического местонахождения служит *местный* падеж [Невская 2005; Хертек 2008]. Дательный падеж в шорском языке преимущественно отражает динамику, но у него имеется ряд специфических статических значений, например, топологическая ориентация объекта локализации *лицом к опорному локуму*. В то же время использование *дательного* падежа в значении статической локализации характерно для ряда тюркских языков, например тувинского [Серээдар, Скрибник, Черемисина 1996].

В ненецком языке локатив может быть оформлен как *дательно-направительным* падежом, так и *местно-творительным*: местно-творительный указывает на собственно статическое местонахождение, в то время как дательно-направительный отвечает за местонахождение субъекта, ставшее результатом перемещения [Шилова 2003, Ч. 1: 49].

В японском языке локализатор со значением статического местонахождения преимущественно оформляется показателем *дательного* падежа, что особенно интересно в свете того факта, что в алтайских языках наблюдается оппозиция «дательный–местный (местно-творительный)», в которой дательный падеж несет динамическое значение, а местный – динамическое. Тем не менее имеются случаи употребления дательного падежа в значении статического местонахождения в ряде тюркских языков, например, в хакасском и тувинском [Хертек 2008; Чугунекова 2013]. Статико-динамический характер дательного падежа в японском языке сближает последний с древними состояниями тюркских языков, поскольку такое употребление дательного падежа

наблюдается в памятниках древнетюркской письменности [Невская 2005: 102]. Данный факт может свидетельствовать об общем происхождении и последующем разделении данных языков, нынешнее же изменение функций падежей может быть результатом долгого отсутствия непосредственных контактов между языками и разными лингвистическими ареалами.

Также локатив в японском языке может быть оформлен показателем *творительного* падежа, обычно отвечающего за оформление места активного действия, однако подобное оформление зависит от модели управления глагола, используемого в предложении. Так, ряд позиционных глаголов могут трактоваться как активные и допускают (но не требуют) показателя дательного падежа при локативе. Творительный падеж также в обязательном порядке оформляет локализатор в бытийно-локативных моделях в тех случаях, когда субъект-экзисциенс выражен именем событийной семантики (*концерт, конференция, занятие* и проч.), которые, вероятно, не могут быть истолкованы как статическое действие [Gendai... 2011: 54].

1.3.2. Падежное оформление *директива-старта*

Сопоставительный анализ моделей движения выявил характерную черту, общую для всех языков – позиция делокативного локализатора реализуется значительно реже, нежели позиция адлокативного. Возможно, это связано с общностью мировосприятия и распределения информационных приоритетов, в соответствии с которыми конечная цель движения осмысливается как более важная.

Тем не менее наличествующий в моделях всех рассматриваемых языков директив-страт также имеет вариативное падежное маркирование. В тюркских языках (шорском, хакасском, тувинском, алтайских диалектах), а также в эвенкийском языке делокативный локализатор оформляется *исходным* падежом, который обозначает пространство, из которого начинается движение. Однако для эвенкийского языка данное падежное оформление не характерно. В подавляющем большинстве случаев директив-старт присоединяет показатель *отложительного* падежа, который характеризует конкретный локум, в рамках которого находился субъект до начала движения. Исходный падеж отвечает за характеризацию общего направления, откуда происходит движение [Невская 2005; Хертек 2008; Самойлова 2002; Тыбыкова 1991].

В японском языке делокативный локализатор также имеет вариативное оформление: функцией характеристики исходной точки обладают показатели *исходного* и *винительного* падежей. Канонической формой оформления локализатора делокативных моделей считается исходный падеж, который и фи-

гурирует в соответствующих ЭПП нашей выборки примеров. Однако некоторые глаголы движения со значением покидания пространства в модели управления содержат винительный падеж как предпочтительный (напр., *oriru* ‘выходить из транспорта’).

Существует ряд ограничений на использование винительного падежа при делокативном локализаторе:

- 1) он используется только для описания осознанного целенаправленного действия;
- 2) не используется в вопросительных предложениях;
- 3) не используется в предложениях с актуализированной конечной координатой;
- 4) не может быть использован в каузативных моделях, поскольку это привело бы к появлению двух разнотипных прямых дополнений у глагольного предиката, чего принципиально не может быть в японском языке [Gendai... 2011: 68].

1.3.3. Падежное оформление *директива-финиша*

Позиция адлокативного локализатора в тюркских языках может оформляться *дательным* и *направительным* падежами.

Например, в шорском языке дательный падеж маркирует локализатор со значением пункта адлокации (места, куда перемещается / помещается субъект / объект); направления движения; конечной точки при транслокативном предикате. Направительный падеж способствует характеристике вектора движения, направленного к некоторой конечной точке движения, но не достигающего ее. Аналогичную картину можно увидеть и в хакасском языке, в то время как в тувинском варьирование падежного маркирования зависит от степени грамматикализации глагольного предиката [Невская 2005; Хертек 2008, 2013].

Подобная ситуация наблюдается и в японском языке, где дательный падеж отвечает за движение или перемещение, достигающее и пересекающее пределы определенного локума. Показатель дательного падежа также может привносить компонент целенаправленности, осознанности совершаемого движения, исключая случайное самопроизвольное движение из позиции [Gendai... 2011: 68]. Это объясняет отчасти тот факт, что среди ЭПП, построенных по моделям адлокативного помещения, практически не встречаются примеры с показателем направительного падежа при локализаторе. Соответственно, целый ряд предикатов со значением помещения не содержит в модели управления направительного падежа.

Показатель направительного падежа в японском языке маркирует локализаторы, характеризующие общую направленность движения с необязательным пересечением границ указанного локума. Также локативная группа в форме направительного падежа может описывать пространство, не имеющее четких границ, которых можно было бы достичь или пересечь: *Бабочки улетели в небо* или *Птицы улетают на юг*.

Отличительной особенностью адлокативных моделей японского языка является маркирование позиции директива-финиша *предельным* падежом. В отличие от двух других падежей, использующихся в адлокативных ЭПП, предельный падеж характеризует предел развития ситуации. Соответственно, локализатор в форме предельного падежа указывает то место в пространстве, в котором движение полностью прекращается. Сравнительно небольшое количество примеров ЭПП с показателем предельного падежа в нашей выборке свидетельствует о специфичности данной конструкции. Говорящий может выбрать данную речевую реализацию, желая подчеркнуть предел движения / перемещения [Там же: 62–63].

Не менее характерным является оформление позиции директива-финиша в эвенкийском языке. Локализатор адлокативных моделей в данном языке может выражаться формами *местного* и *направительного* падежей. Как и в других рассмотренных выше случаях, в эвенкийском языке направительный падеж отвечает за характеризацию общего направления движения безотносительно его результата. С другой стороны, именно местный падеж участвует в выражении достигаемой конечной точки движения. Кроме того, он также может обозначать пространство, к которому приблизился субъект движения. Отмечается, что местный падеж фигурирует в большинстве адлокативных ЭПП [Самойлова 2002].

1.3.4. Падежное оформление *транслокатива*

Позиция транслокативного локализатора имеет в разных языках вариативное падежное оформление. Так, в тувинском языке задействуется *исходный* падеж, в эвенкийском, хакасском и ненецком языках позиция транслокатива выражается формой *продольного* падежа, характеризующего трассу движения. В ненецком языке продольный падеж также может указывать на движение, локализованное в пределах некоторого локума [Хертек 2008; Самойлова 2002; Шилова 2003, Ч. 1].

В шорском языке на трассу движения указывает так называемый *направительный* падеж, для которого в действительности чаще актуализируется именно транслокативное значение. Кроме направительного, трассу также описывает *орудный* падеж. Часто в предложениях с транслокативным зна-

чением аффиксы этих двух падежей являются взаимозаменяемыми. Однако орудный падеж маркирует трассу скорее как средство достижения цели, в то время как направительный предпочтительно используется в предложениях, где описывается раздвоение дороги и нужно сделать выбор.

Трассу в шорском языке также описывают при участии *неопределенного* и *винительного* падежей. Выбор того или иного показателя напрямую зависит от стремления говорящего подчеркнуть определенность пространства, за что отвечает винительный падеж, или характеризовать его как неопределенное. Кроме трассы, неопределенный и винительный падежи в шорском языке участвуют в характеристике преодоления пространства, полного охвата пространства, которое также описывается транслокативным локализатором [Невская 2005].

В тувинском языке транслокативный локализатор может также выражаться формой неопределенного падежа. В случае же описания преодолеваемого пространственного ориентира, транслокатив может вариативно оформляться и направительным, и винительным падежами [Сагаан 1998].

На фоне этого разнообразия падежных маркеров, предлагаемых алтайскими языками для оформления транслокативного локализатора, японский язык отличается удивительным единообразием. Транслокатив в японских пространственных ЭПП может быть оформлен исключительно показателем винительного падежа. Данный способ формирования транслокативного локализатора обусловил факт отсутствия каузативных транслокативных конструкций в системе пространственных моделей ЭПП японского языка. Добавление позиции объекта перемещения (как и в случае с каузативными моделями удаления) привело бы к формированию двух неоднородных прямых дополнений при одном глаголе. Аналогичную ситуацию описывает И. А. Невская для шорского языка: когда локализатор обозначает преодолеваемое пространство, он занимает объектную позицию – позицию прямого дополнения, что исключает возможность ввести в предложение еще и объект каузации [Невская 2005: 63].

Более того, в японских транслокативных ЭПП любой тип пространства, по которому или в рамках которого совершается движение (трасса, преодолеваемый объект, объект-локатив при полном охвате пространства, объект-циркумлокатив при движении по дуге), маркируется винительным падежом. Также в зависимости от модели управления предиката, формирующего ЭПП, винительным падежом может описываться также локализованное движение. По этой причине мы в своей работе не выделяем для японского языка ни моделей ориентированного движения, ни моделей локализованного движения, как это сделано для многих алтайских языков или для ненецкого языка.

Подводя итог сопоставлению средств выражения пространственных отношений в японском и урало-алтайских языках, мы можем заключить, что данные системы демонстрируют значимое типологическое сходство во всех выделенных разделах (предикат, локализатор, падежная система). Тем не менее отмечаются определенные расхождения, позволяющие оценить специфику японского языка:

1) японский относится к языкам глагольного типа (по Л. Талми), вследствие чего пространственные предикаты данного языка в гораздо меньшей степени, нежели предикаты сопоставляемых языков, инкорпорируют в свою семантику компоненты способа передвижения, характеристик субъекта, пространственного ориентира и проч.;

2) японский язык не обладает развитой системой серийных послелогов, зато в нем представлен набор служебных имен пространственной семантики, не чувствительных к типу ориентации, но помогающих описывать типы локализации;

3) в японском языке практически полностью отсутствует класс пространственных наречий, которые могли бы замещать позицию актант-локализатора в рассматриваемых моделях, однако имеются указательные местоимения места;

4) при общем сходстве системы пространственных падежей наблюдаются расхождения в ее составе;

5) дательный падеж японского языка обладает статико-динамическим значением, что не характерно для урало-алтайских языков;

6) винительный падеж также имеет большой спектр функций в рамках бытийно-пространственных предложений, участвуя в маркировании директива-старта и транс-локатива.

2. Сопоставительный анализ пространственных моделей ЭПП японского языка и языков народов Сибири

В японском языке система пространственных моделей представлена блоками статических *бытийно-локативных* моделей и модели *обладания* и динамических моделей *движения*. Статические и динамические модели различаются по семантике предиката, который описывает либо динамику, либо статику действия, а также по типу локализатора, характеризующего существование и местонахождение (статические модели) или перемещение субъекта / объекта (динамические модели).

2.1. Бытийно-локативные модели

Бытийно-локативные модели японского языка в соответствии с типом описываемой пропозиции подразделяются на два класса: бытийные и локативные. Их объединяет общая бытийная пропозиция, однако типовая семантика различается. Так, экзистенциальная модель описывает «существование субъекта в определенной точке пространства», а локативная – «местонахождение субъекта в определенной точке пространства».

Экзистенциальная и локативная модели японского языка формируют единое семантическое целое: в зависимости от актуального членения предложения в пропозиции бытия актуализируется либо бытийное, либо локативное значение. Если субъект составляет рему высказывания и располагается в непосредственной близости от предиката, то в модели преобладает значение существования. С другой стороны, начальная позиция в предложении тематизированного субъекта позволяет говорить о местонахождении.

Рассматривая подобную зависимость между бытийными и локативными предложениями ненецкого языка, В. В. Шилова предлагает считать бытийные модели парадигматическим вариантом локативных моделей при явном типовом различии их значений [Шилова 2003. Ч. 2: 9]. С другой стороны, И. А. Невская, выстраивая иерархию системы пространственных моделей шорского языка в виде *гипермодель – модель – структурные варианты – семантические варианты – структурно-семантические варианты*, рассматривает их как отдельные модели (*бытия* и *местонахождения* соответственно), не связанные парадигматическими отношениями [Невская 2005]. Е. Г. Самойлова разделяет бытийно-пространственные модели эвенкийского языка на бытийные и пространственные, причем к последним помимо моделей движения относится также модель местонахождения. Такая специфическая оппозиция проводится ею на основе типа предиката, обязательности / факультативности позиции локализатора и способа образования отрицательного варианта [Самойлова 2002].

2.1.1. Структура бытийно-локативных моделей

В семантической структуре бытийно-локативных предложений выделяются следующие обязательные компоненты: бытующий объект, локализатор и показатель бытия [Арутюнова 1976: 212].

В японском языке ЭПП, построенные по бытийно-локативным моделям, также включают в свой состав следующие обязательные компоненты: *субъект* (одушевленный или неодушевленный), *локализатор* (локативная именная группа со значением места) и *бытийный предикат* (либо его аналог).

Предикат, занимая в предложении позицию сказуемого, располагается в абсолютном конце предложения, в то время как порядок следования субъекта и локализатора может варьировать в зависимости от типа модели.

1) Предикат. Глагольные предикаты, фигурирующие в данных моделях, как правило, представлены бытийными глаголами *aru* и *iru* со значением ‘быть, являться, находиться’; первый глагол *aru* используется в отношении неодушевленных субъектов, второй *iru* – в отношении людей и животных.

В бытийных и локативных предложениях также могут встречаться аналоги бытийных глаголов, которые в той или иной степени могут передавать идею бытия. Как правило, это стативные глаголы, такие как: *sumu* ‘проживать’, *tomaru* ‘останавливаться на ночь’, *tsutomeru* ‘служить где-либо’, *suwaru* и *kakeru* ‘сидеть, садиться’, *neru* ‘спать’, *nemuru* ‘дремать’, *tatsu* ‘стоять, вставать’ и др.

В бытийно-локативных моделях, хотя и с меньшей частотностью, фигурируют предикаты, описывающие *фазу* существования или *восприятие* субъекта действующим лицом: *arawareru* ‘показаться, оказаться, появиться’, *kakureru* ‘скрыться’, *kieru* ‘исчезнуть, погаснуть’, *kagayaku* ‘сверкать’, *mieru* ‘виднеться’ и др.

2) Локализатор. Локализатор бытийно-локативных моделей представляет собой именную группу, которая может включать имена существительные, указательные местоимения места, обстоятельственные формы прилагательных со значением ‘далёкий’, ‘близкий’, а также имена пространственной семантики, указывающие на тот или иной тип локализации.

2.1.2. Экзистенциальная модель

$LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex}$

«существование субъекта в определенной точке пространства»

Экзистенциальная модель описывает наличие / отсутствие субъекта в точке пространства. Включение в состав модели дополнительного не обязательного компонента позволяет также описать количество бытующих субъектов. Структурные и семантические варианты моделей выделяются в соответствии со способом выражения их компонентов.

Приведем пример типичной речевой реализации модели:

[13] フランスにバルザックという小説化があった。 [9]

Furansu	ni	Baruzakku	toiu	shōsetsuka	ga	a=tta
Франция	DAT	Бальзак	QUOT	писатель	NOM _R	быть=PST

‘Во Франции жил романист по имени Бальзак.’

2.1.2.1. Порядок следования компонентов экзистенциальной модели

Поскольку основная функция бытийных предложений – вводить в дискурс новых участников, подлежащее экзистенциального предложения всегда рематическое, что наглядно продемонстрировано в примере [13]:

Базовый порядок слов в японском предложении – «(топик) – подлежащее – обстоятельства и дополнения – сказуемое». Однако есть существенные основания для того, чтобы считать, что в бытийном типе предложений базовым является другой порядок, а именно такой, когда на первом месте стоит не подлежащее, а именная группа со значением места / времени.

В примере [14] представлен такой порядок слов, при котором на первой позиции в предложении стоит локализатор, а подлежащее, оформленное показателем рематического именительного падежа *ga*, располагается в непосредственной близости от сказуемого:

[14] 蟾の額には夜光の明珠がある。 [9]

gama no hitai ni wa yakō no meishu
жаба GEN лоб DAT TOP свечение в темноте GEN драгоценный камень
ga a=ru
NOM_R быть=PRS

‘Во лбу у жабы есть драгоценный камень, светящийся в темноте.’

Как отмечает В. М. Алпатов, «порядок слов с препозицией локативной именной группы является нейтральным для бытийных предложений» [Алпатов 2008: 86].

Согласно Куно Сусуму, данный порядок слов встречается в бытийных предложениях в 3,5 раза чаще, чем обратный – с препозицией подлежащего [Kuno 1971: 354]. Однако начальная позиция подлежащего, даже нетопикализованного, способствует его интерпретации как определенного, уже введенного в дискурс, в то время как подлежащее бытийного предложения должно быть неопределенным, неизвестным слушающему.

2.1.2.2. Особенности предикатов экзистенциальной модели

Несмотря на то, что в японском языке есть два бытийных глагола со значением ‘быть, находиться’: *aru* (о неодушевленных предметах) и *iru* (о людях и животных), в экзистенциальных предложениях при любых субъектах может быть использован глагол *aru*, в то время как употребление глагола *iru* является нетипичным для данной модели.

[15] 世間には猫の恋とか称する俳諧趣味の現象がある。 [9]

sekai ni wa neko no koi toka shōsu=ru haikai
 общество DAT TOP кошка GEN любовь некий называться=PRS поэзия
 shumi no genshō ga a=ru
 увлечение GEN явление NOM_R быть=PRS
 ‘В обществе существует поэтическое явление, которое называется, кажется,
 кошачьей любовью.’

[16] 昔しある所に一人の天文学者がいました。 [9]
 mukashi aru tokoro ni hitori no temmongakusha ga
 прошлое некоторый место DAT один GEN астроном NOM_R
 ari=mash=ita
 быть=ADR=PST
 ‘В старину жил где-то астроном.’

В примерах [15] и [16], представляющих собой экзистенциальные предложения, использован глагол *aru*, несмотря на то, что подлежащее последнего примера обозначает одушевленный субъект.

Как указывает И. А. Невская, глагольные предикаты с бытийным компонентом в семантике используются в языках разных систем как связочные или вспомогательные. Большая часть таких глаголов – статические бытийные предикаты с обязательной позицией локализатора [Невская 2005: 161].

В японских предложениях, построенных по экзистенциальной модели и выражающих существование субъекта в определенной точке пространства, может встречаться особая аналитическая форма длительного вида переходных глаголов:

*[17] ほかに家具のない座敷の中央に、瀬戸物の火鉢が置いてあり。
 [СКСПЯЯ]
 hokani kagu no na=i zashiki no chūō
 кроме мебель GEN AUX.NEG=PRS гостиная GEN центр
 ni setomono no hibachi ga o=ite ar=i
 DAT керамика GEN очаг NOM_R расположить=CV AUX.PRG=CV
 ‘В центре гостиной, в которой не было никакой другой мебели, располагался
 гончарный очаг.’

*[18] ウィンドに黒いフィルムが貼ってあり。 [СКСПЯЯ]
 windo ni kuro=i firumu ga ha=tte ar=i
 окно DAT черный=PRS пленка NOM_R наклеивать=CV AUX.PRG=CV
 ‘На окне наклеена черная пленка.’

*[19] 枕の下にピストルが入れてあった。 [СКСПЯЯ]
 makura no shita ni pisutoru ga ire=te
 подушка GEN низ DAT пистолет NOM_R помещать=CV
 a=tta
 AUX.PRG=PST

‘Под подушкой был пистолет.’

Аналитическая глагольная форма в приведенных примерах состоит из деепричастной (так называемой «срединной») формы знаменательного переходного глагола и вспомогательного глагола прогрессива *aru*.

Фигурирующий в данных примерах вспомогательный глагол длительности ситуации *aru* восходит к одноименному бытийному предикату, описанному выше. Как вспомогательный, этот глагол описывает длительность некоторого состояния, однако подлежащее при нем, в сущности, обозначает объект действия, а другие актанты (в том числе и агенс) не могут быть выражены. Таким образом, глагол *aru* понижает валентность глагола, к которому присоединяется.

Подлежащее данных предложений может быть лишь неодушевленным. Сами предложения сходны по значению с пассивными (синтетическая форма пассивного залога), но последние значительно шире по значению: подлежащее может быть одушевленным, возможно замещение позиции деятеля. Несмотря на то, что подобные предложения имеют компонент каузативности в семантике, формально их нельзя причислить к каузативным моделям, поскольку позиция объекта локации отсутствует.

Итак, в экзистенциальной модели, кроме собственно бытийных предикатов и их аналогов, может фигурировать особая форма длительного вида, передающая существование некоторого субъекта в определенной точке пространства в результате перемещения, осуществленного неизвестным действующим лицом. Несмотря на то, что, по сути, в данных предложениях происходит слияние двух пропозиций – перемещения и существования, формально такие предложения могут быть причислены к бытийным по сути.

2.1.2.3. Особенности падежного оформления локализатора

В подавляющем большинстве экзистенциальных предложений локативная именная группа оформлена показателем дательного падежа *ni*, который в данной модели предложения имеет значение места (в прямом и переносном смысле). Данный показатель используется в предложениях со сказуемым, выраженным бытийным или иным стативным глаголом. Однако если речь идет о местонахождении нематериальных объектов, например мероприятий (таких как ‘экзамен’, ‘соревнование’, ‘конференция’ и др.), локализатор даже при стативных глаголах выступает в паре с послелогом творительного падежа *de*, который является маркером места активного действия.

[20] その日は向島の知人の家で忘年会兼合奏会がありました。 [9]

sono hi wa mukojima no chijin no uchi de
тот день TOP Мукодзима GEN знакомый GEN дом INSTR
bōnenkai ken gōsōkai ga ari=ma=shita
проводы года одновременно концерт NOM_R быть=ADR=PST

‘В тот день у моего знакомого в Мукодзима были проводы старого года с концертом.’

[21] その晩帰りに吾妻橋で何かあったでしょう。 [9]

sono ban kaeri=ni Azumabashi de nani ka a=tta
тот вечер возвращаться-CV Адзумабаси INSTR что Q быть=PST
desh=ou

COP.ADR=PMT

‘Вечером, когда он возвращался домой, на мосту Адзумабаси что-то произошло.’

Так, в примерах [20] и [21] в качестве подлежащего выступают имена, обозначающие мероприятия, события (в примере [20] – ‘проводы’ и ‘концерт’, в примере [21] используется вопросительное местоимение ‘что’, подразумевающее какое-то событие). Этот факт объясняет, почему локализатор оформлен послелогом творительного падежа. Локализатор также принимает показатель творительного падежа *de*, если предикатом структурной схемы являются либо стальные глаголы типа *neru* ‘спать’, *neturu* ‘дремать’, либо глаголы местоположения в пространстве типа *suwaru* ‘сидеть’, *tatsu* ‘стоять’. В предложении [22] представлена подобная ситуация, когда наличие глагола *neturu* ‘спать’ является причиной оформления локализатора творительным падежом:

*[22]もし玄関の絨毯の上で気持ちよさそうに猫が眠っていたら。 [СКСПЯЯ]

moshi genkan no jūtan no ue de kimochi
если прихожая GEN ковер GEN верх INSTR настроение
yosa=sō=ni neko ga nemu=tte i=tara
хороший=EVD=ADV кот NOM_R спать=CV AUX.PRG=COND

‘Если на ковре в прихожей будет сладко спать кот, [давай не будем разговаривать].’

Таким образом, многие стативные глаголы японского языка включают в модель управления локализатор, оформляемый с помощью послелога дательного падежа *ni*, в то время как глаголы активного действия требуют оформления локализатора творительным падежом. Нематериальные субъекты, обозначающие события, также осмысляются в японском языке как активные действия.

В экзистенциальных предложениях локализатор составляет тему высказывания, поэтому локативная именная группа оформляется не только пространственным падежом, но также и показателем темы – топикальной частью *wa*, которая примыкает к локализатору справа:

[23] 恵子の隣には男が座っていました。 [СКСПЯ]

Yoko no tonari ni wa otoko ga suwa=tte
 Ёко GEN соседство DAT TOP мужа NOM_R сидеть=CV
 i=mash=ita

AUX.PRG=ADR=PST

‘Рядом с Ёко сидел мужчина.’

Таким образом, в зависимости от способа выражения локализатора (дательный / творительный падежи) экзистенциальная модель представлена двумя структурно-семантическими вариантами:

1) N^{LOC} DAT N^{Ex} V^{Ex} – если речь идет о существовании материального предмета в физическом пространстве;

2) N^{LOC} INSTR N^{Ex} VSt – если глагол обозначает местоположение в пространстве или состояние, а также если субъект выражен именем пропозитивной семантики.

Наличие стального глагола в экзистенциальном предложении указывает на тот факт, что имеет место компрессия пропозиций: говорится о том, что субъект находится где-то, будучи при этом в определенном состоянии. Использование творительного падежа в ЭПП со стальными глаголами или именами событийной семантики позволяет сделать вывод, что данный падеж в японском языке является своеобразным маркером неэлементарности пропозиционного состава предложения. С другой стороны, дательный падеж в экзистенциальной модели обозначает собственно пространственные отношения между материальным предметом и материальными (географическими) ориентирами.

2.1.2.4. Структурно-семантические варианты экзистенциальной модели

В зависимости от семантики локализатора выделяются следующие структурно-семантические варианты экзистенциальной модели: дейктический, описывающий существование субъекта в неопределенном локуме, и девять вариантов, характеризующих локализацию субъекта относительно определенной системы координат (апудэссивный, суперэссивный, инэссивный, антеэссивный, медиэссивный, постэссивный, интерэссивный, субэссивный, аутэссивный).

Рассмотрим данные варианты экзистенциальной модели.

1) Дейктический вариант $LEX^{Deic} DAT N^{Ex}_{NomR} V^{Ex}$ – «существование субъекта в неопределенной точке пространства (относительно говорящего или действующего лица)».

Локализатор в дейктическом варианте модели выражается локативными указательными местоимениями типа *koko* ‘здесь’, *soko* ‘там’, например:

[24] そこには棺がありません。 [СКСПЯЯ]

soko ni wa hitsugi ga ar=imas=en
там DAT TOP гроб NOM_R быть=ADR=NEG.PRS
 ‘Там нет гроба.’

*[25] ここにメンバー全員がいる。 [СКСПЯЯ]

koko ni membā zen'in ga i=ru
здесь DAT участник все NOM_R быть=PRS
 ‘Здесь присутствуют все участники.’

2) Апудэссивный вариант $N GEN N^{POSTP} DAT^{Apudess} N^{EX}_{NomR} V^{EX}$ – «существование субъекта около / рядом с определенным пространственным ориентиром».

Локализатор в ЭПП, построенных по данной модели, может содержать следующие имена пространственной семантики: *soba* ‘рядом, сбоку’, *tonari* ‘соседство’, *yoko* ‘бок’. Также позицию локализатора может замещать обстоятельственная форма прилагательного *chikai* ‘близкий’.

*[26] 火の神のそばには新田さんが座ります。 [СКСПЯЯ]

hi no kami no soba ni wa Nitta san ga suwar=imas=u
огонь GEN бог GEN рядом DAT TOP Нитта сан NOM_R сидеть=ADR=PRS
 ‘Перед огненным божеством сидит Нитта.’

[27] 倒れかけた木の横に一人の小柄な人物が立っていた。 [СКСПЯЯ]

taorekake=ta ki no yoko ni hitori no kogara=na jinbutsu
падать=PST дерево GEN бок DAT один GEN маленький=ATR человек
ga ta=tte i=ta
NOM_R стоять=CV AUX.PRG=PST
 ‘Сбоку от упавшего дерева стоял невысокий человек.’

[27] 沖縄の石垣島近くに台風があります。 [СКСПЯЯ]

Okinawa no Ishigamijima chika=ku ni taifū no
Окинава GEN Исигамидзима близкий=ADV DAT тайфун GEN
me ga ar=imas=u
глаз NOM_R быть=ADR=PRS

‘Неподалеку от острова Исигамидзима в префектуре Окинава находится эпицентр тайфуна.’

3) Суперэссивный вариант **N (GEN N^{POSTP}) DAT^{Superess} N^{Ex}_{NomR} V^{Ex}** – «существование субъекта на поверхности чего-либо / над чем-либо».

Имя пространственной семантики *ue* ‘верх’, которое может фигурировать в составе локализатора данной модели, описывает расположение как непосредственно на поверхности локума, так и над ним. Рассмотрим оба семантических варианта:

а) «существование субъекта сверху / на поверхности чего-либо»:

[28] 三毛子は行儀よく椽側に坐っている。 [1]

Mikeko	wa	gyōgi	yoku	engawa	ni	suwa=tte
Микэко	NOM_T	манеры	хорошо	галерея	DAT	сидеть=CV
						i=ru
						AUX.PRG=PRS

‘Микэко чинно восседала на галерее.’

*[29] その上に大きな猫が前後不覚に寝ている。 [9]

sono ue	ni	ooki=na	neko ga	zengo
тот сверху	DAT	большой=ATR	кот NOM _R	вокруг
fukaku=ni	ne=te	i=ru		
недосмотр=ADV	спать=CV	AUX.PRG=PRS		

‘На засохшем кусте хризантемы, не обращая внимания на то, что творится вокруг, спал большой кот.’

В случае описания существования субъекта на поверхности чего-либо имя пространственной семантики не является облигаторным компонентом: так, в примере [28] локализатор выражен падежной формой существительного, описывающего локум. В примере [29], напротив, локативная группа содержит служебное имя *ue* ‘верх’. Указательное местоимение *sono* ‘тот’ подразумевает предмет, названный ранее, – куст; подобное сочетание указательного местоимения и имени пространственной семантики часто встречается в бытийно-пространственных предложениях;

б) «существование субъекта над чем-либо»:

[30] 桜の森の上に、大きな夕陽がかかっていた。 [СКСПЯЯ]

sakura	no	mori no	ue ni	ooki=na	sekiyō
сакура	GEN	лес GEN	верх DAT	большой=ATR	заходящее солнце
ga	kaka=tte	i=ta			
NOM _R	висеть=CV	AUX.PRG=PST			

‘Над зарослями сакуры висело большое заходящее солнце.’

Для данного суперэссивной варианта модели имя пространственной семантики является необходимым компонентом. В его отсутствие описание расположения над ориентиром осуществляется при помощи полипредикативных конструкций, например, с глаголом *miorosu* ‘возвышаться’:

*[31] この池を見下ろすように建っている木造校舎は、[明治45年の創設時に建てられたもの]。[СКСПЯЯ]

kono ike wo **mioros=u** yōni ta=tte i=gu
 этот пруд ACC **возвышаться=PRS** как стоять=CV AUX.PRG=PRS
 mokuzō kōsha wa
 деревянный здание школы NOM_T

‘Школа, возвышающаяся над прудом [была построена в 45-ом году эпохи Мэйдзи].’

В этом исследовании мы не рассматриваем полипредикативные конструкции, поэтому данный способ выражения суперэссивной локализации для системы элементарных простых предложений нерелевантен.

4) Инэссивный вариант **N (GEN N^{POSTP}) DAT^{Iness} N^{EX}_{NomR} V^{Ex}** – «существование субъекта внутри емкости / сплошной среды».

Как и в случае с суперэссивным вариантом, локализатор инэссивного варианта экзистенциальной модели нечувствителен к характеристикам локума. Частотно фигурирующее имя пространственной семантики в составе локативной именной группы – *naka* ‘внутри’. Рассмотрим примеры семантических вариантов инэссивной модели:

а) «существование субъекта внутри емкости»:

[32] 冷蔵庫にお刺身があります。[СКСПЯЯ]

reizōko ni sashimi ga ar=imas=u
 холодильник DAT сасими NOM_R быть=ADR=PRS

‘В холодильнике есть сасими¹.’

[33] その舟の中には大事なものが置いてあったのだ。[СКСПЯЯ]

sono fune no **naka** ni wa daiji=na mono ga
 тот лодка GEN **внутри** DAT TOP важный=ATR вещь NOM_R
 o=ite a=tta no da
 положить=CV AUX.PRG=PST PRT COP.PRS

‘В той лодке были сложены важные вещи.’

¹ *Сасими* – блюдо национальной японской кухни, которое готовят из филе разнообразных сортов рыб, других морепродуктов или мяса, порезанного на небольшие кусочки.

б) «существование субъекта в сплошной среде»:

*[34] あの森には、魔女が住んでいて。 [СКСПЯЯ]

ano mori ni wa majo ga su=nde i=te
 вон тот лес DAT TOP ведьма NOM_R жить=CV AUX.PRG=CV
 ‘В том лесу живет ведьма.’

*[35] 池の中に、一ぴきのカメが住んでいました。 [СКСПЯЯ]

ike no naka ni ippiki no kame ga
 пруд GEN внутри DAT одно животное GEN черепаха NOM_R
 su=nde i=mash=ita
 жить=CV AUX.PRG=ADR=PST
 ‘В пруду жила одна черепаха.’

В обоих вариантах инэссивной модели локализатор может включать служебное имя, уточняющее положение субъекта, которое, однако, не является обязательным компонентом. Имена существительные, входящие в состав локативной группы, полностью описывают локум: в примере [32]– емкость (холодильник), в примере [34]– сплошная среда (лес). Примеры [33] и [35] наглядно демонстрируют, что имя пространственной семантики *naka* ‘внутри’ может быть использовано в любом инэссивном варианте.

5) Антэссивный вариант $N \text{ GEN } N^{\text{POSTP}} \text{ DAT}^{\text{Antess}} N^{\text{EX}}_{\text{NomR}} V^{\text{Ex}}$ – «существование субъекта перед кем-либо / чем-либо».

Локализатор антэссивного варианта экзистенциальной модели содержит имя пространственной семантики *mae* ‘перед’ либо какое-либо устойчивое лексическое выражение:

[36] 私は家の前に車が止まっていることに気づいた。 [СКСПЯЯ]

watashi wa ie no mae ni kuruma ga toma=tte
 я NOM_R дом GEN перед DAT машина NOM_R остановиться=CV
 i=ru koto ni kizu=ita
 AUX.PRG=PRS NML DAT замечать=PST
 ‘Я заметил, что перед домом стоит машина.’

Локативная группа антэссивного локализатора в обязательном порядке включает служебное имя, описывающее расположение субъекта в пространстве, поскольку в отсутствие пространственного имени *mae* ‘перед’ формирование модели данного типа не представляется возможным.

6) Медиэссивный вариант $N \text{ GEN } N^{\text{POSTP}} \text{ DAT}^{\text{Mediess}} N^{\text{EX}}_{\text{NomR}} V^{\text{Ex}}$ – «существование субъекта на середине чего-либо».

Локативная именная группа медиэссивного варианта включает такие лексемы, как *mannaka* ‘самая середина’, *chūō* ‘центр’ *chūshin* ‘центр’ и др.

*[37] 窓を背にして中央の席に首相が座り。 [СКСПЯЯ]

mado o se ni shi=te **chūō no seki ni**
 окно ACC спина DAT делать=CV **центр GEN место DAT**
 sushou ga suwar=i
 премьер-министр NOM_R сидеть=CV
 ‘В центре спиной к окну сидел премьер-министр.’

[38] この壁の中央に「碓」の朱書がある。 [СКСПЯЯ]

kono kabe no **chūō ni** usu no shusho ga
 этот стена GEN **центр DAT** ступа GEN красная надпись NOM_R
 a=gu
 быть=PRS
 ‘В центре этой стены была красная надпись «ступа».’

*[39] パティオの真ん中には、泉があり。 [СКСПЯЯ]

patio no **mannaka ni** wa izumi ga ar=i
 патио GEN **середина DAT** TOP источник NOM_R быть=CV
 ‘Посреди патио был источник.’

Описание расположения субъекта в центре чего-либо осуществляется только при участии указанных имен, содержащих в своей семантике элемент «середина, центр».

7) Постэссивный вариант **N GEN N^{POSTP} DAT^{Postess} N^{EX}_{NomR} V^{Ex}** – «существование субъекта за ориентиром».

Постэссивный локализатор включает следующие имена пространственной семантики: *ushiro* ‘позади’, *mukō* ‘на той стороне’. Наличие таких имен является обязательным для постэссивной модели.

*[40] 近藤の後ろには悪い狐がいて。 [СКСПЯЯ]

Kondō no **ushiro ni** wa waru=i kitsune ga
 Кондо GEN **позади DAT** TOP плохой=PRS лисица NOM_R
 i=te
 быть=CV
 ‘Позади Кондо была злая лисица.’

*[41] 向こうに通路があるのが見えたんだ。 [СКСПЯЯ]

mukō ni tsūro a=gu no ga mie=ta
та сторона DAT дорога быть=PRS GEN NOM_R виднеться=PST
 n da
 PRT COP.PRS

‘И стало видно, что по ту сторону есть дорога.’

8) Интерэссивный вариант $N \text{ GEN } N^{\text{POSTP}} \text{ DAT}^{\text{Interest}} N^{\text{EX}}_{\text{NomR}} V^{\text{Ex}}$ – «существование субъекта между / среди чего-либо».

В зависимости от включенного в состав локализатора имени пространственной семантики мы различаем два семантических варианта:

а) «существование субъекта в промежутке между двумя или несколькими объектами». Данный вариант содержит служебное имя *aida* ‘промежуток’, которое используется как в пространственном, так и во временном значении:

*[42] 両方の軟骨面の間には空隙があり。 [СКСПЯ]

ryōhō	no	nankotsu	men	no	aida	ni	wa
оба	GEN	хрящ	поверхность	GEN	промежуток	DAT	TOP
kūgen		ga	ar=i				
трещина		NOM _R	быть=CV				

‘Между двумя хрящами была трещина, [и она была заполнена синовиальной жидкостью].’

б) «существование субъекта в группе других субъектов (предметов)». Данное значение выражается посредством включения в состав локализатора пространственного имени *naka* ‘внутри’:

[43] 学生たちの中には、信号を無視していく者もあります。 [СКСПЯ]

gakusei	tachi	no	naka	ni	wa	shingō	wo
студент	PL	GEN	внутри	DAT	TOP	светофор	ACC
mushishi=te		ik=u	mono	mo	ar=imas=u		
игнорировать=CV		AUX.DIR=PRS	человек	и	быть=ADR=PRS		

‘Так как движение машин незначительное, среди студентов много тех, кто игнорирует светофоры.’

Для первого интерэссивного семантического варианта наличие пространственного имени является принципиальным, так как в его отсутствие выразить данный тип расположения невозможно. Для второго, как мы полагаем, напротив, служебное имя не является обязательным компонентом, данный тип существования может быть выражен посредством одного показателя дательного падежа *ni*. В процессе работы на картотекой примеров мы не выделили подобных примеров, но ожидаем их потенциальное существование в языке.

9) Субэссивный вариант $N \text{ GEN } N^{\text{POSTP}} \text{ DAT}^{\text{Subess}} N^{\text{EX}}_{\text{NomR}} V^{\text{Ex}}$ – «существование субъекта под каким-либо ориентиром».

Имя пространственной семантики, являющееся обязательным компонентом локализатора данной модели, – *shita* ‘низ’:

[44] この下に部屋があること、なぜ知っているんだ。[СКСПЯ]

kono shita ni heya ga ar=u koto naze shi=tte
 этот низ DAT комната NOM_R быть=PRS NML почему знать=CV
 i=ru n da
 AUX.PRG=PRS PRT COP.PRS

‘Откуда ты знаешь, что внизу (букв.: «под этим») есть комната?’

*[45] 履の下に、台があり。[СКСПЯ]

kutsu no shita ni dai ga ar=i
 обувь GEN низ DAT подставка NOM_R быть=CV

‘Под обувью была подставка, [а на ней стояли эти два солдатика].’

10) Аутэссивный вариант **N GEN N^{POSTP} DAT^{Autess} N^{EX}_{NomR} V^{Ex}** – «существование субъекта за пределами локума».

Пространственные лексемы, фигурирующие в составе локативной именной группы аутэссивного варианта экзистенциальной модели, включают элемент *soto* ‘вне, снаружи’.

[46] 窓の外に誰かが立っているのが見えた。[СКСПЯ]

mado no soto ni dare ka ga ta=tte i=ru
 окно GEN снаружи DAT кто Q NOM_R стоять=CV AUX.PRG=PRS
 no ga mie=ta
 NML NOM_R виднеться=PST

‘Было видно, что за окном кто-то есть.’

[47] その外側には地面にへばりつくようにススキが生えている。[СКСПЯ]

sono sotogawa ni wa jimen ni hebarizuk=u yōnishite susuki
 тот снаружи DAT TOP земля DAT липнуть=PRS словно трава
 ga hae=te i=ru
 NOM_R расти=CV AUX.PRG=PRS

‘Снаружи растет трава, стелясь по земле.’

Такие словосочетания, как *doa no soto* ‘за дверью’, *mado no soto* ‘за окном’ (пример [46]), несмотря на перевод, на самом деле означают положение за пределами замкнутого локума (за дверью → вне комнаты, за окном → вне дома).

Таким образом, мы выделили десять структурно-семантических вариантов экзистенциальной модели: дейктический, апудэссивный, суперэссивный, инэссивный, антеэссивный, медиэссивный, постэссивный, интерэссивный, субэссивный, аутэссивный. Семь из них – антеэссивный, медиэссивный, постэссивный, субэссивный, аутэссивный, суперэссивный варианты модели со значением расположения над ориентиром и интерэссивный вариант со значением нахождения между чем-либо – требуют обязательного включения в состав локализатора имени пространственной семантики, которое служит для градуирования пространства. В остальных типах моделей подобное пространственное имя не является облигаторным.

2.1.2.5. Семантические варианты экзистенциальной модели

Семантическое варьирование экзистенциальной модели основывается на факторах одушевленности / неодушевленности субъекта-экзистенции, лексического значения бытийного предиката, который может представать в виде глагола, осложненного дополнительным компонентом смысла, глагола расположения в пространстве, глагола визуального проявления признака.

Мы выделяем следующие четыре семантических варианта экзистенциальной модели:

1) вариант со значением существования в пространстве неодушевленного субъекта. Данный вариант формируется на базе бытийного глагола *aru* ‘быть, являться, находиться’:

[48] 塀の外に木が一本ある。 [СКСПЯ]

hei	no	soto	ni	ki	ga	ippon	ar=u
ограда	GEN	снаружи	DAT	дерево	NOM _R	один	быть=PRS

‘За оградой растет одно дерево.’

2) вариант со значением существования в пространстве одушевленного субъекта. Данный семантический вариант формируют глаголы *iru* ‘быть, находиться’, *sumi* ‘жить, проживать’:

[49] 旧宅には弟の小兵衛が住んでいた。 [СКСПЯ]

kyūgtaku	ni	wa	otōto	no	Kohē	ga
прежний дом	DAT	TOP	младший брат	GEN	Коэ	NOM _R

su=nde i=ta
жить=CV AUX.PRG=PST

‘В моем бывшем доме жил младший брат Коэ.’

3) вариант со значением существования одушевленного субъекта, расположенного в пространстве определенным образом. Данный вариант базируется на позиционных глаголах *tatsu* ‘стоять’, *suwaru* и *kakeru* ‘сидеть’, *neru* ‘лежать, спать’, *neturu* ‘дремать, лежать’, описывающих расположение в пространстве:

[50] 野次馬たちの後ろに、一人の若い男が立っているのに気づいた。

[СКСПЯЯ]

yajūma=tachi no	ushiro	ni	hitori no	waka=i	otoko
толпа=PL GEN	позади	DAT	один GEN	молодой=PRS	мужчина
ga	tat=te	i=ru	no ni	kizu=ita	
NOM _R	стоять=CV	AUX.PRG=PRS	NML DAT	замечать=PST	

‘Я заметил, что за толпой стоит один молодой мужчина.’

В японском языке для субъекта-экзистенции, означающего животное, позиционные глаголы применяются нечасто, вместо этого используется бытийный предикат *iru*. Тем не менее в художественной литературе в целях создания образа встречаются подобные примеры, характеризующие расположение животного:

[51] ベッドの上で犬が座ったらクリックする [СКСПЯЯ]

beddo	no	ue	de	inu	ga	suwa=ttara	kurikku
кровать	GEN	верх	INSTR	собака	NOM _R	сидеть=COND	клик
su=ru							
						делать=PRS	

‘Кликните, если на кровати сидит собака.’

4) вариант со значением существования неодушевленного субъекта может быть выделен только условно: позиционные глаголы не описывают расположение предметов, так как неодушевленные субъекты в японском языке не могут «сидеть» или «лежать», поэтому по отношению к ним используется бытийный глагол *aru* ‘быть, являться, находиться’. Лишь некоторые глаголы расположения в пространстве могут описывать существование предметов, например, глаголы *narabu* ‘стоять в ряд’, *kakaru* ‘висеть’, *tsumoru* ‘накопиться, лежать горой’:

[52] その後ろに三十二柱の墓標が立ち並んでいる。 [СКСПЯЯ]

sono	ushiro	ni	sanjū ni	hashira	no	bohyō	ga
тот	позади	DAT	тридцать два	столб	GEN	надгробие	NOM _R
tachinara=nde	i=ru						
стоять в ряд=CV	AUX.PRG=PRS						

‘[Сверху были выстроены большие камни с надписью «воздушный десант»], а за ними стояли 32 надгробия.’

[53] 建物側面の二階の軒に「白馬大酒店」という大きな看板がかかっている。[СКСПЯЯ]

tatemono	sokumen	no	nikai	no	noki	ni	Hakuba
здание	стороа	GEN	второй этаж	GEN	карниз	DAT	Хакуба
oozake	mise	toiu	ooki=na		kamban	ga	
сорта сакэ	магазин	QUOT	большой=ATR		вывеска	NOM _R	
kaka=tte	i=ru						
висеть=CV	AUX.PRG=PRS						

‘На карнизе второго этажа здания висит вывеска «Магазин сакэ Хакуба».’

[54] 男の肩に風が運んだ雪がうっすら積もっていた。[СКСПЯЯ]

otoko	no	kata	ni	kaze	ga	hako=nda	yuki	ga
мужчина	GEN	плечо	DAT	ветер	NOM _R	перемещать=PSR	снег	NOM _R
ussura		tsumo=tte		i=ta				
тонко		копиться=CV		AUX.PRG=PST				

‘На плечах мужчины тонким слоем копился снег, подгоняемый ветром.’

Предложения с глаголом *narabu* описывают горизонтальное расположение некоторого количества предметов, с глаголом *tsumoru* – скорее вертикальное скопление большого количества вещества (предметов), с глаголом *kakaru* – «висячее» расположение субъекта. В примере [52] использован оснoвосложный глагол *tachinarabu* ‘стоять в ряд’, в котором первый компонент восходит к глаголу *tatsu* ‘стоять’, что дополнительно характеризует расположение как вертикальное.

В случае описания расположения неодушевленного субъекта также используются:

а) аналитическая форма длительного вида глагола со вспомогательным предикатом *aru*, которая описывает расположение предмета в результате осознанно осуществленного перемещения:

*[55] その上に軍刀が乗せてあった[СКСПЯЯ]

sono	ue	ni	guntō	ga	nose=te	a=tta
тот	верх	DAT	сабля	NOM _R	класть=CV	AUX.PRG=PST

‘[Мой багаж стоял на втором столе,] на нем лежала сабля.’

[56] その上に大きな石が「落下傘部隊」と並べてあり。[СКСПЯЯ]

sono	ue	ni	ooki=na	ishi	ga	rakkasambutai	to
тот	верх	DAT	большой=ATR	камень	NOM _R	воздушный десант	QUOT
narabe=te		ar=i					
выстроить=CV		AUX.PRG=CV					

‘Сверху были выстроены большие камни с надписью «воздушный десант», [а за ними стояли 32 надгробия.]’

[57] 模造紙にはたくさんの写真が貼ってある。[СКСПЯЯ]

mozōshi	ni	wa	takusan	no	shashin	ga
веленевая бумага	DAT	TOP	много	GEN	фотография	NOM _R
ha=tte	ar=u					
приклеить=CV	AUX.PRG=PRS					

‘На веленевой бумаге было наклеено много фотографий.’

б) длительный вид некоторых глаголов движения со значением результативности, например глагола *ochiru* ‘падать’:

[58] 居間のソファの隅っこにお札が一枚落ちているのを見つけた。
[СКСПЯЯ]

ima	no	sofā	no	sumikko	ni	o=satsu	ga
гостиная	GEN	диван	GEN	угол	DAT	HON=купюра	NOM _R
ichimai	ochi=te	i=ru			no	wo	mitsuke=ta
один лист	падать=CV	AUX.PRG=PRS			NML	ACC	замечать=PST

‘Я заметил, что на краешке дивана лежит купюра.’

Так, в примере [58] субъект находится в пространстве в результате падения, на русский язык подобное положение можно описать глаголом «лежать».

Недлительный вид глагола движения описывает именно перемещение, которое произошло в прошлом или совершится в будущем. С другой стороны, длительный вид отражает скорее результат передвижения, нежели момент действия.

5) вариант со значением каким-либо образом (визуально или акустически) проявляемого существования субъекта. В формировании данного варианта участвуют глаголы, содержащие семантический компонент обнаружения своего местонахождения посредством внешнего вида, издаваемых звуков и проч.: *kagayaku* ‘сверкать, блестеть’, *kirameku* ‘блестеть, мерцать, гореть’, *yakeru* ‘гореть, пламенеть’, *mieru* ‘быть видимым’, *kikoeru* ‘слышаться, доноситься’, *saku* ‘цвести’, *naku* ‘издавать звуки’ (о животных) и проч.

Несмотря на то, что класс данных глаголов весьма обширен, в японском языке, в отличие от рассматриваемых урало-алтайских языков, не образуются глаголы проявления цветового признака. Другими словами, невозможно построение таких предложений, как «Что-то чернеет вдаль». Обнаруженный нами глагол *kurozumi* ‘темнеть’ означает только изменение цветовой характеристики и не допускает позиции локализатора.

[59] 地平線の上に、少年の目の色と同じ明るい緑の星が輝いている。
[СКСПЯЯ]

chiheisen	no	ue	ni	shōnen	no	me	no	iro	to
горизонт	GEN	верх	DAT	мальчик	GEN	глаз	GEN	цвет	и
onaji	akaru=i			midori no	hoshi	ga		kagaya=ite	
одинаковый	светлый=PRS			зелень GEN	звезда	NOM _R		сверкать=CV	

i=ru

AUX.PRG=PRS

‘Над горизонтом сверкает звезда, такая же светло-зеленая, как глаза мальчика.’

[60] その下で、炎が燃えていた。[СКСПЯЯ]

sono shita de honō ga moe=te i=ta
тот низ INSTRпламя NOM_R гореть=CV AUX.PRG=PST

‘Внизу горело пламя.’

[61] 窓の外では、すずめの鳴き声が聞こえるのです。[СКСПЯЯ]

mado no soto de wa suzume no nakigoe ga
окно GEN снаружи INSTR TOP воробей GEN чириканье NOM_R

kikoe=ru no des=u
слышаться=PRS PRT COP.ADR=PRS

‘За окном раздается чириканье воробьев.’

[62] 山側には山の花、海岸沿には背の低い砂浜の花が咲いている。[СКСПЯЯ]

yamagawa ni wa yama no hana kaigan'en ni wa
горы DAT TOP гора GEN цветок вдоль побережья DAT TOP

se no hiku=i sunahama no hana ga
рост GEN низкий=PRS песчаный пляж GEN цветок NOM_R

sai=te **i=ru**
цвести=CV **AUX.PRG=PRS**

‘В горах цветут горные цветы, вдоль побережья – низкорослые песчаные цветы.’

Большая часть глаголов, используемых в данном семантическом варианте экзистенциальной модели, по существу являются активными глаголами, что объясняет частотное оформление именной группы локализатора показателем творительного падежа (примеры [60] и [61]).

Существование данного семантического варианта экзистенциальной модели обусловлено возможностью совершения метонимического переноса ‘признак → источник признака’. Таким образом, несмотря на то, что предикат отражает *качество* субъекта, локализатор указывает на *существование* данного субъекта в определенном локуме. В подобных предложениях происходит совмещение пропозиций состояния и существования, что характерно не только для японского языка, но и для ряда языков народов Сибири (шорского, эвенкийского, ненецкого и др.). Однако такой метонимический перенос не осуществляется в отношении цветковых признаков, вследствие того, что в японский язык не образует глаголов от лексем со значением цвета.

2.1.2.6. Количественный вариант экзистенциальной модели

LEX^{Loc} N_{NomR} Num V^{Ex}

«существование определенного количества чего-либо в пространстве»

Количественный вариант экзистенциальной модели, кроме трех обязательных компонентов (субъект-экзистенс, локализатор и бытийный предикат), содержит также дополнительный компонент – лексему, выражающую количество. Число может выражаться наречием со значением количества (*takusan* ‘много’, *sukoshi* ‘мало, чуть-чуть’), числительным японского происхождения или сочетанием числительного с классификационным суффиксом, который характеризует предмет как относящийся к той или иной группе предметов.

[63] 市の図書館には、植物について書かれた本がたくさんあります。

[СКСПЯЯ]

shi	no	toshokan	ni	wa	shokubutsu	nitsuite	kak=are=ta
город	GEN	библиотека	DAT	TOP	растение	о	писать=PASS=PST
hon	ga	takusan	ar=imas=u				
книга	NOM _R	много	быть=ADR=PRS				

‘В городской библиотеке много книги о растениях.’

[64] 廊下に沿った西側に子供室が2つ並んでいます。 [СКСПЯЯ]

rōka	ni	so=tta	nishigawa	ni	kodomoshitsu	ga
коридор	DAT	следовать=PST	западная сторона	DAT	детская	NOM _R
futatsu	nara=nde	i=mas=u				
два	стоять в ряд=CV	AUX.PRG=ADR=PRS				

‘В западной стороне коридора находятся две спальни.’

[65] 家には、先住猫が2匹います。 [СКСПЯЯ]

ie	ni	wa	senjū	neko	ga	nihiki	i=mas=u
дом	DAT	TOP	прошлый жилец	кот	NOM _R	два	быть=ADR=PRS

‘В доме жили две кошки, принадлежащие прошлым жильцам.’

В. В. Шилова для ненецкого языка выделяет из бытийных моделей количественную модель, в которой квантитативные слова занимают позицию предиката [Шилова 2003, Ч. 2]. Соответственно, количественные модели в ненецком языке не являются глагольными, что обуславливает возможность подобного обособления количественной модели. Е. Г. Самойлова для эвенкийского языка наряду с бытийной моделью наличия также выделяет отдельные неглагольные модели маркированного и немаркированного количества [Самойлова 2002: 74–76].

В японском языке дополнительный компонент принципиально не изменяет модель, поэтому мы рассматриваем количественную модель как структурный вариант экзистенциальной модели.

Отметим, что категория числа как таковая в японском языке отсутствует, только по контексту можно определить, идет ли речь в предложении о единичном объекте или о множественном. Однако существуют показатели множественности субъекта – служебные слова, присоединяемые к существительным, обозначающим людей и, реже, животных. Эти показатели могут выражать общую и репрезентативную множественность [Холодович 1946] и указывают на тот факт, что имеется более одного субъекта, но не называют точное число.

[66] あちこちのテーブルには乗客たちが座って談笑している。 [СКСПЯЯ]
 achikochi no tēburu ni wa jōkyaku=**tachi** ga suwa=tte
 здесь и там GEN стол DAT TOP пассажиры=**PL** NOM_R сидеть=CV
 danjōshi=te i=ru
 болтать по-дружески=CV AUX.PRG=PRS
 ‘Повсюду на столах сидели пассажиры и дружески болтали.’

Когда же возникает необходимость указать на количество или точное число одушевленных или неодушевленных субъектов, прибегают к помощи квантитативных слов и числительных. В японском языке квантитативные слова могут модифицировать именную группу и стоять в препозиции к существительному, будучи оформленными генитивом:

*[67] 手紙には三枚の写真が入っていました。 [СКСПЯЯ]
 tegami ni wa **sanmai** no shashin ga hai=tte
 письмо DAT TOP **три** GEN фотография NOM_R входит=CV
 i=mash=ita
 AUX.PRG=ADR=PST
 ‘В письме были три фотографии.’

С другой стороны, каноническим вариантом расположения числительного является постпозиция по отношению к оформленному тем или иным показателем существительному, что и отражено в структурной схеме количественного варианта модели.

Количественный вариант, как и собственно экзистенциальная модель, может, в свою очередь, образовывать структурно-семантические варианты в соответствии с типами локализации. Поскольку образование вариантов происходит однотипно, мы ограничимся лишь несколькими примерами:

1) дейктический вариант $N^{Loc} DAT^{Deic} N^{Ex}_{NomR} Num V^{Ex}$ – «существование определенного количества чего-либо в неопределенной точке пространства».

[68] ここには書籍が一冊もない。 [СКСПЯЯ]

koko ni wa shoseki ga issatsu mo na=i
здесь DAT TOP книга NOM_R один и быть.NEG=PRS
'Здесь нет ни одной книги.'

2) суперэссивный вариант $N (GEN N^{POSTP} DAT^{Superess}) N^{Ex}_{NomR} Num V^{Ex}$ – «существование определенного количества чего-либо на поверхности или над ориентиром»:

[69] いま私の机の上には、三郎の名刺が二枚ある。 [СКСПЯЯ]

ima watashi no kijō ni wa Saburō no meishi
сейчас я GEN на столе DAT TOP Сабуро GEN визитка
ga nimai ar=u
NOM_R две быть=PRS
'Сейчас на моем столе лежат две визитные карточки Сабуро.'

[70] 路上にたくさんの風船が揺れていた。 [СКСПЯЯ]

rojō ni takusan no fūsen ga yure=te
на дороге DAT много GEN воздушный шар NOM_R качаться=CV
i=ta
AUX.PRG=PST
'Над дорогой колыхались воздушные шары.'

3) антеэссивный вариант $N GEN N^{POSTP} DAT^{Antess} N^{Ex}_{NomR} Num V^{Ex}$ – «существование определенного количества чего-либо перед ориентиром».

[71] 土手の前に松が何十本となくある。 []

dote no mae ni matsu ga nanjūhontonaku a=ru
дамба GEN перед DAT сосна NOM_R несколько десятков быть=PRS
'У дамбы растет несколько десятков сосен.'

Также у количественного варианта экзистенциальной модели могут быть выделены семантически вариации в соответствии со способом выражения субъекта и количества бытующих субъектов:

1) вариант со значением существования большого числа одушевленных субъектов в пространстве. Как правило, неопределенно большое количество описывается при участии наречия *takusan* 'много', но его использование допустимо только при неодушевленных субъектах или существительных, назы-

вающих животных. Если же субъект – человек, то для обозначения большого количества используется наречие *oozei* ‘много (людей)’:

[72] 駅前の広場には、大勢の人達がたむろして座り込んでいる。 [СКСПЯЯ]
 ekimae no hiroba ni wa **oozei no hito** tachi
 перед станцией GEN площадь DAT TOP **много GEN человек** PL
 ga tamuroshi=te suwariko=nde i=ru
 NOM_Rрасположиться=CV рассесться=CV AUX.PRG=PRS
 ‘Перед станцией лагерем расположились (букв.: расселись) люди.’

2) вариант со значением существования большого числа неодушевленных субъектов в пространстве:

*[73] 棚にはたくさんさんの絵本が並んでいて。 [СКСПЯЯ]
 tana ni wa **takusan no ehon** ga
 полка DAT TOP **много GEN иллюстрированная книга** NOM_R
 para=nde i=te
 стоять в ряд=CV AUX.PRG=CV
 ‘На полке стояло много иллюстрированных книг.’

Также для обозначения большого числа любых субъектов (как одушевленных, так и неодушевленных) часто используется сочетание вопросительного слова *nan* ‘сколько’ со счетным суффиксом, соответствующим субъекту, с частицей *mo* ‘и, тоже, также’:

*[74] 広い部屋に、何人もの子供たちが眠っている。 [СКСПЯЯ]
 hiro=i heya ni **nan nin mo** no kodomo
 просторный=PRS комната DAT **сколько NUM и GEN** ребенок
 tachi ga nemu=te i=ru
 PL NOM_R дремать=CV AUX.PRG=PRS
 ‘В просторной комнате [завернувшись в одеяло] спало много детей.’

*[75] 道路にパトカーが何台もとまっているでしょう。 [СКСПЯЯ]
 dōro ni patokā ga **nan dai mo**
 дорога DAT патрульная машина NOM_R **сколько NUM и**
 toma=te i=ru desh=ō
 останавливаться=CV AUX.PRG=PRS COP.ADR=EVD
 ‘Когда случаются подобные аварии, на дороге, вероятно, стоит много патрульных машин.’

Как правило, при глоссировании мы не отделяем вопросительное слово *nan* от счетного суффикса, учитывая, что они образуют устойчивое сочетание со значением ‘сколько’. Однако для наглядности в примерах [74] и [75] было проведено отдельное глоссирование.

3) вариант со значением существования малого числа неодушевленных субъектов:

[76] グラスの中に少しだけビールがあります[СКСПЯЯ]

kurasu no naka ni sukoshi dake biiru ga
класс GEN внутри DAT **немного** только пиво NOM_R
ar=imas=u
быть=ADR=PRS

‘В классе есть всего лишь немного пива.’

4) вариант со значением существования малого числа одушевленных субъектов в пространстве может быть выделен для японского языка лишь теоретически. С одной стороны, нет никаких объективных препятствий для построения по указанной модели предложений данной семантики, но, с другой стороны, в рамках корпуса японского языка такие примеры не встретились.

Описание малого числа одушевленных субъектов, как правило, выражается неглагольными предложениями, в которых место предиката занимает предикативное прилагательное *sukunai* ‘малочисленный’, которое на русский язык обычно переводится наречием ‘мало’:

*[77] オーストラリアでは黒人が非常に少ない。[СКСПЯЯ]

Ōsutoraria de wa kokujin ga hijou=ni
Австралия INSTR TOP негр NOM_R крайне=ADV
sukuna=i
мало=PRS

‘Так как в Австралии очень мало чернокожих, [они там страшно популярны].’

Существует также вариант со значением существования субъективно малого количества предметов, которое выражается при помощи ограничительной частицы *shika* ‘только, всего лишь’. Данная частица указывает на тот факт, что говорящий воспринимает имеющееся количество как небольшое, и в обязательном порядке требует отрицательной формы сказуемого:

[78] トップ・レディの中に該当する女は一人しかいなかった。[СКСПЯЯ]

toppuredi no naka ni gaitōsu=ru onna wa hitori
первая леди gen среди DAT соответствовать=PRS женщина TOP один
shika i=na=katta
только быть=NEG=PST

‘Среди же президентов была только одна подходящая женщина.’

2.1.2.7. Парадигматический вариант экзистенциальной модели со значением отсутствия

$LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex}=Neg$

«отсутствие субъекта в определенной точке пространства»

В японском языке предложения со значением отсутствия субъекта в точке пространства формируют парадигматический вариант моделей существования, поскольку в них фигурирует отрицательная форма бытийных предикатов, а не особый отрицательный глагол, как это описано для эвенкийского или ненецкого языков [Самойлова 2002; Невская 2005]. Кроме отрицательных форм глаголов в данном варианте модели может также фигурировать формальное прилагательное *nai* ‘не быть, не являться’. Оно выполняет роль отрицательной формы глагола *aru* ‘быть, находиться’, который не имеет регулярно образующихся отрицательных форм. Так же, как и исходная экзистенциальная модель, данный вариант содержит три обязательных компонента: субъект-экзистенс, локативный локализатор и отрицательную форму бытийного предиката.

[79] 我が家には衛星アンテナがありません。 [СКСПЯ]

ware ga ie ni wa eiseiantena ga ar=imas=en
я NOM_R дом DAT TOP спутниковая антенна NOM_R быть=ADR=PRS
‘В моем доме нет спутниковой антенны.’

Структурно-семантические варианты формируются в соответствии со способом выражения локализатора. Приведем примеры из собранной нами картотеки для выделенных типов моделей:

1) дейктический вариант:

[80] ここにはもう誰もいないよ。 [СКСПЯ]

koko ni wa dare mo i=na=i yo
здесь DAT TOP кто и быть=NEG=PRS PRT
‘Здесь никого нет.’

2) апудэссивный вариант:

*[81] 隣には誰も座っていない。 [СКСПЯ]

tonari ni wa dare mo suwa=tte i=na=i
соседство DAT TOP кто и сидеть=CV AUX.PRG=NEG=PRS
‘[Это было место возле прохода], однако рядом никто не сидел.’

3) суперэссивный вариант. Как правило, суперэссивная модель имеет два семантических варианта в зависимости от того, происходит ли непосредственный контакт субъекта с локумом или субъект существует (отсутствует) над ориентиром. Примеры для данного типа модели немногочисленны, и мы можем привести пример только для варианта отсутствия чего-либо на поверхности локума:

*[82] もちろん三条大橋の上にも醜い高速道路なんてありません。 [СКСПЯЯ]
 mochiron Sanjō oohashi no ue ni mo miniku=i
 конечно Сандзё мост GEN верх DAT и некрасивый=PRS
 kōsokudōro nante ar=imas=en
 автомагистраль например быть=ADR=NEG
 ‘Конечно, на мосту Сандзю тоже нет некрасивых автомагистралей.’

4) инэссивный вариант:

[83] 迷亭先生の手紙に真面目なのはほとんどない。 [9]
 Meitei sensei no tegami ni majime na no wa
 Мэйтэй сэнсэй GEN письмо DAT серьезный ATR NML NOM_T
 hotondo na=i
 почти не быть=PRS
 ‘В письмах Мэйтэя обычно ничего серьезного не было.’

[84] 部屋の中には誰もいない。 [СКСПЯЯ]
 heya no naka ni wa dare mo i=na=i
 комната GEN внутри DAT TOP кто и быть=NEG=PRS
 ‘В комнате никого нет.’

[85] 川の水には生物に必要な養分があまりありません。 [СКСПЯЯ]
 kawa no mizu ni wa seibutsu ni hitsuyō=na
 река GEN вода DAT TOP живое существо DAT необходимый=ATR
 yōbun ga ar=imas=en
 питательные вещества NOM_R быть=ADR=NEG
 ‘В речной воде нет питательных веществ, необходимых живым организмам.’

5) интерэссивный вариант:

*[86] 相続人の中に失踪者がいたり。 [СКСПЯЯ]
 sōzokunin no naka ni shissōsha ga i=tari
 наследник GEN внутри DAT пропавший без вести NOM_R быть=RPR
 ‘Среди наследников бывают пропавшие без вести.’

*[87] 1階と2階の間にはドアなどはありません。 [СКСПЯЯ]
 ikkai to nikai no aida ni wa doa nado
 первый этаж и второй этаж GEN междуDAT TOP дверь RPR
 ar=imas=en
 быть=ADR=NEG
 ‘Между первым и вторым этажом двери нет.’

В основе выделения семантических вариантов отрицательных предложений лежит критерий одушевленности / неодушевленности бытующего субъекта. Выделяются два семантических варианта:

1) вариант со значением отсутствия одушевленного субъекта в точке пространства:

[88] 店の中には誰もいない。 [СКСПЯЯ]
 mise no naka ni wa dare mo i=na=i
 магазин GEN внутри DAT TOP кто и быть=NEG=PRS
 ‘В магазине никого нет.’

2) вариант со значением отсутствия неодушевленного субъекта в точке пространства:

[89] 多くの場合、海外のホテルには電気ポットの備え付けがありません。
 [СКСПЯЯ]
 oo=ku no baai kaigai no hoteru ni wa
 много=ADV GEN случай заграница ATR отель DAT TOP
 denkipotto no sonaetsuke ga ar=imas=en
 электрочайник GEN оснащение NOM_R быть=ADR=NEG
 ‘В большинстве случаев в заграничных отелях отсутствует оснащение электрочайниками.’

* * *

Итак, бытийный класс предложений в японском языке представлен экзистенциальной моделью, которая манифестирует и характеризует существование субъекта в пространстве. Парадигматический вариант модели описывает отсутствие субъекта в какой-либо точке пространства. Структурный вариант, содержащий дополнительный компонент со значением количества, описывает существование определенного числа / количества субъектов в точке пространства. Ниже приводится таблица всех выделенных нами структурно-семантических вариантов экзистенциальной модели, а также ее вариантов со значением количества и отсутствия.

Варьирование экзистенциальной модели японского языка

Тип модели	Экзистенциальная модель	Количественный вариант	Вариант со значением отсутствия
Дейктическая	+	+	+
Апудэссивная	+	+	–
Суперэссивная	+	+	+
Инэссивная	+	+	+
Антеэссивная	+	+	–
Медиэссивная	+	–	–
Постэссивная	+	–	–
Интерэссивная	+	–	+
Субэссивная	+	+	–
Аутэссивная	+	–	–

В таблице показано, насколько вариативна экзистенциальная модель в японском языке в плане описания различных типов локализации: для нее выделено 10 структурно-семантических вариантов. Поскольку количество глаголов, используемых в бытийных моделях, невелико и они не в состоянии самостоятельно характеризовать локум, семантика типов задается локализатором. В большинстве случаев это происходит при участии многочисленных и широкоупотребляемых имен пространственной семантики, которые присоединяются к именной группе локализатора через показатель родительного падежа или (реже) самостоятельно замещают позицию локализатора.

Пробелы в таблице в графах моделей количества и отсутствия означают лишь, что в проработанном нами языковом материале данные варианты экзистенциальной модели не фигурируют, однако это не значит, что они не могут быть образованы.

2.1.3. Сопоставление бытийных моделей

Единицей подкласса бытийных моделей японского языка является собственно экзистенциальная модель $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex}$ с типовой семантикой «существование субъекта в определенной точке пространства», формируемой на базе бытийного предиката или его аналогов. В структурной схеме отражены предпочтительный порядок следования компонентов моделей и оформление субъекта бытия.

Мы также выделяем структурный вариант модели количественного существования $LEX^{Loc} N_{NomR} Num V^{Ex}$ с дополнительным компонентом, ука-

зывающим на число бытующих субъектов и парадигматический вариант модели со значением отсутствия $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex} = Neg$, формируемый при участии отрицательной формы бытийного предиката.

Система статических моделей шорского языка в изложении И. А. Невской организована на основе сходных принципов. Однако одним из критериев оценивания статических моделей ЭПП является их *каноничность* в плане традиционного и нетрадиционного падежного оформления локализатора. Введение понятия каноничности усложнило иерархию статических моделей шорского языка, что затрудняет соотнесение блоков моделей в целом. По этой причине мы проводим фрагментарное сопоставление бытийно-локативных моделей, совпадающих по типовой семантике.

Итак, модели существования (*бытия / наличия*) в шорском языке представлены глагольными и именными ЭПП. Глагольные ЭПП формируются на базе собственно бытийного предиката $\{N5 N1 (ПОЛ_{fin})\}$: *ТАЙФАДА кадыз чыл ПОЛДЫ* ‘В тайге бы трудный год’². В отличие от японских моделей, они не создают парадигматического варианта со значением отрицания.

С другой стороны, именные ЭПП со значением бытия / наличия, формирующиеся при участии экзистенциального предиката $\{N5 N1 ПАР (Cop)\}$, имеют вариант со значением отсутствия / небытия: $\{N5 N1 ЧОК (Cop)\}$: *АНДА ҚЫРЫШ-ТАБЫШ ЧОҚ ПОЛДЫ* ‘Там ссоры и шума не было’. Интересен также тот факт, что именно модели с именными бытийными предикатами в шорском языке образуют количественные ЭПП, в которых в роли сказуемого выступает имя со значением точного, приблизительного или экспрессивно выраженного количества – $\{N5 N1 КӨП (Cop)\}$: *ҚЫЛЫҚ ЭДМЕ ТОЛДУРА* ‘Народу в доме – полно’.

Кроме моделей с именными предикатами в шорском также представлены локативные конструкции с несобственно экзистенциальными глаголами $\{N5 N1 V^{Exsis}_{fin}\}$, которые передают не только идею бытия или местонахождения, но также инкорпорируют в свою семантику дополнительные смыслы (конкретизация положения в пространстве, визуальное или акустическое проявление бытия, фаза существования и др.): *ТОР ЭБИРЕ ОРУҢНАР ТУР-ЧАЛАР* ‘Вокруг стола стоят лавки’; *ТАШТАР ҚАРАРЧАЛАР* ‘Выше нас камни чернеют’; *ЭМДЕ ҚАЛАШ ТҮГЕН ПАРҒАН* ‘В доме кончился хлеб’ и др.

Переходя к системе пространственных моделей эвенкийского языка, мы хотим отметить, что Е. Г. Самойлова в своей работе осуществила несколько отличное разбиение пространственных ЭПП. Она противопоставляла *бытийные* модели *пространственным*, куда относилась конструкции со значением местоположения, локализованного движения, собственно движения, а

² Здесь и далее примеры из урало-алтайских языков приводятся по тексту работ, привлеченных для сопоставления.

также помещения. Данное разбиение обусловлено не только типом предиката, но также факультативностью / обязательностью позиции локализатора в модели и способом образования отрицания.

Бытийные ЭПП эвенкийского языка со значением наличия (аналоги моделей существования в японском языке) строятся по модели **(Loc) N^{Ex}_{NOM} би=//**:

Таду гиркив бидэрен, [бэе].

таду	гирки=Ø=в	би=де=рэ=н
там	товарищ=NOM=POSS/1Sg	жить=IMPF=PR=3Sg

‘Там мой товарищ живет, мужчина.’

Важной особенностью данной модели является невозможность использования в ней в качестве сказуемого небытийного предиката. В то же время Е. Г. Самойлова отмечает, что бытийный предикат *би=* в рамках бытийных моделей находится на стадии перехода от глагола-связки к полноценному глаголу бытия.

Кроме собственно модели наличия, в классе бытийных моделей эвенкийского языка представлены также модель количества (включающая модели маркированного количества и качества) **(Loc) N^{Ex}_{NOM} Quant (cop)**:

Дюганиду манмактал бэркэ кэтэ бичэтын.

дюганиду	манмакта=л=Ø	бэркэ кэтэ=Ø	би=чэ=тын
летом	комар=PI=NOM	очень много=Sg	быть=PAST=3PI

‘Летом очень много комаров было.’

и модель отсутствия **(Loc) N^{Ex}_{NOM} ачин= (cop)**:

Тар хуюкурду амутылду чатырэл ачир.

тар=Ø	хуюку=р=ду	амут(ы)=л=ду	чатырэ=л=Ø	ачи=р
тот=NOM	маленький=PI=DAT	озеро=PI=DAT	песец=PI=NOM	нет=PI

‘На тех маленьких озерах песцов нет.’

Модель отсутствия базируется на специальном имени отрицания *ачин=*, которое всегда согласуется с именем существительным, занимающим позицию субъекта. Данный способ отрицания уникален и характерен только для бытийных моделей [Самойлова 2002].

Для хакасского языка А. Н. Чугунекова выделяет глагольные модели ЭПП с семантикой существования, которые строятся по модели **{Loc N=1 V=f}**: *Агас=та хоосха одыр- чатхан* ‘На дереве сидела кошка’; *Пес хырин=да чис самовар турча* ‘Возле печки стоит медный самовар’. В качестве предиката используются глаголы бытия, расположения в пространстве, а

также качества и цветового признака.

Модель со значением количества в хакасском языке имеет вид {**Loc=N=1 кӧп/асхынах (сор)**}, предикатами для данной модели случат лексемы со значением ‘много / мало’: *Ан=да миске асхынах полган* ‘Там грибов было мало’; *Стол үстүн=де книга асхынах полган* ‘На столе было мало книг’ [Чугунова 2013а, 2013б].

Таким образом, мы видим, что во всех языках бытийные модели предполагают начальную, тематизированную позицию локализатора, которая, однако, не во всех языках является облигаторным элементом бытийных ЭПП. Сопоставительный анализ бытийных моделей выявил следующие значимые расхождения:

1) Все варианты экзистенциальной (бытийной) модели в японском языке представляют собой исключительно глагольные ЭПП, в то время как в алтайских языках активно реализуются именные модели для описания бытия. Так, в шорском языке наблюдается значительное варьирование семантики именных моделей.

2) Количественные модели в алтайских языках (шорский, эвенкийский, хакасский) формируются не на базе глаголов, а на основе сочетания имени со значением количества в сочетании со связкой. Отметим также, что бытийные модели ненецкого языка, будучи в подавляющем своем большинстве глагольными, также формируют количественные модели со сказуемым, выраженным сочетанием квантитативных слов и глагола-связки [Шилова 2003, Ч. 2: 20–27].

3) В эвенкийском и шорском языках парадигматические варианты бытийных модели со значением отсутствия также представлены именными моделями, в то время как в японском и ненецком языках сказуемое ЭПП со значением отсутствия выражено отрицательной формой глаголов.

4) Эвенкийский язык, единственный из сопоставляемых, не допускает использования позиционных или иных типов предикатов в составе бытийных моделей. В то же время остальные языки разделяют возможность включения в экзистенциальное предложение аналога бытийного глагола с дополнительными семантическими компонентами. В японском языке, несмотря на наличие позиционных, акустических и проч. бытийных предикатов, нет глаголов, образованных от лексем со значением цвета типа ‘чернеть / синеть’ и др.

2.1.4. Локативные модели

$N_{NomT} LEX^{Loc} V_f$

«местонахождение субъекта в определенном локуме»

Локативные модели, как и бытийные, включают в свой состав бытующий субъект, бытийный предикат и статический локализатор. Локативные предложения, как и экзистенциальные, отражают пространственно-предметный аспект мира, но они сообщают о *местопребывании* уже известного объекта. Соответственно, локализатор в данном классе моделей составляет рему высказывания и преимущественно располагается перед предикатом – после бытующего субъекта.

Для японского языка выделяются каузативные и некаузативные локативные модели, среди которых также фигурирует некаузативная именная модель. Каузативные модели содержат на один компонент больше – в них представлена позиция объекта локации.

2.1.4.1. Особенности компонентов локативных моделей

1) Субъект-эксисциенс. Поскольку топик в японском языке должен стоять на первом месте в предложении, топикальный субъект в данной модели занимает начальную позицию в предложении, в отличие от подлежащего в экзистенциальных предложениях. Как показано в примере [90], подлежащее локативного предложения, обозначающее бытующий предмет, оформляется показателем именительного тематического падежа *wa*, так как субъект высказывания уже введен в дискурс:

[90] 三毛子は行儀よく椽側に坐っている。 [9]

Mikeko **wa** **gyōgi** **yo=ku** **engawa** **ni** **suwa=te**
Микэко **NOM_T**манеры хороший=ADV галерея DAT сидеть=CV
i=ru

AUX.PRG=PRS

‘Микэко чинно восседала на галерее.’

Начальная позиция характеризует подлежащее как уже известное, введенное в контекст, поэтому в ЭПП, построенных по локативным моделям, встречается также нетопикализованное подлежащее, занимающее, тем не менее, начальную позицию по отношению к локализатору:

[91] 今夜も赤い薄い本が主人の地位に転がっている。 [9]
 kon'ya mo akai usui hon ga shujin no chii
 эта ночь и красный тонкий книга NOM_Rхозяин GEN место
 ni koroga=tte i=ru
 DAT валяться=CV быть=PRS
 ‘Сегодня ночью рядом с хозяином валяется тонкая красная книга.’

[92] 彼がどこか遠くにいる。 [7: 11]
 kare ga doko ka too=ku ni i=ru
 он NOM_R где Q далекий=ADV DAT быть=PRS
 ‘Он где-то далеко.’

В примере [91] начальная позиция субъекта и подробное описание визуальных характеристик позволяет определить его как тематический, несмотря на показатель рематического именительного падежа. Предложение [92] является ответом на вопрос «Где папа?», соответственно, субъект определенно является тематическим. Данное варьирование в оформлении субъекта локативного предложения не является регулярным и встречается в примерах достаточно редко.

В японском языке существует устойчивая тенденция опускать тему высказывания, ввиду того, что она уже известна. По этой причине среди отобранного нами материала около 70% локативных предложений не содержит подлежащего – тематизированного субъекта. Чтобы его восстановить, необходимо обратиться к контексту, что не всегда возможно сделать в условиях языкового корпуса, где приводится ограниченный отрывок текста.

[93] 近頃はどこに住んでおりますか知らん。 [10]
 chikagoro wa doko ni su=nde ori=ma=su ka
 последнеевремя TOP где DAT жить=CV AUX.PRG=ADR=PRS Q
 shira=n
 знать=NEG.PRS
 ‘Только вот не знаю, где [он] теперь живет.’

Поскольку японский глагол не имеет категорий рода, лица и числа, то в неопределенно-личных предложениях, подлежащее которых нельзя было идентифицировать никаким образом, мы исходили из предположения, что субъект (одушевленный) – мужчина.

2) Бытийный предикат. Экзистенциальные и локативные предложения различаются также глаголами, которые могут быть использованы в роли сказуемых. В экзистенциальных предложениях при любых подлежащих (будь то одушевленный или неодушевленный субъект) может быть использован гла-

гол *aru*, а в локативных предложениях данный глагол допустим лишь при неодушевленных субъектах. При подлежащем, выражающем одушевленный субъект, этот глагол заменяется на другой бытийный глагол *iru* или его аналог *oru* [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008, Т. 2: 88].

[94] 吾輩はこの教師の家にいるのだ。 [9]

wagawai wa koko no kyōshi no uchi ni i=ru no
я NOM_T здесь GEN учитель GEN дом DAT **быть=PRS** PRT
da

COP.PRS

‘Я живу в доме здешнего учителя.’

Так как в предложении [94] подлежащее обозначает одушевленный субъект, то использован экзистенциальный глагол *iru*, как и должно быть в локативном предложении.

Кроме глагола *iru*, в роли бытийного предиката локативной модели так же, как в случае с бытийными моделями, могут выступать глаголы-аналоги бытийного предиката (пример [95]), позиционные глаголы (пример [96]) и аналитическая форма длительного вида переходных глаголов со вспомогательным компонентом *aru* (примеры [97] и [98]):

*[95] 長尾は旅に出て伊香保の宿に泊まる。 [СКСПЯЯ]

Nagao wa tabi ni de=te Ikahe no yado
Нагао NOM_T путешествие DAT выходить=CV Икахо GEN гостиница
ni **toma=ru**
DAT **останавливаться=PRS**

‘Нагао отправился в путешествие и остановился в гостинице города Икахо.’

*[96] 生徒たちがずらっと席に座っていて。

seito=tachi ga zuratto seki ni suwa=tte i=te
ученик=PL NOM_R много место DAT **сидеть=CV** **AUX.PRG=CV**

‘Ученики сидят на местах [и что-то мастерят].’

*[97] 生薬は壁際の棚に並べてあった。 [СКСПЯЯ]

kigusuri wa kabekiwa no tana ni narabe=te
лекарственные растения NOM_T край стены GEN полка DAT **выстраивать=CV**
a=tta

AUX.PRG=PST

‘Лекарственные растения [разложены в мешочки и] выстраивают на полке у самой стены.’

*[98] カエルは、私の本棚に今も飾ってあります。 [СКСПЯЯ]

kaeru wa watashi no hondana ni ima mo
лягушка NOM_T я GEN книжная полка DAT сейчас и

kaza=tte ar=imas=u
выставить=CV AUX.PRG=PRS

‘Трогательная лягушка и сейчас еще стоит (букв.: выставлена) на книжной полке.’

В локативных моделях позицию предиката может также занимать глагол движения в длительном виде, например, *iku* ‘уходить’, *kuru* ‘приходить’, *kaeru* ‘возвращаться домой’. При статическом локализаторе длительный вид глаголов движения обозначает пребывание в некотором месте в результате совершенного перемещения:

[99] 福沢はすでにアメリカに行っている。 [СКСПЯЯ]

Fukuzawa wa sudeni Amerika ni **i=tte i=ru**
Фукудзава NOM_T уже Америка DAT **уходить=CV AUX.PRG=PRS**

‘Фукудзава уже в Америке.’

[100] 日本にも外国人投手は多数来ています。 [СКСПЯЯ]

Nihon ni mo gaikokujin tōshu wa tasū **ki=te**
Япония DAT и иностранец питчер NOM_T много **приходить=CV**
i=mas=u

AUX.PRG=ADR=PRS

‘В Японии тоже находится много иностранных питчеров³.’

Предикат в примерах [99] и [100] представлен в аналитической форме длительного вида, образованной с помощью вспомогательного глагола прогрессива *iru*.

3) Сопоставление бытийной и локативной моделей.

Ниже приводится таблица, в которой сопоставляются характеристики данных моделей:

³ Питчер – в бейсболе: игрок, подающий мяч.

Особенности экзистенциальной и локативной моделей

	Экзистенциальная $LEX^{Loc} N_{NomR} V_f$	Локативная $N_{NomT} LEX^{Loc} V_f$
Положение LOC	до подлежащего	после подлежащего
Субъект	рематический	тематический
Предикат	<i>aru</i>	для одушевленных – <i>iru</i> для неодушевленных – <i>aru</i>

2.1.4.2. Некаузативная локативная модель

$$N_{NomT} LEX^{Loc} V^{Ex}$$

«местонахождение субъекта в точке пространства»

В качестве предиката в локативной модели используется широкий круг глаголов, инкорпорирующих дополнительные значения. Субъект-экзистенс может быть представлен именами существительными, называющими бытующий субъект или группу субъектов, а также местоимения. Именная группа локализатора кроме собственно имен может включать указательные местоимения, обстоятельственную форму прилагательных и имена пространственной семантики.

Приведем пример ЭПП, построенного по локативной некаузативной модели:

[101] 吾輩は鮑貝の傍におとなしくして蹲踞る。□
 wagawai wa awabigai no soba ni otonashikushi=te
 я NOM_T раковина GEN рядом DAT вести себя тихо=CV
 uzukuma=ru
 присесть на корточки=PRS
 ‘Я как ни в чем не бывало сидел возле своей раковины.’

Основанием для выделения структурно-семантических вариантов модели является структура и семантика локализатора; мы приводим следующие варианты некаузативной локативной модели: *дейктический*, *апудэссивный*, *суперэссивный*, *инэссивный*, *субэссивный*, *аутэссивный*.

1) Дейктический вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Deic} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта в неопределенной точке пространства».

В составе локализатора дейктической модели фигурируют указательные местоимения места типа *koko* ‘здесь’, *soko* ‘там’, например:

[102] 郵送隊の主要メンバーはここに住んでいた。 [СКСПЯЯ]

yūsōtai no shuyō membā wa **koko ni**
группа отправки почтой GEN главный член NOM_T **здесь DAT**
su=nde i=ta
жить=CV AUX.PRG=PST

‘Главные сотрудники команды почтовой отправки жили здесь.’

2) Апудэссивный вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Apudess} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта около / рядом с ориентиром».

*[103] 伸一は、一人の少年の隣に立った。 [СКСПЯЯ]

Shin'ichi wa hitori no shōnen no **tonari** **ni** ta=tta
Синъити NOM_T один GEN мальчик GEN **соседство** **DAT** стоять=PST

‘[Когда участники построились,] Синъити встал рядом с одним мальчиком.’

*[104] 看護長は機関長のそばに立って。 [СКСПЯЯ]

kangochō wa kikanchō no **soba ni** ta=tte
старшая медсестра NOM_R главный инженер-механик GEN **рядом DAT** стоять=CV

‘Старшая медсестра встала рядом с главным инженером-механиком.’

[105] 隆駅は、岸壁のすぐ近くにありました。 [СКСПЯЯ]

Ryūeki wa ganpeki no sugu **chika=ku** **ni**
Рюэки NOM_T пирс GEN сразу **близкий=ADV** **DAT**

ar=imash=ita
быть=ADR=PST

‘Станция Рюэки находилась непосредственно возле пирса.’

3) Суперэссивный вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Superess} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта на поверхности локума».

*[106] 彼の手はいつのまにか娘の肩の上にあります。 [СКСПЯЯ]

kare no te wa itsunomanika musume no kata no **ue** **ni**
он GEN рука NOM_T незаметно девушка GEN плечо GEN **верх** **DAT**

ar=imash=ita
быть=ADR=PST

‘Его рука незаметно лежала на плече девушки.’

[107] ぼうしはテーブルにありました。 [СКСПЯЯ]

bōshi wa tēburu **ni** ar=iamsh=ita
шляпа NOM_T стол **DAT** быть=ADR=PST

‘Шляпа лежала на столе.’

4) Инэссивный вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Iness} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта в пределах определенного локума».

В зависимости от семантики локализатора выделяются два инэссивных варианта:

а) со значением местонахождения субъекта внутри определенного локума:

[108] 丸太小屋の中に両親と三人の女の子が住んでいました。 [СКСПЯЯ]
 maruta koya no **naka** **ni** ryōshin to sannin
 бревно хижина GEN **внутри** GEN родители и трое
 onna no ko ga su=nde i=mash=ita
 девочка NOM_R жить=CV AUX.PRG=PST
 ‘В бревенчатой хижине вместе с родителями жили три девочки.’

б) вариант со значением местонахождения субъекта в однородной среде:

*[109] 森に住んでいる。 [СКСПЯЯ]
 mori **ni** su=nde i=ru
 лес **DAT** жить=CV AUX.PRG=PRS
 ‘Живу в лесу.’

[110] ぼくは生まれたときから海に住んでいるんだ。 [СКСПЯЯ]
 boku wa umare=ta toki kara umi **ni** su=nde
 я NOM_T родиться=PST COND ABL море **DAT** жить=CV
 i=ru
 AUX.PRG=PRS
 ‘С тех пор как родился, я живу в море.’

5) Субэссивный вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Subess} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта под ориентиром».

[111] 手紙は、枕の下にしまってあったわ。 [СКСПЯЯ]
 tegami wa makura no **shita** **ni** shima=tte a=tta
 письмо NOM_T подушка GEN **низ** **DAT** прятать=CV AUX.PRG=PST
 ‘Письмо было спрятано под подушкой.’

6) Аутэссивный вариант $N^{Ex}_{NomT} N^{Loc} DAT^{Autess} V^{Ex}$ – «местонахождение субъекта перед ориентиром».

[112] 左膳は出入り口の引き戸の外に立っていた。 [9]
 ebisuzen wa deiriguchi no hikido no **soto**
 обеденный столик NOM_R выход GEN скользкая дверь GEN **снаружи**
ni ta=tte i=ta
DAT стоять=CV AUX.PRG=PST
 ‘За входными дверями стоял обеденный столик.’

Семантическое варьирование некаузативной локативной модели обусловлено лексическим значением глагола и способом выражения субъекта, который может быть одушевленным и неодушевленным.

Глаголы, встречающиеся в локативных моделях, можно разделить на следующие группы: 1) собственно глаголы местонахождения – *aru* и *iru* ‘быть, находиться’, *sumi* ‘жить, проживать’; 2) глаголы, характеризующие расположение в пространстве, – *tatsu* ‘стоять’, *suwaru* ‘сидеть’, *narabu* ‘стоять в ряд’, *neru* ‘лежать, спать’.

Отдельно мы выделяем непозиционные глагольные предикаты, которые тем не менее указывают на местонахождение субъекта: а) длительный вид глаголов движения указывает на пребывание субъекта в определенной точке пространства в результате перемещения; б) длительный вид переходных глаголов со вспомогательным глаголом *aru* ‘быть, находиться’. Условно длительный вид глаголов движения может быть отнесен к первой группе глаголов, которые описывают местонахождения. В то же время длительный вид переходных глаголов характеризует расположение субъекта в пространстве, вследствие чего может быть причислен ко второй группе глаголов.

Мы выделяем следующие семантические варианты некаузативных локативных моделей:

1. Вариант со значением местонахождения неодушевленного субъекта:

[113] 会社の書類はすべてこちらにあります。 [СКСПЯ]

kaisha no **shorui** wa subete kochira ni ar=imas=u
 фирма GEN документы NOM_T все здесь DAT быть=ADR=PRS
 ‘Вся документация фирмы находится здесь.’

2. Вариант со значением местонахождения одушевленного субъекта:

[114] 現在、自分は海岸の小さな木造の家に住んでいる。 [7; 5]

genzai **jibun** wa kaigan no chiisa=na mokuzō
 теперь сам NOM_T побережье GEN маленький=ATR из дерева
 no ie ni su=nde i=ru
 ATR дом DAT жить=CV AUX.PRG=PRS
 ‘Теперь я живу в маленьком деревянном домишке на берегу океана.’

3. Вариант со значением расположения неодушевленного субъекта в пространстве особым образом. Так же, как и в бытийных моделях, неодушевленные субъекты локативных предложений в японском языке не могут «си-

деть» или «лежать», поэтому для описания их расположения в пространстве используется бытийный глагол *aru* ‘быть, являться, находиться’. Лишь некоторые глаголы могут описывать особое расположение предметов в пространстве, например, глаголы *narabu* ‘стоять в ряд’, *kakaru* ‘висеть’, *tsumoru* ‘накопиться, лежать горой’:

[115] 発売日を告知している品は発売日当日タイムリーに店頭に並ぶ。

[СКСПЯЯ]

shina wa hatsubaihi tōji taimurii=ni tentō ni
товар NOM_T день распродажи тот день своевременно=ADV витрина DAT
 para=bu

стоять в ряд=PRS

‘Товар, рекламирующий распродажу, в этот день своевременно выставлен в витрине (букв.: стоит).’

Также для описания расположения неодушевленного субъекта в пространстве особым образом может использоваться длительный вид переходного глагола действия со вспомогательным компонентом *aru*:

*[116] 皿や小鉢など部屋の隅に並べてある。 [СКСПЯЯ]

sara ya kobachi nado heya no sumi ni
 тарелка RPR цветочный горшок PL комната GEN угол DAT
 parabe=te ar=u
 расставлять=CV AUX.PRG=PRS

‘Тарелки и цветочные горшки стоят в углу комнаты.’

4. Вариант со значением расположения одушевленного субъекта в пространстве особым образом:

*[117] 二人は畳の上に並んで座り。 [СКСПЯЯ]

futari wa tatami no ue ni nara=nde suwa=ri
двое NOM_Tтатами GEN верх DAT стоять в ряд=CV сидеть=CV

‘Двое сидели на татами, [а Нарита продолжал трещать как пулемет].’

5. Вариант со значением временного пребывания одушевленного субъекта в некотором локуме. Данный вариант формируется на базе глагола *tomaru* ‘останавливаться на ночь, переночевать’, который используется в случае, когда субъект ночует в гостинице или чужом доме:

[118] 昨日、友だちの家に泊まった。 [СКСПЯЯ]

sakujitsu tomodachi no ie ni toma=tta
 вчера друг GEN дом DAT останавливаться=PST

‘Вчера [я] переночевал у друга.’

6. Вариант со значением местонахождения субъекта, проявляющего себя визуально или акустически. В формировании данного варианта участвуют глаголы, содержащие семантический компонент обнаружения своего местонахождения посредством внешнего вида, издаваемых звуков и проч.: *kagayaku* ‘сверкать, блестеть’, *kirameku* ‘блестеть, мерцать, гореть’, *yakeru* ‘гореть, пламенеть’, *mieru* ‘быть видимым’, *kikoeru* ‘слышаться, доноситься’, *saku* ‘цвести’, *naku* ‘издавать звуки’ (о животных) и проч.

[119] 北極星はいつも北の空の同じ位置に見えています。 [СКСПЯЯ]

hokkyokusei wa itsumo kita no sora no onaji chii ni
 Полярная звезда TOP всегда Север GEN небо GEN одинаково место DAT
 mie=te i=mas=u
 виднеться=CV AUX.PRG=ADR=PRS

‘Полярная звезда всегда появляется в одном и том же месте в северной части неба.’

Характерной особенностью локативных моделей японского языка является тот факт, что семантический вариант со значением визуального проявления субъекта реализуется крайне редко. Приводя один из немногочисленных примеров данного семантического варианта, мы, тем не менее, отмечаем, что подобные предложения могут быть сформированы лишь теоретически. В подавляющем большинстве случаев глаголы проявления признака описывают *существование* субъекта, называемого впервые, соответственно в японском языке семантический вариант со значением визуального обнаружения субъекта характерен в большей степени для бытийных моделей, нежели для локативных.

2.1.4.3. Именная некаузативная локативная модель

$N_{\text{NomT}} \text{ LEX}^{\text{Loc}} = \text{COP}$

«местонахождение субъекта в точке пространства»

Данная модель не предполагает наличия глагольного предиката и включает в свой состав только субъект-эксисциенс, занимающий позицию топикального подлежащего, и локализатор, формально являющийся сказуемым и оформляющийся связкой. Поскольку сказуемое в японском языке может быть оформлено только связкой, локализатор не присоединяет к себе показателей пространственных падежей.

[120] あなたの席はここですよ。 [СКСПЯЯ]

anata no seki wa koko des=u yo
 ты GEN место NOM_T здесь COP.ADR=PRS PRT

‘Твое место здесь.’

Предложения, построенные по данной модели, являются полными, в отличие от разговорных сокращений пространственных ЭПП, когда говорящий опускает бытийный предикат, но сохраняет оформление локализатора пространственным падежом. Локализатор данной модели имеет стандартную форму выражения и может включать те же элементы, что и прочие бытийные модели: имена существительные, служебные имена пространственной семантики, а также указательные местоимения места и направления. Отметим, однако, что локативные ЭПП данного типа чаще всего содержат в составе локализатора именно указательные местоимения.

[121] 倉庫は、そこです。 [КЯЯ Yahoo!知恵袋 2005]

sōko wa soko des=u
склад NOM_T там COP.ADR=PRS
'Склад там.'

В соответствии со значением имени пространственной семантики, включенного в состав локализатора, мы выделяем следующие типы именной локативной модели: *дейктический*, *апудэссивный*, *постэссивный* и *антеэссивный*.

1) Дейктический вариант $N_{\text{NomT}} \text{ LEX}^{\text{Deic}} = \text{COP}$ – «местонахождение субъекта в неопределенной точке пространства». В образовании данного типа участвуют указательные местоимения места, занимающие позицию локализатора:

[122] 住所等はこちらです。 [КЯЯ Yahoo!知恵袋 2005]

jūshotō wa kochira des=u
адрес NOM_T здесь COP.ADR=PRS
'Адрес здесь.'

2) Апудэссивный вариант $N_{\text{NomT}} N \text{ GEN } N^{\text{Apudes}} = \text{COP}$ – «местонахождение субъекта рядом / около определенного ориентира». Семантику модели определяют входящие в состав локализатора имена пространственной семантики *tonari* 'соседство', *yoko* 'бок', *soba* 'рядом'. В отличие от глагольных моделей апудэссивного типа, неглагольные локативные модели не могут включать в свой состав обстоятельственную форму прилагательного *chikai* 'близкий', поскольку незаключительные формы предикативных прилагательных не могут выступать в роли сказуемого со связкой.

*[123] アパートは、Sさんの自宅の隣です。 [СКСПЯЯ]
 apāto wa S san no jitaku no tonari des=u
 квартира NOM_T S сан GEN дом GEN соседство COP.ADR=PRS
 ‘Квартира находится рядом с домом С.’

[124] 大篠津駅は空港のすぐ横です。 [КЯЯYahoo!知恵袋 2005]
 Ooshinozueki wa kūkō no sugu yoko des=u
 Оосинодзуэки NOM_T аэропорт GEN сразу бок COP.ADR=PRS
 ‘Станция Оосинодзу [находится] сбоку от аэропорта.’

3) Постэссивный вариант $N_{\text{NomT}} N \text{ GEN } N^{\text{Postes}}=\text{COP}$ – «местонахождение субъекта позади / по другую сторону ориентира».

[125] 和子ちゃんの席は、槇ちゃんの後ろです。 [СКСПЯЯ]
 Masako chan no seki wa Maki no ushiro des=u
 Масако тян GEN место NOM_T Маки GEN позади COP.ADR=PRS
 ‘Место Масако – позади Маки.’

4) Антэссивный вариант $N_{\text{NomT}} N \text{ GEN } N^{\text{Antees}}=\text{COP}$ – «местонахождение субъекта перед ориентиром».

[126] 東京文化会館は駅の目の前である。 [СКСПЯЯ]
 Tokyō bunka kaikan wa eki no me no mae de
 Токио культура клуб NOM_T вокзал GEN глаз GEN перед COP.CV
 a=ru
 AUX=PRS
 ‘Токийский дом культуры находится прямо перед вокзалом.’

Именная некаузативная локативная модель по преимуществу описывает местонахождение неодушевлённых субъектов, поэтому варьирование по категории одушевленности / неодушевленности субъекта теоретически остаётся возможным, но мы не смогли найти таких примеров в корпусе. Отсутствие глагольного предиката исключает варьирование, связанное с характеристикой расположения особым образом. Таким образом, для данной локативной модели нам удалось выделить только структурно-семантические варианты на основании состава локализатора.

2.1.4.4. Каузативная локативная модель

$N^{\text{Caus}} N^{\text{Causv}} \text{LEX}^{\text{Loc}} V^{\text{Caus-loc}}$

«каузация местонахождения объекта в определенном локуме»

В состав модели входят четыре обязательных компонента: субъект-каузатор, каузируемый объект, предикат каузативного типа со значением каузируемого местонахождения и локализатор, например:

[127] エフィーは麻の手さげ袋に十二万ドル入りの封筒をしまった。

[СКСПЯЯ]

Efi	wa	asa	no	tesagebukuro	ni	jūniman	doru
Эффи	NOM _T	джут	GEN	пакет	DAT	двадцать тысяч	долларов
iri	no	fūtō	wo	shima=tta			
входить=CV	ATR	конверт	ACC	прятать=PST			

‘Эффи спрятала конверт с двадцатью тысячами долларов в джутовый пакет.’

В качестве предиката в модели выступают глаголы *shimau* ‘прятать, хранить’, *kakusu* ‘прятать’, *tomeru* ‘приютить, оставить на ночь’ и другие. Субъект, как правило, предстает в виде одушевленного имени, объект – имени предметной семантики. Именная группа локализатора стандартная и может включать в свой состав имена существительные, имена пространственной семантики.

Поскольку порядок членов предложения в японском языке относительно свободен, то каузируемый объект и локализатор могут меняться местами. Однако структурная схема отражает преобладающий порядок компонентов модели, при котором объект локализации предшествует локативной именной группе.

Каузативная локативная модель нечасто реализуется в японском языке. Каузируемое местонахождение обычно описывается глаголами длительного вида со вспомогательным компонентом *aru* либо формами страдательного залога. Тем не менее мы выделяем каузативную локативную модель на основе обработанных примеров и выделяем три структурно-семантических варианта данной модели – *апудэссивный*, *инэссивный* и *субэссивный*.

1) Апудэссивный вариант $N^{\text{Caus}} N^{\text{Causv}} \text{DAT}^{\text{Apudess}} V^{\text{Caus-loc}}$ – «каузация местонахождения объекта вблизи пространственного ориентира».

[128] 倒れている自転車を、近くの家の塀に立てかける。 [СКСПЯЯ]

taore=te	i=ru	jitensha	wo	chika=ku	no	ie
упасть=CV	AUX.PRG=PRS	велосипед	ACC	близкий=ADV	GEN	дом
no	hei	ni	tatekake=ru			
GEN	забор	DAT	прислонить=PRS			

‘[Я] прислонил упавший велосипед к забору ближайшего дома.’

2) Инэссивный вариант $N^{Caus} N^{Causv} DAT^{Loc} V^{Caus-loc}$ – «каузация местонахождения объекта внутри какой-либо емкости».

*[129] 次郎はすばやく通帳を紙袋の中にしまい込み。[СКСПЯ]

Jirō wa subaya=ku tsūchō wo kamibukuro
Дзиро NOM_T проворный=ADV расчетная книжка ACC бумажный пакет
no naka ni shimaiko=mi
GEN внутри DAT спрятать=CV

‘Дзиро проворно засунул расчетную книжку в бумажный пакет.’

3) Субэссивный вариант $N^{Caus} N^{Causv} DAT^{Loc} V^{Caus-loc}$ – «каузация местонахождения объекта под пространственным ориентиром».

[130] ベッドの下に小刀と灯明を隠しました。[СКСПЯ]

beddo no shita ni kogatana wo kakush=imash=ita
кровать GEN низ DAT перочинный нож ACC прятать=ADR=PST

‘Я спрятал перочинный нож под кроватью.’

*[131] ナイフを洗濯機の下に隠して。[СКСПЯ]

naifu wo sentakuki no shita ni kakush=ite
нож ACC посудомоечная машина GEN низ DAT прятать=CV

‘Тора спрятал нож под посудомоечной машиной.’

Что касается семантического варьирования каузативной локативной модели, то в большинстве случаев каузируемый объект представлен именем предметной семантики, однако варьирование по категории одушевленности / неодушевленности возможно. На этом основании мы выделяем два семантических варианта локативной модели.

1) Вариант со значением каузации местонахождения неодушевленного объекта.

[132] 一郎の兄さんは馬を櫓の木につなぎました。[СКСПЯ]

Ichirō no ani=san wa uma wo nara no ki
Итиро GEN старший брат=ADR NOM_T лошадь ACC дуб GEN дерево
ni tsunag=imash=ita
DAT привязывать=ADR=PST

‘Старший брат Итиро привязал лошадь к дубу.’

2) Вариант со значением каузации местонахождения одушевленного объекта. Данный вариант базируется на глаголе каузативного помещения *tomaru* со значением ‘приютить, оставить на ночь, поселить на время’.

[133] 夕べお前はお遍路さんをお堂の中に泊めたか? [СКСПЯЯ]

yūbe omae wa o=henro san wo o=dō no
вчера вечером ты NOM_T HON=паломник сан ACC HON=храм GEN
naka ni tome=ta ka
внутри DAT приютить=PST Q

‘Вы вчера вечером приютили в храме паломников?’

[134] ヤンは、彼女を家に泊めた。 [СКСПЯЯ]

Yan wa kanojo wo ie ni tome=ta
Ян NOM_T она ACC дом DAT приютить=PST

‘Ян оставил ее у себя на ночь.’

* * *

Таким образом, исходя из значения глагольного предиката и наличия объекта локализации предложении, мы выделили каузативные и некаузативные локативные модели в японском языке. Некаузативные модели бывают двух видов: глагольная и именная. Глагольная некаузативная модель представлена *дейктическим*, *апудэссивным*, *суперэссивным*, *инэссивным*, *субэссивным* и *аутэссивным* вариантами. Для именной модели выделяются *дейктический*, *апудэссивный*, *постэссивный* и *антеэссивный* вариант.

Каузативные локативные модели включают только *антеэссивный*, *инэссивный* и *субэссивный* типы, что объясняется специфической семантикой моделей, а также отчасти немногочисленностью примеров реализации данной модели в японском языке. В свою очередь инэссивный вариант не имеет значения каузации местонахождения в сплошной среде, что, по-видимому, связано с объективной действительностью: люди предпочитают хранить вещи в замкнутых емкостях. Мы предполагаем, что данная локативная модель не является частотно используемой, кроме того, количество предикатов, могущих занимать позицию сказуемого в подобных высказываниях, невелико (в сравнении с другими ЛСГ). Некоторые предложения, построенные по данной модели, можно трактовать как ситуацию каузативной адлокации в значении «помещение объекта». Вопрос разделения этих двух моделей требует дополнительного исследования.

Для локативных моделей, как и для экзистенциальной модели, можно выделить количественный структурный вариант и парадигматический вариант со значением ненахождения, отсутствия, но принципы их образования абсолютно идентичны уже рассмотренным, так что мы оставляем этот вопрос без рассмотрения.

Все типы выделенных нами локативных моделей приведены в таблице 4:

Локативные модели японского языка

Тип модели	Некаузативная глагольная модель	Некаузативная именная модель	Каузативная модель
дейктическая	+	+	–
апудэссивная	+	+	–
суперэссивная	+	–	–
инэссивная	+	–	+
субэссивная	+	–	+
постэссивная	–	+	–
антеэссивная	–	+	–
аутэссивная	+	–	+

Семантика типов локативных моделей задается прежде всего составом локализатора: значение включенных имен существительных и имен пространственной семантики.

Некаузативные глагольные локативные модели имеют наибольшее количество типов, а также легче варьируют, чем некаузативные неглагольные и каузативные модели. Вероятно, это объясняется достаточной распространенностью и востребованностью этой модели в речи. Тем не менее в японском языке затруднено образование локативных предложений со значением визуального проявления местонахождения субъекта.

Наличие некаузативной локативной модели является отличительной особенностью японского языка. Предложения, построенные по данной модели, описывают собственно местонахождение субъекта (как неодушевленного, так и одушевленного), образуют несколько типов в соответствии с семантикой локализатора, однако в отсутствии глагольного предиката не могут характеризовать расположение в пространстве.

Каузативные локативные модели наименее вариативны.

2.1.5. Сопоставление локативных моделей

Основная функция ЭПП, построенных по локативным моделям, – описание *местонахождения* уже известного, ранее введенного в дискурс субъекта. Потому их значимое отличие от рассмотренных выше бытийных заключается в начальной позиции тематизированного субъекта-экзистенса. Для всех сопоставляемых языков выявляются каузативные и некаузативные варианты локативных моделей.

В японском языке глагольная локативная модель строится по структурной схеме $N_{NomT} LEX^{Loc} V^{Ex}$. В каузативном варианте добавляется дополнительный участник – каузируемый объект помещения $N^{Caus} N^{Causv} LEX^{Loc} V^{Caus-loc}$. Именная некаузативная локативная модель в свою очередь предстает в таком виде: $N_{NomT} LEX^{Loc}=COP$. Данная модель не предполагает наличия глагольного предиката и включает в свой состав только субъект-эксисциенс, занимающий позицию топикального подлежащего, и локализатор, формально являющийся сказуемым и оформляющийся связкой. Поскольку сказуемое в японском языке может быть оформлено только связкой, локализатор именной модели не присоединяет к себе показателей пространственных падежей.

Неглагольные локативные модели описывают местонахождение неодушевлённых субъектов, поэтому варьирование по категории одушевленности / неодушевленности субъекта невозможно. Отсутствие глагольного предиката исключает варьирование, связанное с характеристикой расположения особым образом. Некаузативные глагольные локативные модели имеют наибольшее количество типов, а также легче варьируют, чем некаузативные неглагольные и каузативные модели. Вероятно, это объясняется распространенностью этой модели в речи. Однако в японском языке затруднено образование локативных предложений со значением визуального проявления местонахождения субъекта.

В шорском языке модели местонахождения, отличающиеся от моделей бытия / наличия порядком следования компонентов, представлены следующими классами моделей. Именная модель $\{N1 N5 (ПОЛ_{fn})\}$ со значением местонахождения строится на базе глагола-связки *пол*: *ИСПИШКЕ ЭЖИК ЧАНЫНДА* ‘Вешалка – у двери’ Глагольная модель ЭПП охарактеризованного местонахождения $\{N1 N5 V^{exist}_{fn}\}$, так же как и рассмотренная ранее модель существования с препозицией локализатора, предполагает наличие аналога бытийного предиката, привносящего дополнительные характеристики местонахождения: *ОРУҢНАР ТОР ЭБИРЕ ТУРЧАЛАР* ‘Лавки стоят вокруг стола’; *МЕН СИБИРДЕ ТУУГАМ* ‘Я родился в Сибири’ Данная модель имеет широкий спектр варьирования в плане семантики, в зависимости от значения входящего в ее состав предиката.

Канонические ЭПП каузативной локации содержат дополнительный актант – каузируемый объект – и имеют вид: $\{N1 N1/N4N5 V^{Plok}_{fn}\}$, в состав которых входит лексически или морфологически каузативный глагол: *МЕН АКЧАЛАРЫМНЫ СБЕРКАССАДА ТУТЧАМ* ‘Я свои деньги в сберкассе храню’ [Невская 2005].

В эвенкийском языке выделяются собственно модель местонахождения $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}} \text{Loc } V_f^{\text{Ex}}$ и модель помещения объекта (каузации местонахождения) $N_{\text{НОМ}}^{\text{S}} \text{Loc } N_{\text{АСС}}^{\text{Ob}} V_f$:

Хэгдыл дягдал сиругичилду дуннэлду балдытчанкил.

хэгды=л=Ø дягда=л=Ø сируги=чи=л=ду дуннэ=л=ду
 большой=PI=NOM сосна=PI=NOM песок=POSS=PI=DAT земля=PI=DAT
 балды=т=ча=пки=л
 расти=CONT=IMPF=PART=PI

‘Большие сосны на песчаных местах растут.’

Хутэлвэр дюктэвэр хэркэрэ оронду.

хутэ=л=вэр дюктэ=вэр хэркэрэ=рэ=Ø орон=ду
 ребенок=PI=POSS/PI оба=POSS/PI привязывать=PR/PERF=3PI олень=DAT

‘Обоих своих детей привязали к оленю.’

Глаголы, участвующие в формировании модели местонахождения, могут описывать как собственно местонахождение или способ расположения (*ин=*, *бодо=* ‘жить’, *тэгэтче=* ‘сидеть’, *илитча=* ‘стоять’ и др.), так и местонахождение в результате однонаправленного перемещения субъекта (*ил=* ‘встать’, *тэгэ=* ‘сесть’, *хуклэсин=* ‘лечь’ и др.): [...] *тогоду тэгэвки*, [...] ‘на огонь садится’. Глаголы, обозначающие перемещение в пространстве, требуют дательного падежа локализатора, обозначающего точку, в которой находится тело в результате перемещения:

[...] *хуклэсиним дуннэду.*

хуклэсини=Ø=м дуннэ=ду
 лечь=PR/PERF=1Sg з емя=DAT

‘[...] лег на землю’.

Другими словами, данные глаголы описывают перемещение субъекта / объекта в пространстве как динамический процесс, однако падежная форма локализатора указывает на осмысление ситуации как статической [Самойлова 2002]. Это сближает эвенкийский язык с японским, в котором по локативной модели также можно построить предложения с глаголами движения («местонахождение в результате перемещения»). Использование дательного падежа в составе локализатора также является специфической особенностью этих двух языков.

Для ненецкого языка [Шилова 2003, Ч. 2] выделяются каузативные и некаузативные глагольные локативные модели. Некаузативная локативная модель строится по структурной схеме $N_{\text{НОМ}}^{\text{Ex}} \text{Loc } V_f^{\text{loc}}$:

Мэта хан' ниня тэри хармаи.

мэта хан=' ниня тэри хармаи= Ø
употребляемый нарта=GEN/Sg на просто неуклюже сидеть=SUBJ/3Sg
'Он неуклюже сидел на нарте.'

Предложения со значением каузации местонахождения обладают структурной схемой **Loc** N^{causr}_{Nom} N^{causv}_{Acc} $V_f^{Caus-loc}$.

Не нацекы нухукуда цылнанда ляркарпида.

не нацекы=Ø нуху=ку=да
женщина ребенок=NOM/Sg кукла=DIM=ACC/PL/POSS/3Sg
цылнанда ляркарпи=да
под/LOC/Sg/POSS/3Sg прятать=OBJ/3Sg
'Девочка прячет под себя куклы.'

Локативные модели в рассмотренных языках демонстрируют ряд совпадающих характеристик, как то: преимущественный порядок следования компонентов модели; набор глагольных предикатов, включающих в свою семантику дополнительные компоненты; наличие каузативной модели локации. В то же время имеется и ряд расхождений:

1) в эвенкийском и японском языках локализатор преимущественно оформляется показателем дательного падежа, что нехарактерно для остальных языков;

2) в шорском и японском языках выделяется именная модель местонахождения, в то время как для других языков выделены только глагольные модели;

3) японский язык не располагает большим набором предикатов, описывающих проявление существования / местонахождения акустическими или визуальными способами, глаголов же проявления цветового признака ('белеть') в языке совсем нет;

4) не для все сопоставляемых языков были выделены реализации локативной модели со значением местонахождения в результате перемещения.

2.2. Модель обладания

N^{Poss}_{Dat} N^{Possv}_{NomR} V^{Ex}

«существования кого / чего-либо у определенного лица»

Модели обладания выделяются в языках разных систем. Они занимают особое место среди статических пространственных моделей, поскольку они совмещают две пропозиции: пропозицию *отношения* между обладателем и обладаемым и пропозицию *существования* чего-либо. На основе опроса информантов и результатов поиска примеров в корпусе мы делаем вывод о воз-

возможности образования в японском языке модели обладания на базе бытийной модели в результате переноса пропозиции бытия в социальную сферу.

В состав структурной схемы модели обладания входят три обязательных компонента: 1) субъект-посессор, выраженный именем собственным и оформленный дативом; 2) объект-посессив, представленный именем предметной семантики и выступающий в роли синтаксического субъекта; 3) экзистенциальный предикат. Ввиду отсутствия в японском языке глагола со значением ‘иметь’, бытийную модель и модель обладания объединяет экзистенциальный предикат *aru* ‘быть, иметься’, который участвует в выражении отношений обладания, но остается при этом бытийным, что мы и отразили в структурной схеме модели.

Позицию локализатора в модели обладания занимает посессор, оформление этого участника показателем дательного падежа *ni* идентично для обеих моделей. При этом посессор часто, кроме собственно дательного падежа, дополнительно оформляется показателем топика – частицей *wa*:

[135] 私には生活するのに十分な収入があります。 [СКСПЯ]

watashi **ni** **wa** seikatsusu=ru no ni jūbun=na shūnū
я **DAT TOP** жить=PRS GEN DAT достаточный=ATR доход
ga
NOM_R быть=ADR=PRS

‘У меня есть достаточный для жизни доход.’

Однако позиция посессора может оставаться неоформленной, когда показатель дательного падежа отсутствует. В таком случае позиция обладателя – начальная и топикальная, а называющее его имя не является членом предложения. Структурная схема данного варианта модели представлена в следующем виде: $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} V^{Ex}$. Приведем пример данного варианта модели обладания:

[136] 私は年収以上の借金があります。 [СКСПЯ]

watashi **wa** nenshū ijō no shakkin ga
я **TOP** годовой доход сверх GEN долг NOM_R
ga=imas=u
быть=ADR=PRS

‘У меня есть задолженность, превышающая годовой доход.’

Отметим также, что позиция посессора может быть не только не оформлена соответствующим падежом, но и вообще остаться незаполненной, поскольку для японского языка характерно опущение тематического подлежащего или топика. В отсутствие компонента, обозначающего владельца,

подобное предложение, скорее, будет отнесено бытийным предложениям, нежели к посессивным.

В речи в значении глагола ‘иметь’ нередко используется глагол *motsu* ‘держать (в руках)’, однако в подобных высказываниях посессор никогда оформляется дательным падежом и чаще всего в предложении отсутствует:

[137] 私も車を持っている。 [СКСПЯЯ]
watashi mo kuruma wo mo=tte i=ru
я тоже машина ACC держать=CV AUX.PRG
 ‘У меня тоже есть машина.’

Остается вопрос, можно ли считать, что подобные предложения построены по модели обладания, если в них за редким исключением не реализуется позиция посессора, а сами эти высказывания часто выполняют роль распространенных отглагольных определений.

2.2.1. Варьирование модели обладания

Поскольку локализатора как такового в моделях обладания нет, выделение пространственных типов невозможно. Однако мы выделяем количественный вариант модели обладания и парадигматический вариант со значением необладания.

1) Вариант со значением количественного обладания $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} Num V^{Ex}$ – «существование определенного количества чего-либо у определенного лица». В состав модели, кроме уже названных четырех компонентов, входит также дополнительный модификатор со значением количества. Роль такого модификатора могут выполнять как собственно числительные, так и лексемы с общим значением количества – *takusan* ‘много’, *sukoshi* ‘мало’ и др.:

[138] お子さんには楽しいお店は沢山あります [СКСПЯЯ]
 o=ko=san ni wa tanoshi=i o=mise wa
 HON=ребенок=HON DAT TOP приятный=PRS HON=магазин TOP
takusan ar=imas=u
много быть=ADR=PRS
 ‘У Вашего ребенка есть много приятных заведений.’

2) Вариант со значением необладания $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} V^{Ex} = Neg$ – «отсутствие чего-либо у определенного лица». Данный вариант модели образуется путем отрицания экзистенциального предиката:

*[139] 私には帰るところがありません。 [СКСПЯЯ]

watashi ni wa kaer=u tokoro ga
 я DAT TOP возвращаться=PRS место NOM_R

ar=imas=en

быть=ADR=NEG.PRS

‘У меня нет места, куда бы я мог вернуться.’

Среди предложений, построенных по модели обладания, чаще всего встречаются высказывания с одушевленным объектом. Подобные предложения описывают, прежде всего, наличие родственных связей между субъектом-посессором и объектом-посессивом:

[140] 私には3歳年下の専業主婦の妻がいます。 [СКСПЯ]

watashi ni wa sansai toshishita=no sengo shufu no
 я DAT TOP 3 года младший=ATR специальность домохозяйка GEN

tsuma ga i=mas=u
 жена NOM_R быть=ADR=PRS

‘У меня есть жена младше меня на три года, профессиональная домохозяйка.’

Поскольку обладать человеком в строгом смысле нельзя, то данная вариация рассматривается как мотивационный перенос пропозиции обладания в социальную сферу. Подобные высказывания обладают семантикой *социальных отношений*, а не собственно обладания

* * *

Модель обладания не является частотно реализуемой структурой в японском языке, причем большая часть обнаруженных нами примеров описывают наличие у посессора родственных связей (муж, жена, ребенок и т. д.) или нематериальных объектов (уверенность, опыт, недостатки и т. д.).

Тем не менее модель обладания может быть выделена, и она отличается от других статических моделей тем, что, кроме собственно существования субъекта, описывает также отношения между обладателем и обладаемым.

Характерной особенностью данной модели является замещение позиции локализатора посессором. Последний может быть оформлен показателем дательного падежа, однако наиболее частотны предложения, в которых лексема, называющая обладающего, либо становится в позицию темы и не присоединяет никакого падежного показателя, либо вообще исключается из предложения как уже известный тематический элемент. При этом большая часть предложений, построенных по данной модели, описывает не обладание как таковое, а социальные отношения (‘У меня есть семья’; ‘У меня есть ребенок’). Данный факт, безусловно, отличает японский язык от урало-

алтайских, поскольку в последних перенос значения модели бытия в сферу обладания призван описывать владение отторжимыми объектами.

2.2.2. Сопоставление моделей обладания

В шорском языке И. А. Невская вслед за В. М. Теляковой [Телякова 1993] выделяет посессивную глагольную модель $\{N2\ N1/N+//+1\ \text{ПОЛ}_{\text{fin}}\}$ на базе предиката *пол* (*СЕЕҢ кӧп АҚЧА ПОЛҒАН* ‘У тебя было много денег’), а также именные ЭПП, представленные гипермоделью наличия / отсутствия / количества объектов обладания $\{N2\ N1/N+//1\ \text{ПАР/ЧОК/КОП (Сор)}\}$ (*ПО КИЖИНИҢ ТЕЗЕ ТЫНАНЫШ ЧОҚ* ‘У этого человека нет отдыха’).

Оба блока моделей имеют прагматический структурный вариант с позицией объекта обладания. Кроме того, и глагольные, и именные посессивные конструкции в шорском языке имеют множественные вариации, что нехарактерно для японского языка. Среди глагольных моделей выделяется также модель охарактеризованного обладания $\{N2\ N1/N+//+1\ \text{V}_{\text{exist}}^{\text{fin}}\}$, формирующаяся на основе бытийных предикатов, осложненных дополнительными признаками маркирования фазы обладания: *Паза-ла акирчең НЕБЕСИС КАЛБАДЫ!* ‘Больше ничего, что можно было бы принести, не осталось!’ [Невская 2005: 173–174; 183–187]

В эвенкийском языке также выделяются модели обладания $N^{\text{POSS}}_{\text{DAT}}\ N^{\text{POSSV}}_{\text{NOM}}\ (\text{сор})$ и отрицания обладания $N^{\text{POSS}}_{\text{DAT}}\ N^{\text{POSSV}}_{\text{NOM}}\ \text{ачин (сор)}$. При этом, как мы видим из схематичной записи моделей, Е. Г. Самойлова относит модели обладания к бытийным, ставя их в один ряд с бытийной моделью и моделью местонахождения. Для данного языка это тем более оправдано, что в данных моделях реализуется особый тип отрицания сказуемого, характерный только для собственно бытийных предложений [Самойлова 2002: 69].

В. В. Шилова также выделяет для ненецкого языка модели собственно обладания $N^{\text{POSSr}}_{\text{GEN}}\ N^{\text{POSSV}}_{\text{Nom/POSS}}\ \text{V}_f^{\text{POSS}}$, а также количественного обладания и необладания и высказывает предположение, что они возникают именно на базе бытийных моделей, учитывая общий бытийный предикат и идентичную классификацию. Интересен тот факт, что в ненецком языке, как и в японском, позиция субъекта (имя в родительном падеже) часто редуцирована:

Ҩынкочар тая.

нын=ко=ча=р

лук=DIM=DIM=NOM/Sg/POSS/3Sg

‘У тебя есть лучок.’

тая=∅

иметься=SUBJ/3Sg

К чертам сходства между японским и алтайскими языками относятся следующие:

1) модели обладания во всех рассматриваемых языках сфокусированы на описании объекта обладания, в то время как субъект-посессор является второстепенным по значимости участником. Об этом свидетельствует возможность имплицитного выражения посессора лично-притяжательными аффиксами объекта обладания в случае исключения позиции субъекта из высказывания;

2) как в алтайских, так и в ненецком и японском языках модели обладания весьма близки бытийным моделям не только по структуре, но и способу выражения компонентов конструкции.

Имеются также значимые отличия японских моделей обладания от их аналогов в сибирских языках:

1) полноценная реализация модели ЭПП с пропозицией обладания реализуется крайне редко: тенденция к опущению тематизированного подлежащего (особенно если это личное местоимение) очень сильна;

2) субъект-посессор выступает в роли топика в предложении, не являясь при этом оформленным членом предложения, что не характерно для алтайских языков или для ненецкого языка;

3) полноценная реализации позиции субъекта представлена именем или местоимением в дательном падеже, в то время как для урало-алтайских языков в большей степени характерен родительный падеж при посессоре и именительный – при объекте владения.

2.3. Модели движения

Ситуативный тип пространственных отношений включает в себя не только статические (*локация*), но и динамические отношения [Невская 2005: 13]. Модели движения, передающие динамические отношения, представляют наиболее разнообразный и многочисленный блок.

Динамические конструкции описывают различные аспекты перемещения субъекта в пространстве. В состав пропозиции таких конструкций, кроме субъекта и предиката движения, входят также локализаторы, указывающие на трассу, начальную и конечную точку перемещения. Однако в составе высказывания крайне редко актуализируются сразу все участники пропозиции: с одной стороны, коммуникативный фактор обуславливает актуализацию одного из компонентов смысла, с другой – тот или иной компонент может быть включен в семантику предиката и потому не требует эксплицитного выражения.

Выделяются каузативные и некаузативные модели движения: в каузативных моделях предикативным центром являются глаголы перемещения объекта, в некаузативных – глаголы движения. Некаузативные модели включают три обязательных компонента: субъект-агенса, локализатор и предикат, соответствующие типу модели. В каузативных моделях также добавляется позиция каузируемого объекта. В структуре модели могут также появляться дополнительные компоненты при необходимости описать стартовую или финишную координаты, трассу движения, средство передвижения.

И .А. Невская среди локативных конструкций, описывающих динамические пространственные отношения, в зависимости от типа локализатора и типовой семантики включенного предиката выделяет модели, состоящие из минимума компонентов: *адлокативные*, *делокативные* и *транслокативные* [Невская 2005: 192]. Первые два типа – адлокация и делокация – отражают векторные характеристики движения, в то время как транслокативный тип локализует движение относительно трассы перемещения.

Для японского языка выделяются модели некаузативной и каузативной адлокации и делокации, однако случаи образования предложения каузативной транслокации не выявлены.

2.3.1. Структура моделей движения

Анализируемые нами пространственные модели делокации и адлокации в плане выражения имеют структурную схему $N_1 \text{ LEX}^{\text{Loc}} V^{\text{Mot}}$, где N_1 – имя в форме именительного падежа, LEX^{Loc} – лексема (либо именная группа) пространственной семантики в форме одного из пространственных падежей, V^{Mot} – глагольный предикат с общим значением движения субъекта в пространстве. Рассмотрим по отдельности составляющие указанной схемы.

1. Субъект-агенса. В моделях движения актанта в позиции N_1 может иметь значение:

1) агенса – одушевленного активного участника:

[141] 丹塗の柱にとまっていたきりぎりすももうどこかへ行ってしまった。

[1]

tanto	no	hashirani	toma=tte	i=ta	kirigirisu	mo	
красный лак	GEN	столб	DAT	сидеть=CV	AUX.PRG=PST	кузнечик	и
mō	doko	ka	e	i=tte	shima-tta		
уже	где	Q	LAT	уходить=CV	AUX.S=PST		

‘И сверчок, сидевший на красном лакированном столбе, уже куда-то скрылся.’

2) средства передвижения:

[142] 電車がホームに入ってくる。 [СКСПЯЯ]

densha ga hōmu ni hai=tte ku=ru
 электричка **NOM_R** платформа DAT входить=CV AUX.DIR=PRS
 ‘Электричка подъезжает к платформе.’

3) природного явления или силы, которая способна передвигаться без внешнего импульса:

[143] そこに台風がやってきたのだ。 [СКСПЯЯ]

soko ni taifū ga ya=tte ki=ta no
 там DAT тайфун **NOM_R** делать=CV AUX.DIR=PST PRT
 da
 COP.PRS
 ‘Туда пришел тайфун.’

Несмотря на то, что японский язык предполагает свободное расположение основных членов предложения (кроме сказуемого), порядок слов, при котором подлежащее предшествует прочим членам предложения, считается нейтральным и статистически преобладающим. Так, для топикализованного субъекта движения характерна начальная позиция в предложении. [Алпатов 2008, Т. 2: 11, 74]. Однако если позицию N_1 замещает имя в форме именительного рематического падежа, подлежащее смещается ближе к сказуемому, и мы наблюдаем препозицию локативной именной группы. Такое парадигматическое варьирование по категории актуального членения предложения имеет место независимо от модели.

[144] 厨房からノアが出て来るのが見えた。 [СКСПЯЯ]

chūbō kara Noa ga de=te ku=ru no
 кухня ABL Ной **NOM_R** выходить=CV AUX.DIR=PRS NML
 ga mie=ta
 NOMR виднеться=PST
 ‘Было видно, что Ной вышел из кухни.’

Также немаловажен тот факт, что анализируемые предложения в литературных произведениях или, например, газетных текстах чаще всего предстают как часть сложных предложений. В контексте тематический, уже названный ранее субъект опускается, и, как следствие, позиция имени N_1 бывает не актуализована в предложении:

[145] さっきお部屋へ戻って見たら、もういらっしやらないんですもの。 [8: 27]

sakki	o=heya	e	modo=tte	mi=tara,	mō
недавно	HON=комната	LAT	возвращаться=CV	AUX.M=RPR	уже
irasshara=na=i	n	des=u	mono		
быть.HON=NEG=PRS	PRT	COP.ADR=PRS	PRT		

‘[Я] ведь недавно вернулась к вам в номер, но [вас] уже не было.’

2. Локализатор. Общее значение локализатора в позиции **LEX^{Loc}** – пространственная координата (место, предмет или лицо, ориентир), обозначающая пространство, в котором происходит движение объекта локализации. Локализатор может быть выражен как именем, так и местоимением со значением места в падежной форме. Так же, как и в случае с бытийно-локативными моделями, локализатор моделей движения может включать в себя имена пространственной семантики, которые вместе с предшествующим существительным или местоимением выражают различные пространственные значения. Повторим наиболее употребительные имена данной категории: *ue* ‘верх’, *shita* ‘низ’, *ushiro* ‘позади, за’, *mae* ‘перед, впереди’, *aida* ‘между’, *soto* ‘снаружи’, *naka* ‘внутренняя часть’, *soba* ‘рядом’, *tonari* ‘соседство’ [Сафина 2000: 53].

Существительное, предшествующее имени пространственной семантики, принимает форму родительного падежа, в то время как имя пространственной семантики оформляется тем или иным падежом в зависимости от требований семантики предложения в целом или модели управления глагола. В принципе, любая модель допускает появление в составе локализатора подобного имени, однако если говорить о делокативной и адлокативной моделях предложения, то гораздо чаще имена пространственной семантики фигурируют в адлокативных предложениях, например:

[146] 駒子は低い石垣のなかへ入った。 [8: 44-45]

Komako	wa	hiku=i	ishigaki	no	naka	e
Комако	NOM _T	низкий=PRS	каменная ограда	GEN	внутри	LAT

hai=tta
входить=PST

Букв.: Комако вошла в низкую ограду.

‘Комако миновала низкую каменную ограду.’

[147] 島村は隣の女湯の方へ行った。 [8: 39]

Shimamura	wa	tonari no	jotō	no	hō	e
Симамура	NOM _T	сосед GEN	женское отделение	GEN	сторона	LAT

i=tta
идти=PST

‘Симамура направился в соседнее женское отделение.’

3. Предикат. В некаузативных моделях в качестве предикатов выступают глаголы движения – направленного и ненаправленного движения, а также субъектного помещения. Каузативные модели в свою очередь базируются на глагольных предикатах со значением перемещения объекта.

Глаголы, составляющие предикативный центр моделей движения, более многочисленны, чем глаголы бытийно-локативных моделей. Это объясняется тем фактом, что в моделях движения гораздо шире используются основосложные глаголы. Формально главным элементом сложных глаголов является второй компонент, поскольку он имеет полную парадигму. С другой стороны, в большинстве случаев смысловым является именно первый компонент, в то время как второй глагол чаще всего привносит в сложное слово тот или иной оттенок смысла: движения вовнутрь / вовне; начала, продолжения, окончания действия, интенсивности и пр.

Еще одной из особенностей предложений, построенных по моделям движения, является частотное появление в них вспомогательных директивных глаголов, которые указывают на направленность действия по отношению к некоему заданному ориентиру. Это может быть движение в сторону ориентира либо от него. Глагол *kuru* обозначает движение, направленное в сторону ориентира (конечной точки движения, говорящего, действующего лица), глагол *iku* – напротив, указывает на движение в сторону от ориентира [Алпатов 2008, Т. 1: 354, 357]. Тем не менее оба глагола могут появляться в предложениях в любых моделях движения, независимо от типа. Приведем в качестве примера два предложения с глаголом *kuru*:

[148] 私の部屋へ誰も上がって来ませんわ。 [2: 44]

watashi no heya e dare mo **aga=tte**
я GEN комната LAT кто и **подниматься=CV**

ki=mas=en wa.
AUX.DIR=ADR=NEG.PRS PRT

‘В мою комнату никто не войдет.’

[149] 今も五階から裏階段をおりて来たところだった。 [СКСПЯЯ]

ima mo gokai kara ura kaidan wo ori=te
сейчас и пятый этаж ABL изнанка лестница ACC опускаться=CV

ki=ta tokoro da=tta
AUX.DIR=PST TEMP **COP=PST**

‘Вот и сейчас [Сигэо] только что спустился по задней лестнице с пятого этажа.’

Пример [148] является предложением, построенным по адлокативной модели, и в нем совершенно естественно использован директивный глагол

приближения к ориентиру. Однако пример [149] – делокативное предложение, казалось бы, логичнее использовать другой директивный глагол. Выбор того или иного глагола из пары зависит от местоположения повествующего (лица, с чьей точки зрения излагаются события): считает ли он, что движение в целом направлено к нему или от него. Другими словами, глаголы *kuru* и *iku* не изменяют отношение предложения к той или иной модели, но вносят дополнительный компонент направленности действия, прежде всего, относительно говорящего.

4. Каузируемый объект. Каузируемый объект является обязательным компонентом каузативных моделей движения, он может представлять как неодушевленные, так и одушевленные объекты:

[150] 彼女は住所録にあなたの名前を入れていました。 [СКСПЯЯ]
 kanojo wa jūshoroku ni anata no namae wo ire=te
 она NOM_T адресная книга DAT ты GEN имя ACC внести=CV
 i=mash=ita
 AUX.PRG=ADR=PST
 ‘Она внесла твоё имя в адресную книгу.’

[151] 私はオスロから遠路、ベルゲンへ父を連れ出した。 [СКСПЯЯ]
 watashi wa Osuro kara enro Berugen e chichi wo
 я NOM_T Осло ABL дальний путь Берген LAT папа ACC
 tsuredashi=ta
 брать с собой=PST
 ‘Я взял с собой отца в дальний путь из Осло в Берген.’

2.3.2. Адлокативные модели

Типовая семантика моделей – «установление отношений локации». Вслед за И. А. Невской мы выделяем элементарную адлокативную модель, которая в японском языке состоит из минимума компонентов: *субъект* движения, *пункт* адлокации, к которому направлено действие, и *предикат* движения.

В. В. Шилова в своей работе указывает, что адлокативные модели подразделяются на модели движения и модели помещения: первые описывают направленное движение, вторые – помещение субъекта в определенную точку пространства [Шилова 2003: 89]. Оба вида моделей имеют каузативные корреляты.

В японских моделях направленного адлокативного движения предикат представлен глаголами с соответствующей семантикой:

[152] 翌朝、調査団が村に入ってきた。 [СКСПЯЯ]

yokuchō	chōsa	dan	ga	mura	ni
следующее утро	расследование	группа	NOM _R	деревня	DAT
hai=tte	ki=ta				
входить=CV	AUX.DIR=PST				

‘На следующее утро в деревню приехала следственная группа.’

Адлокативные модели движения описывают перемещение по направлению к определенному пространственному ориентиру, например:

*[153] 女が彼の部屋へ入って来た。 [8: 28]

onna	ga	kare	no	heya	e	hai=tte	ki=ta.
женщина	NOM _R	он	GEN	комната	LAT	входить=CV	AUX.DIR=PST

‘Женщина вошла в его комнату.’

Данный тип моделей актуализируется в языке чаще, чем какие бы то ни было другие модели движения. По-видимому, это происходит потому, что он описывает целенаправленное перемещение к ориентиру, а конечный пункт движения наиболее актуален в языке. В зависимости от наличия / отсутствия каузируемого объекта выделяются каузативные и некаузативные адлокативные модели движения.

В моделях помещения позицию предиката занимают глаголы субъектного либо объектного помещения в определённую точку пространства:

*[154] 桑柘の枝に鳥が止まる。 [СКСПЯ]

shōsha	no	eda	ni	tori	ga	tomar=u
тутовоедерево	GEN	ветка	DAT	птица	NOM _R	садиться=PRS

‘На ветку тутового дерева села птица.’

Среди адлокативных моделей помещения выделяются: 1) некаузативная модель, описывающая помещение субъекта в определённую точку пространства, и 2) каузативная модель, характеризующая объектное помещение.

2.3.2.1. Порядок следования компонентов адлокативной модели

Некаузативные адлокативные модели описывают движение как тематизированного, так и еще не введенного в дискурс субъекта. Соответственно, субъект некаузативных моделей, будучи тематическим подлежащим, стоит в предложении на первом месте. В случае если субъект называется впервые и оформлен как рематическое подлежащее, он смещается ближе к сказуемому, и мы наблюдаем препозицию локативной именной группы:

[155] ハルコさんは最初、店に入って、それから私のところに来たんだよね。 [СКСПЯЯ]

Haruko san wa saisho mise ni hai=tte sorekara
 Харуко сан **NOM_T** сначала магазин DAT войти=CV затем
 watashi no tokoro ni ki=ta n da yo ne
 я gen место DAT приходить PST PRT COP.PRS PRT PRT
 ‘Харуко сначала зашла в магазин, а потом уже пришла ко мне.’

[156] 私の車に情報官が乗り込んでくるんですもの。 [СКСПЯЯ]

watashi no kuruma ni jōhōkan ga noriko=nde
 я GEN машина DAT сотрудник информбюро **NOM_R** садиться=CV
 ku=gu n de=su mono
 AUX.DIR=PRS PRT COP.ADR=PRS PRT
 ‘Ко мне в машину подсел сотрудник информационного бюро.’

Также нередко случаи, когда рематическое подлежащее сохраняет начальную позицию в предложении:

[157] 問いかけの言葉が彼女の耳に飛び込んできた。 [7]

toikake no kotoba ga kanojo no mimi ni tobiko=nde ki=ta
 вопрос GEN слова **NOM_R** она GEN ухо DAT влетать=CV AUX.DIR=PST
 Букв.: Вопрос ворвался в ее уши.
 ‘Как выстрел, прозвучал этот вопрос.’

В каузативных локативных моделях субъект – как тематический, так и рематический – стоит на первом месте. Начальная позиция подлежащего в каузативных предложениях объясняется также и наличием дополнительного компонента – объекта каузации, оформленного как прямое дополнение. Подлежащее в японском языке в подавляющем большинстве случаев предшествует прямому дополнению, что не допускает перемещение субъекта-каузатора в конец предложения. Сам объект перемещения, как правило, предшествует локативной именной группе:

[158] ある人は食器を乾燥機へ運び入っていた。 [СКСПЯЯ]

aruhito wa shokki wo kansōki e hakobiire=te
 некоторый человек посуда ACC сушилка LAT перемещать=CV
 i=ta
 AUX.PRG=PST
 ‘Некоторые убирали прибывшую на конечный пункт посуду в сушилку.’

*[159] 自分が着古したコートを古い緑色のソファに放り投げた。 [7]

jibun ga kifurushi=ta kōto wo furu=i midoriiro=no sofā
 я **NOM_R** поношенный=PST пальто ACC старый=PRS зеленый=ATR диван
 ni hōrinage=ta

DAT бросить=PST

‘Я сбросил поношенную шинель на старенький зеленый диван.’

Тем не менее встречаются также примеры, в которых объект каузации располагается непосредственно перед глагольным предикатом, в постпозиции к локализатору:

[160] その鏡に写真を貼り付けましょう。[СКСПЯЯ]

sono kagami ni shashin wo haritsuke=mash=ou
тот зеркало DAT фото ACC приклеить=ADR=IMP

‘Давай приклеим на зеркало фотографию.’

2.3.2.2. Особенности падежного оформления локализатора

Актант-локализатор в адлокативных моделях имеет вариативное оформление. Наиболее частотно он оформляется при помощи показателя падежа направления *e*, который обозначает направление движения в прямом или переносном смысле. В. М. Алпатов также указывает, что для данного показателя направление движения – единственное значение [Алпатов 2008, Т. 1: 222].

В этих же значениях используется и показатель дательного падежа *ni*, который может употребляться при обозначении направления в значительно более широком смысле (адресат, цель). Также данный показатель имеет функции локатива, обозначения направления и развития процесса, действования при страдательном залоге, побуждаемого к действию – при побудительном [Фельдман 2002: 45].

Показатель дательного падежа, так же как и показатель направительно-го, оформляет локализатор при обозначении приближения субъекта к локуму и при обозначении вхождения в границы локума:

[161] 裕子はワインレッドの4ドアセダンに近づいた。[СКСПЯЯ]

Yuko wa wainreddo no yondoa sedan ni chikazu=ita
Юко NOM_T темно-красный ATR четыре двери седан DAT приближаться=PST

‘Юко приблизилась к темно-красному четырехдверному седану.’

[162] 食事のあと、浅見は浴衣に着替えて温泉に入った。[СКСПЯЯ]

shokuji no ato Asami wa yukata ni
еда GEN после Асами NOM_T летнее кимоно DAT

kikae=te onsen ni hai=tta
переодевать=CV горячий источник DAT входить=PST

‘После еды Асами переоделся в летнее кимоно и вошел в горячий источник.’

Достаточно сложно выявить различия между показателями *e* и *ni* применительно к моделям движения, что подчеркивает и Б. П. Лаврентьев: в значении направления в современном японском языке «направительный падеж практически ничем не отличается от соответствующих значений дательного падежа» [Лаврентьев 2002: 39]. Однако на основе консультаций с носителями японского языка и статей из грамматических справочников мы выявляем следующие различия между этими показателями:

1) оформление локализатора показателем дательного падежа *ni* указывает на достижение указанного места, установление непосредственного контакта с локумом, в то время как показатель направительного падежа *e* может также указывать на общее направление движения;

2) показатель *ni* также подразумевает наличие цели у движущегося субъекта;

3) выбор того или иного показателя также связан с моделью управления глагола, например, такие глаголы, как *hairu* ‘входить’ или *noru* ‘садиться в транспорт’, требуют предпочтительного оформления локализатора показателем дательного падежа [Gendai... 2011: 68].

Отметим также тот факт, что в моделях помещения (каузативных и некаузативных) локализатор оформляется преимущественно показателем дательного падежа *ni*. По-видимому, это объясняется тем, что модели помещения по типовому значению ближе к статическим моделям, нежели к динамическим. Статическое местонахождение описывается при участии дательного падежа, в то время как направительный падеж характеризует направленное движение.

Директив-финиш в адлокативной модели движения также может быть оформлен показателем предельного падежа *made*, который указывает на конечную точку движения. В отличие от показателей *e* и *ni*, данный падежный показатель имеет дополнительный компонент предела развития ситуации [Алпатов 2008, Т. 1: 227]. Отметим, что в текстах данный показатель фигурирует нечасто; приведем один из немногочисленных примеров:

[163] 下人は急な梯子を一番上の段まで這うようにして上り詰めた。 [1]
 genin wa kyū na hashigo wo itiban ue no dan
 слуга TOP крутой ATR лестница ACC самый верх GEN ступень
made ha=u yōnisi=te noboritsume=ta
LIMIT ползти=PRES словно=CV подниматься=PAST
 ‘Слуга почти ползком добрался до верхней ступени по крутой лестнице.’

2.3.2.3. Некаузативная адлокативная модель движения

$N^{Ag}_{Nom} \text{ LEX}^{DF} V^{Mot}$

«перемещение субъекта по направлению к определенному
пространственному ориентиру»

В состав модели входят субъект-агенса, адлокативный локализатор и некаузативный предикат движения. В качестве предиката выступают глаголы движения, описывающие направленное движение, и глаголы ненаправленного движения. Субъект чаще всего обозначает одушевленное лицо, локализатор выражен именами различной семантики или обстоятельственными формами прилагательных.

В соответствии с семантикой локализатора мы выделяем следующие девять структурно-семантических вариантов некаузативной адлокативной модели движения: *дейктический, апудлативный, суперлативный, иллативный, сублативный, постлативный, антелативный, директивный, терминативный*.

1) Дейктический вариант $N^{Ag}_{Nom} LEX^{Deic} V^{Mot}$ – «движение объекта по направлению к неопределенной точке пространства».

[164] ほんとうになぜ、タツヤはここに来たんだろう。 [СКСПЯЯ]
 hintou=ni naze Tatsuya wa koko ni ki=ta n
 правда=ADV почему Тацуя TOP здесь DAT приходить=PST PRT
 da=rou
 COP=PMT
 ‘Почему же на самом деле Тацуя пришел сюда?’

Иногда указание на направление движения содержится в глагольном предикате или в контексте, и в связи с этим локализатор выражен имплицитно. Так, например, в предложении [165] вспомогательный директивный глагол *kuru* указывает на то, что грузовик подъехал к тому месту, где находится говорящий:

[165] やっとベンツの大型トラックが走って来た。 [СКСПЯЯ]
 yatto Bentsu=no oogata torakku ga hashi=tte
 наконец Бенц=ATR большой грузовик NOM_R ехать=CV
 ki=ta
 AUX.DIR=PST
 ‘Наконец подъехал большой грузовик марки Бенц.’

2) Апудлативный вариант $N^{Ag}_{Nom} LEX^{Apudlat} V^{Mot}$ – «движение объекта по направлению к месту, находящемуся рядом с пространственным ориентиром».

[166] 僕の隣ににじり寄って来て、 [СКСПЯЯ]

boku no tonari ni nijiriyo=tte ki=te
 я GEN соседство DAT придвинуться=CV AUX.DIR=CV
 ‘[Он] придвинулся ко мне.’

*[167] 京子はあくびを噛み殺して二人のそばに来る。 [СКСПЯЯ]
 Kyōko wa akubi wo kamikorishi=nagara futari no soba ni
 Кёко NOM_T зевота ACC подавлять=CV двое GEN рядом DAT
 ku=gu
 приходиться=PRS
 ‘Кёко, подавляя зевок, подошла к тем двоим.’

*[168] 三郎も、太一郎の横に来て。 [СКСПЯЯ]
 Saburō mo Taichirō no yoko ni ki=te
 Сабуро и Тайтиро GEN бок DAT приходиться=CV
 ‘Сабуро тоже подошёл к Тайтиро.’

3) Суперлативный вариант $N^{Ag}_{Nom} LEX^{Superlat} V^{Mot}$ – «движение субъекта на поверхность пространственного ориентира». Локализатор может произвольно включать служебное имя *ue* ‘верх’, однако оно не является обязательным для описания перемещения субъекта на поверхность ориентира.

*[169] 明日香はテーブルによじ登る。 [СКСПЯЯ]
 ashita Kaoru wa tēburu ni yojinobor=u
 завтра Каору NOM_T стол DAT вскарабкаться=PRS
 ‘Назавтра Каору взобралась на стол.’

[170] 猫がテーブルの上に上がる。 [СКСПЯЯ]
 neko ga tēburuno ue ni agar=u
 кошка NOM_R стол GEN верх DAT подниматься=PRS
 ‘Кошка залезла на стол.’

4) Иллативный вариант $N^{Ag}_{Nom} LEX^{Illat} V^{Mot}$ – «движение субъекта по направлению внутрь определенного локума». Локативная именная группа может содержать имя пространственной семантики *naka* ‘внутри’, которое не является облигаторным элементом.

*[171] 家の中に入る。 [СКСПЯЯ]
 ie no naka ni hair=u
 дом GEN внутри DAT входить=PRS
 ‘Вошел в дом.’

*[172] 私はその家に飛び込む。 [СКСПЯЯ]
 watashi wa sono ie ni tobikom=u
 я NOM_T тот дом DAT вбежать=PRS

‘Я вбежал в дом.’

[173] わたしは、診療所へ飛び込みました。[СКСПЯЯ]

watashi wa shinryōsho e tobikom=imash=ita
я NOM_T клиника LAT вбегать=ADR=PST

‘Я вбежал в клинику.’

5) Сублативный вариант N^{Ag}_{Nom} LEX^{Sublat} V^{Mot} – «движение субъекта по направлению под определенный ориентир».

*[174] 兵士の多くは戦車やトラックの下にもぐり込んだりして。[СКСПЯЯ]

heishi no oo=ku wa sensha ya torakku no shita ni
солдат GEN много=ADV NOM_T танк и грузовик GEN низ DAT
moguriko=ndari shi=te
заползать=RPR VRB=CV

‘Большинство солдат [опустились на корточки, укрылись в тени или] заползли под танки и грузовики.’

[175] 彼女は毛布の下に逃げこむ。[СКСПЯЯ]

kanojo wa mōfu no shita nigekom=u
она NOM_T шерстяное одеяло GEN низ забраться=PST

‘Она забралась под шерстяное одеяло’

6) Постлативный вариант N^{Ag}_{Nom} LEX^{Postlat} V^{Mot} – «движение субъекта по направлению за пространственный ориентир».

*[176] 晴家は屋敷の裏に回った。[СКСПЯЯ]

Naruie wa yashiki no ura ni mawa=tta
Харуиэ NOM_T особняк GEN изнанка DAT обходить=PST

‘Харуиэ [вышел из магазина и] зашел за особняк.’

[177] 神保は言って、上梅の後ろに回り込んだ。[СКСПЯЯ]

Jinbō wa i=tte jōbai no ushiro ni
Дзинбо NOM_T сказать сливовое дерево GEN позади DAT
mawariko=nda
обойти=PST

‘Дзинбо, сказав это, зашел за сливовое дерево.’

7) Антелативный вариант N^{Ag}_{Nom} LEX^{Antelat} V^{Mot} – «движение субъекта по направлению к месту перед определенным ориентиром».

*[178] 壁際の桃色電話の前へ行き。[СКСПЯЯ]

kabegiwa no tomo iro denwa no mae e ik=i
стена GEN персик цвет телефон GEN перед LAT идти=CV

‘Я встал (букв.: подошел) перед телефоном персикового цвета, что висел на стене.’

8) Директивный вариант N_{Nom}^{Ag} $LEX^{Dir-lat}$ V^{Mot} – «движение субъекта по направлению к определенной точке пространства». Директивный локализатор включает в свой состав имя пространственной семантики *hō* ‘сторона’. Данный вариант описывает движение общей направленности, и в речевых реализациях чаще встречается локализатор, оформленный показателем направительного падежа.

[179] タロオはその群の方へ走って行った。 [СКСПЯ]

Tarō wa sono mura no hō e hashi=tte i=tta
 Таро NOM_T тот толпа GEN сторона LAT бежать=CV AUX.PRG=PST
 ‘Таро побежал к толпе.’

9) Терминативная модель N_{Nom}^{Ag} $LEX^{Terminlat}$ V^{Mot} – «движение субъекта по направлению к границе определенного ориентира». Локализатор данной модели оформляется показателем предельного падежа *made*, который указывает на предельное развитие ситуации. Таким образом, движение заканчивается на границе названного ориентира.

*[180] 犯人たちは、J R 新潟駅まで行き。 [СКСПЯ]

hannin tachi wa JR Niigataeki made i=ki
 преступники PL NOM_T JR станция Ниигата LIMIT идти=CV
 ‘Преступники добрались до станции JR⁴ Ниигата.’

2.3.2.4. Каузативная адлокативная модель движения

N_{Nom}^{Caus} $N_{ACC}^{Ob-caus}$ LEX^{DF} $V^{Caus-mot}$

«перемещение объекта движущимся субъектом
 по направлению к определенной точке пространства»

В состав модели, кроме уже названных обязательных компонентов (субъекта, адлокативного локализатора и предиката движения), входит также объект-каузатив. Предикат данной модели выражается каузативным глаголом перемещения объекта. Субъект-каузатив представлен именем, называющим лицо, объект-каузатив чаще всего выражен именем предметной семантики в форме винительного падежа. Локативная группа может включать в свой состав имена предметной и пространственной семантики, указательные местоимения места, а также обстоятельственную форму прилагательных.

⁴ JR Group (JR) является основой сети железных дорог Японии.

Несмотря на расхождение в типовой семантики и составе структурной схемы, в основе каузативной адлокативной модели лежит пропозиция движения (адлокации), и каузативный смысл является внешним по отношению к ней. Таким образом, мы рассматриваем перемещение как каузативную модификацию движения: [каузатор делает так, что]^{Caus} [субъект (=объект перемещения) движется из одной точки в другую]^{Mot}.

Ниже представлены основные структурно-семантические варианты каузативных адлокативных моделей, которые дифференцируются в зависимости от семантики глагольного предиката, а также способа оформления локализатора одним из пространственных падежей.

1) Дейктический вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus} LEX^{Deic} V^{Caus-mot}$ – «перемещение объекта по направлению к неопределенной точке пространства»:

[181] 竜次は、吸っていたタバコを遠くへ投げた。 [СКСПЯЯ]
 Ryūji wa su=tte i=ta tabako wo too=ku
 Рюдзи NOM_Tкурить=CV AUX.PRG=PST сигарета ACC далекий=ADV
 e nage=ta
 LAT бросать=PST
 ‘Рюдзи далеко отбросил сигарету, которую курил.’

Локализатор в моделях данного типа в большинстве случаев оформлен показателем направительного падежа *e*, что представляется совершенно естественным, поскольку функция указания на общее направление движения является единственной для данного показателя [Алпатов 2008, Т. 2: 222].

Указание на направление движения имплицитно выражается в глаголе, вследствие чего допускается отсутствие локализатора в предложении:

[182] 花音が立ち上がり、ホワイトボードを引きずって来た。 [СКСПЯЯ]
 Kanon ga tachiaga=ri howaitobōdo wo hikizu=tte ki=ta
 Канон NOM_R вставить=CV доска ACC тащить=CV AUX.DIR=PST
 ‘Канон встал и подтащил доску.’

В данном предложении позицию предиката занимает аналитическая форма глагола с директивным вспомогательным глаголом *kuru*, который восходит к знаменательному глаголу со значением ‘приходить’ и указывает на направление действия к ориентиру – конечной точке движения. Как правило, ориентиром является говорящий, поэтому приведенный выше пример может быть понят двояко: ‘субъект подтащил доску к себе’ и ‘субъект подтащил доску к говорящему’.

2) Директивный вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus} LEX^{Direc} V^{Caus-mot}$ – «перемещение объекта по направлению к чему-либо»:

[183] [母親]仕事の合間に子供を学校に送り出し。 [СКСПЯ]

hahaoya shigoto no aima ni kodomo wo gakkō ni
мать работа GEN пауза DAT ребенок ACC школа DAT

okuridash=i
отправить=CV

‘[Мать] в перерыве на работе отправляет ребенка в школу.’

Локализатор оформляется вариативно: либо показателем дательного падежа *ni*, либо показателем направительного падежа *e*. В отличие от директивного варианта некаузативной модели, в данном случае количество примеров, в которых локализатор оформлен дательным падежом, значительно превышает число предложений с показателем направительного падежа. Вероятно, это связано с тем, что цель и конечный пункт перемещения носят более определенный характер.

*[184] 夏は山羊と羊を高地に追って暮らしていた。 [СКСПЯ]

natsu wa yagi to hitsuji wo kōchi ni o=tte
лето TOP коза и овца ACC плато DAT гнать=CV

kurash=ite i=ta
жить=CV AUX.PRG=PST

‘Летом [курды] гнали коз и овец на возвышенности и там жили.’

*[185] 皆で魚を囲むように岸へ追い込んで、魚を捕るんだよ。 [СКСПЯ]

minna de sakana wo kako=mu yōni kishi e oiko=nde
все INSTR рыба ACC окружать=PRS как берег LAT гнать=CV

sakana o to=ru n da yo
рыба ACC ловить=PRS PRT COP.PRS PRT

‘Мы гоним рыбу к берегу, окружая ее, и ловим.’

3) Терминативный вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus} LEX^{Termin} V^{Caus-mot}$ – «перемещение объекта до пространственного ориентира». В предложениях, построенных по данной модели, локализатор оформляется показателем предельного падежа *made*, который указывает на предельный характер развития действия в пространстве и времени. Соответственно, движение завершается буквально «на кромке» указанного ориентира, и граница пространства не пересекается.

*[186] 君を僕の車に乗せて、その場所まで連れて行く。 [СКСПЯ]

kimi wo boku no kuruma ni nose=te sono basho made
ты ACC я GEN машина DAT посадить=CV тот место LIMIT

tsure=te ik=u
брать с собой=CV AUX.DIR=PRS

‘Я тебя посажу к себе в машину и отвезу туда (букв.: до того места).’

4) Аутлативный вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus} LEX^{Autlat} V^{Caus-mot}$ – «перемещение объекта вовне, наружу – из пределов локума». Показатель дательного падежа *ni* преобладает в оформлении локализатора для данной модели, однако встречаются также предложения с направительным падежом:

[187] 渡辺が服を着たユミコを外に連れ出した。[СКСПЯЯ]

Watanabe ga fuku wo kit=ta Yumiko wo
 Ватанабэ NOM_R одежда ACC надевать=PST Юмико ACC
 soto ni tsuredash=ita
 снаружи DAT вывести=PST

‘Ватанабэ вывел одевающую Юмико наружу.’

[188] 家族の者の臨終のとき、肉体を家の外へ運び出す。[СКСПЯЯ]

kazokuno mono no rinshū no toki nikutai wo
 семья GEN человек GEN последние часы жизни ATR TEMP тело ACC
 ie no soto e hakobida=su
 дом GEN внешняя сторона LAT выносить=PRS

‘В последний часы жизни члена семьи его тело выносят из дома (букв.: во вне дома)’

5) Мультилативный вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus} LEX^{Multlat} V^{Caus-mot}$ – «перемещение объекта в разные стороны».

*[189] 都電が青い火花を散らしながら走り去って行った。[СКСПЯЯ]

toden ga ao=i hanabi wo chirash=inagara
 токийский трамвай NOM_R голубой=PRS фейерверк ACC разбрасывать=CV
 hashirisa=tte i=tta
 уезжать=CV AUX.DIR=PST

‘Токийский трамвай уехал, разбрасывая голубые искры (букв.: фейерверки).’

Семантика мультилативной модели задается в основном лексически – значением глагольного предиката, поэтому позиция актанта-локализатора чаще всего выражается имплицитно. В случае, если локализатор все же присутствует в высказывании, его роль выполняют устойчивые именные или местоименные словосочетания: *shihōhappō* ‘все стороны’, *achikochi* ‘здесь и там’ и проч. Оформление локализатора может варьировать: например, выражение *shihōhappō* сочетается как с показателем дательного, так и направительного падежей, причем в любом случае означает ‘во все стороны’.

Поскольку типовая семантика данной модели выражается в предикате, появление в предложении локализатора (особенно выраженного показателем дательного падежа) может привести к изменению типа модели. Так, следующее предложение является скорее директивным, нежели мультилативным:

*[190] 子どもたちがノブコさんの顔に花びらを振りまきました。 [СКСПЯЯ]
 kodomo=tachi ga Nobuko san no kao ni hanabira wo
 дети=PL NOM_R Нобуко сан GEN лицо DAT лепесток ACC
 furimakimash=ita
 рассыпать=PST
 ‘Дети бросали цветочные лепестки на лицо Нобуко.’

Несмотря на то, что в предложении использован глагол со значением движения в разные стороны ‘рассыпать, разбрасывать, разбрызгивать’, локализатор указывает на общее направление перемещения объекта, а наличие показателя дательного падежа *ni* также предполагает установление непосредственного контакта объекта и локума.

* * *

Таким образом, на основе значения глагольного предиката и способа оформления локализатора мы выделяем пять основных структурно-семантических вариантов каузативных адлокативных моделей движения: *дейктический*, *директивный*, *терминативный*, *аутлативный* и *мультилативный*.

Предикаты, используемые в адлокативных моделях движения, частично берут на себя функцию описания маршрута: так, например, глагол *ireru* ‘помещать’ описывает помещение объекта внутрь ограниченного пространства, в то время как глагол *tsumu* ‘нагромоздить’ отражает помещение объекта на ориентир (сверху).

Основосложные глаголы содержат компоненты, которые также передают характеристики направления перемещения: второй компонент *dasu* у глаголов *okuridasu* ‘отправлять’ и *tsuredasu* ‘выводить’ означает движение, направленное наружу, вовне, а компонент *saru* в глаголе *hashirisaru* ‘уезжать’ означает движение от ориентира. Аналитические формы глаголов, образованные с участием директивных вспомогательных глаголов, сообщают дополнительную характеристику направления движения относительно говорящего.

С другой стороны, локализатор не так чувствителен к направлению движения. Независимо от того, совершается ли перемещение вверх, вниз или в сторону, сохраняются два основных способа его оформления направительным или дательным падежом. Исключение составляет только терминативная модель, в которой предельность развития действия (перемещения) передается с помощью оформления локализатора показателем предельного падежа *made*.

Считается, что показатель направительного падежа *e* имеет единственное значение – направления движения, в то время как показатель дательного падежа *ni* указывает на вектор целенаправленного движения (ср.: ‘автобус, идущий в Токио’ и ‘я еду в Токио [по делам]’). Однако выборка примеров в корпусе японского языка показывает, что для каузативных адлокативных предложений данное соответствие не является строгим, и при большинстве глаголов движения могут фигурировать оба показателя. В отличие от них, показатель предельного падежа используется для обозначения перемещения, которое заканчивается на границе пространства, описанного локализатором.

2.3.2.5. Некаузативная модель помещения

$N^{Ag}_{Nom} \text{ LEX}^{DF} V^{Adloc}$

«помещение субъекта в определенную точку пространства
в результате движения»

Модель включает три обязательных компонента: субъект-агенс, адлокативный локализатор, некаузативный предикат движения. В роли предиката модели вступают глаголы субъектного помещения, например: *suwaru* ‘сесть’, *tatsu* ‘встать’, *tomaru* ‘остановиться’, *yokoninaru* ‘лечь’ и др.

*[191] 男は向かいの椅子にドッカと座り。 [СКСПЯ]
otoko wa mukai=no isu ni dokkato suwar=i
мужчина NOM_T напротив=ATR стул DAT плюхнуться сесть=CV
‘Мужчина плюхнулся на стул напротив.’

*[192] 砂沢はソファの上に横になった。 [СКСПЯ]
Isagozawa sofa no ue ni yokonina=tta
Исагодзава диван GEN верх DAT лечь=PST
‘Исагодзава лег на диван, положив руки под подушку.’

Глаголы, формирующие базу для некаузативных моделей помещения, участвуют также в бытийно-локативных моделях. Однако, выступая аналогами бытийных предикатов, данные глаголы предстают в длительном виде, в то время как в моделях помещения фигурирует недлительный вид.

В зависимости от семантики локализатора мы выделяем следующие структурно-семантические варианты данной модели: *дейктический*, *апудлативный*, *иллативный*, *суперлативный*, *постлативный*, *антелативный*.

1) Дейктический вариант $N^{Ag}_{Nom} \text{ LEX}^{Deic} V^{Adloc}$ – «помещение субъекта в неопределенную точку пространства». Локализатор, задающий общее значение модели, представлен указательными местоимениями места:

[193] さ、どうぞ、こちらに座ってください。 [СКСПЯЯ]
 sa dōzo kochira ni suwa=tte kudasa=i
 ну пожалуйста здесь DAT садиться=CV AUX.ADR=IMP
 ‘Ну, присаживайтесь здесь.’

2) Апудлативный вариант N_{Nom}^{Ag} $LEX^{Apudlat}$ V^{Adloc} – «помещение субъекта рядом / около определенного ориентира». Апудлативный локализатор может включать в свой состав имена пространственной семантики *tonari* ‘соседство’, *soba* ‘рядом’, *yoko* ‘бок’. Имя *tonari* может фигурировать не только самостоятельно, но и в рамках сочетания, формирующего локализатор:

[194] そして私の左隣に座ったのだ。 [СКСПЯЯ]
 soshite watashi no hidari tonari ni suwa=tta no da
 затем я GEN слева сбоку DAT сидеть=PST PRT COP.PRS
 ‘Затем [он] сел слева от меня.’

3) Иллативный вариант N_{Nom}^{Ag} LEX^{Illat} V^{Adloc} – «помещение субъекта внутрь ограниченного пространства, емкости». Для данного варианта нехарактерно значение помещения субъекта внутрь сплошной среды. Подобные ситуации описываются посредством моделей движения.

*[195] 兄の宅には親族が集まって。 [СКСПЯЯ]
 ani no taku ni wa shinzoku ga atsuma=tte
 старший брат GEN дом DAT TOP родня NOM_R собираться=CV
 ‘В доме старшего брата собрались родственники [и сейчас советуются].’

*[196] 乗組員は車に乗って。 [СКСПЯЯ]
 norikumiin wa kuruma ni no=tte
 экипаж NOM_T машина DAT садиться в транспорт=CV
 ‘Члены экипажа сели в машину [и отправились в порт].’

4) Суперлативная модель N_{Nom}^{Ag} $LEX^{Superlat}$ V^{Adloc} – «помещение субъекта на поверхность какого-либо ориентира». В японском языке данный тип моделей описывает преимущественно помещение субъекта по траектории «сверху вниз». Направление перемещения «снизу вверх» описывается моделями движения с собственно глаголами движения.

*[197] 男の身体が床の上に落ちた。 [СКСПЯЯ]
 otoko no shintai ga yuka no ue ni ochi=ta
 мужчина GEN тело NOM_R пол GEN верх DAT падать=PST
 ‘Тело мужчины [проплыло в воздухе и с громким звуком] упало на пол.’

*[198] 松の枝には木彫の鶴が三羽止まる。 [СКСПЯЯ]
 matsu no eda ni wa mokuchō tsuru ga sanwa
 сосна GEN ветка DAT TOP резной журавль NOM_R три
 tomar=u
 садиться=PRS
 ‘На ветку сосны уселись три резных журавля.’

5) Постлативный вариант N^{Ag}_{Nom} LEX^{Postlat} V^{Adloc} – «помещение субъекта за определенный пространственный ориентир». В составе постлативного локализатора фигурируют следующие имена пространственной семантики: *mukō* ‘по ту сторону’, *ushiro* ‘позади’, *ura* ‘изнанка’.

[199] 道のむこう側に小型バスが止まった。 [СКСПЯЯ]
 michi no mukōgawa ni kogata basu ga
 дорога GEN по ту сторону DAT маленький автобус NOM_R
 toma=tta
 остановиться=PST
 ‘На той стороне дороги остановился небольшой автобус.’

6) Антелативный вариант N^{Ag}_{Nom} LEX^{Antelat} V^{Adloc} – «помещение субъекта перед определенным пространственным ориентиром». В составе локализатора используется имя пространственной семантики *mae* ‘перед’.

[200] 洗面所の鏡の前に立った。 [СКСПЯЯ]
 senmenjo no kagami no mae ni ta=tta
 ванная комната GEN зеркало GEN перед DAT стоять=PST
 ‘[Я] встал перед зеркалом в ванной.’

Варьирование некаузативных моделей помещения обусловлено значением глагольного предиката. Выделяются следующие варианты:

1. Вариант со значением собственно помещения; базируется на глаголах типа *sumitsuku* ‘поселиться’:

[201] 日本列島にいつ頃人が住みついたのか? [СКСПЯЯ]
 nihonrettō ni itsukoro hito ga sumitsu=ita no
 японский архипелаг DAT когда человек NOM_R поселиться=PST PRT
 ka
 Q
 ‘Когда же на японском архипелане поселились люди?’

2. Вариант со значением помещения субъекта определенным образом – в образовании участвуют позиционные глаголы:

[202] さあ…その椅子に座るんだ[СКСПЯЯ]

sā sono isu ni suwar=u n da
ну тот стул DAT садиться=PRS PRT COP.PRS
'Ну, тогда сяду на этот стул.'

2.3.2.6. Каузативная модель помещения

$N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{DF}} V^{\text{Caus-adloc}}$

«помещение объекта в определенную точку пространства»

Модель включает четыре обязательных компонента: субъект-каузатор, адлокативный локализатор, объект-каузатив, каузативный предикат движения, выраженный глаголами помещения. В роли предиката выступают глаголы субъектного помещения, например: *ireru* 'поместить внутрь', *oku* 'поставить, положить', *otosu* 'бросить, уронить', *sosogu* 'налить' и др.

В зависимости от семантики локализатора выделяются следующие структурно-семантические варианты:

1) Дейктический вариант $N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{Deic}} V^{\text{Caus-adloc}}$ – «помещение объекта в неопределенную точку пространства». Локализатор выражен указательными местоимениями места или имплицитно.

[203] 巫女はあわてて札をそこに置いた。[СКСПЯЯ]

fujo wa awate=te fuda wo soko ni o=ita
жрица NOM_T спешить=CV карта ACC там DAT положить=PST
'Жрица спешно положила туда карту.'

*[204] 村岡はすぐにエンジンルームを開けて、風を入れていた。[СКСПЯЯ]

Muraoka wa sugu ni enjin rūmu wo
Мураока TOP сразу ADV мотор помещение ACC
ake=te kaze wo ire=te i=ta
открывать=CV ветер ACC помещать=CV AUX.PRG=PST
'Мураока сразу же открыл отделение двигателя и впустил [туда] ветер.'

2) Апудлативный вариант $N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{Apudlat}} V^{\text{Caus-adloc}}$ – «помещение объекта около / рядом с определенным пространственным ориентиром».

[205] それを隣の娘のひざのそばに置いた。[СКСПЯЯ]

sore wo tonari no musume no hiza no soba ni
это ACC соседство GEN девушка GEN колено GEN рядом DAT
o=ita
положить=PST

'[Я] положил это возле колена сидящей рядом девушки.'

3) Суперлативная модель $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{Superlat} V^{Caus-adloc}$ – «помещение объекта на определенный пространственный ориентир».

*[206] 穂は机の上にひじを乗せて。 [СКСПЯЯ]

Minori wa tsukue no ue ni hiji wo nose=te
 Минори NOM_T стол GEN стол DAT локоть ACC водрузить=CV
 ‘Минори поставила локти на стол.’

*[207] この棚に、茶色の背表紙の本を二冊置いて。 [СКСПЯЯ]

kono tana ni chairo no sehyōji no hon wo
 этот полка DAT коричневый ATR надпись на переплете ATR книга ACC
 nisatsu o=ite
 два ставить=CV

‘[Я] поставил на эту полку две книги с коричневой надписью на переплете.’

4) Илллативная модель $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{Illat} V^{Caus-adloc}$ – «помещение объекта внутрь определенного локума».

*[208] 紙コップにお茶を注ぎ入れた。 [СКСПЯЯ]

kamikoppu ni o=cha wo sosogiire=ta
 бумажный стаканчик DAT HON=чай ACC наливать=PST

‘[Я] налил чай в бумажные стаканчики [из электрического чайника].’

[209] 私は棺のなかに、ココアの写真や手紙を入れた。 [СКСПЯЯ]

watashi wa hitsugi no **naka ni** kokoa no shashin
 я TOP гроб GEN **внутри** DAT какао GEN фотография
 ya tegami wo ire=ta
 и письмо ACC помещать=PST

‘Я положил в гроб фотографию какао и письмо.’

5) Антелативный вариант $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-caus}_{Acc} LEX^{Antelat} V^{Caus-adloc}$ – «помещение объекта перед определенным пространственным ориентиром».

*[210] 康子の前にはガラスのコップを置いた。 [СКСПЯЯ]

Yasuko no mae ni wa garasu no koppu wo o=ita
 Ясуко GEN перед DAT TOP стакан ATR чашка ACC ставить=PST

‘[Я убрал принесенный багаж и] поставил перед Ясуко стеклянный стакан.’

6) Сублативная модель $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{Subtlat} V^{Caus-adloc}$ – «помещение объекта под определенный пространственный ориентир». Значение модели определяется наличием в локализаторе пространственного имени *shita* ‘низ’.

*[211] 優希は、彼の首の下に手を差し入れた。 [СКСПЯЯ]

Yūki wa kare no kubi no shita ni te wo sashiire=ta
Юки NOM_T он GEN шея GEN низ DAT рука ACC засунуть=PST
'Юки [обвела руками его тело] и просунула руку ему под шею.'

Для каузативных моделей помещения не свойственен одушевленный объект, поэтому варьирование по категории одушевленности / неодушевленности ограничено. Однако возможно выделение следующих вариантов:

1. Вариант со значением помещения целого неодушевленного объекта куда-либо, например:

*[212] 夕里子がハガキをテーブルに置いて。 [СКСПЯЯ]

Yuriko ga hagi wo tēburu ni o=ite
Юрико NOM_R открытка ACC стол DAT ставить=CV
'Юрико поставила открытку на стол.'

2. Вариант со значением помещения субъектом части своего тела куда-либо:

*[213] 子は刀の柄に手をかけた。 [СКСПЯЯ]

ko wa katana no e ni te wo kake=ta
ребенок NOM_T меч GEN рукоять DAT рука ACC положить=PST
'Ребенок положил руку на рукоять меча.'

* * *

Таким образом, адлокативные модели в японском языке подразделяются на модели движения и модели помещения. Модели движения характеризуют направленное движение или перемещение в определенную точку пространства. Модели помещения описывают субъектное или объектное помещение в точку пространства. Оба вида адлокативных моделей образуют каузативные корреляты.

Адлокативные модели японского языка

Тип модели	Модели движения		Модели помещения	
	Некаузативная	Каузативная	Некаузативная	Каузативная
Дейктический	+	+	+	+
Директивный	+	+	–	–
Апудлативный	+	–	+	+
Суперлативный	+	–	+	+
Иллативный	+	–	+	+
Сублативный	+	–	–	+
Постлативный	+	–	+	+
Антелативный	+	–	+	+
Терминативный	+	+	–	–
Аутлативная	–	+	–	–
мультилативная	–	+	–	–

2.3.2.7. Сопоставление адлокативных моделей

Типовая семантика адлокативных моделей – «установление отношений с локумом». Разбиение подкласса адлокативных моделей осуществляется в соответствии с семантикой предиката, входящего в состав ЭПП. Соответственно, выделяются каузативный и некаузативный варианты моделей. Для японского и ненецкого языков проводится разграничение адлокативного движения и перемещения. Такое же разделение предлагает и Е. Г. Самойлова при описании пространственных моделей эвенкийского языка.

Прежде чем перейти к сопоставительному анализу указанных групп моделей, мы хотим вкратце описать подход к организации системы пространственных моделей эвенкийского языка. Выделяя гипермодели движения $N^S_{\text{НОМ}} \text{ DF DS Tr-Loc Instr } V^{\text{Mot}}_f$ с пятью актантами и гипермодели перемещения объекта $N^S_{\text{НОМ}} \text{ DF DS Tr-Loc Instr } N^{\text{Ob}}_{\text{ACC}} V^{\text{Mot}}_f$ с шестью актантами, Е. Г. Самойлова описывает возможные сочетания и реализации актанта-участников, выделяя модели со значением «перемещения тела в пространстве» (некаузативная адлокация и делокация) и «помещения объекта» (каузативная адлокация и делокация). Отмечается, что в эвенкийском языке из всех возможных типов локализатора наиболее частотно реализуется позиция директива-финиша, который может быть оформлен местным или направительным падежом. Последний имеет сходное значение с аналогичным падежом в японском языке: он указывает на направление движение, при кото-

ром не обязательно установление отношений локации с конечной точкой движения.

Еще одно важное сходство между данной парой языков заключается в валентности глагольных предикатов, участвующих в образовании адлокативных предложений: многие из них могут также принимать позицию директива-финиша (ср. эвенкийские глаголы *эмэ* = 'прийти, приехать', *суру* = 'уйти, уехать' и японские глаголы *kuru* 'прийти', *iku* 'уйти') [Самойлова 2002: 69–71].

В японском языке некаузативная адлокативная модель движения $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} \text{LEX}^{\text{DF}} V^{\text{Mot}}$ описывает собственно движение субъекта в пространстве, а каузативная модели адлокации $N_{\text{Nom}}^{\text{Caus}} N_{\text{Acc}}^{\text{Ob-causv}} \text{LEX}^{\text{Adloc}} V^{\text{Caus-mot}}$ – перемещение объекта движущимся субъектом соответственно. Модель адлокативного субъектного помещения в японском языке обладает структурной схемой $N_{\text{Nom}}^{\text{Ag}} \text{LEX}^{\text{DF}} V^{\text{Adloc}}$, в то время как каузативная модель помещения имеет дополнительный компонент в структурной схеме: $N_{\text{Nom}}^{\text{Caus}} N_{\text{Acc}}^{\text{Ob-causv}} \text{LEX}^{\text{DF}} V^{\text{Caus-adloc}}$.

Значительное варьирование адлокативных моделей объясняется не только вариативностью структурного и семантического оформления локализатора, но также богатством глаголов движения в японском языке. Предикаты, используемые в адлокативных моделях движения, частично берут на себя функцию описания пространства. Основосложные глаголы содержат компоненты, характеризующие особенности движения. Аналитические формы с участием директивных вспомогательных глаголов сообщают дополнительную характеристику направления движения относительно говорящего. Глаголы, формирующие базу для некаузативных моделей помещения, участвуют также в бытийно-локативных моделях. Однако, выступая аналогами бытийных предикатов, данные глаголы предстают в форме длительного вида, в то время как в моделях помещения фигурирует недлительный вид.

В шорском языке некаузативные адлокативные ЭПП строятся по структурной схеме $\{N1 N3 V_{\text{fin}}\}$: *ҚАРТЫГА ПЕРГЕН алтын МҮЗРҰККЕ ЧАДА ПЕРДИ* 'Картыга Перген на золотую кровать лег'; ...*кижи чадыгы ырақта ебэс, ОҢ ЧАНҒА ПУРА ТАРТ* '...жилье недалеко, сворачивай направо'. Каузативные ЭПП имеют в плане содержания структурную схему $\{N1 N1/4 N3 V_{\text{fin}}\}$: *КӨК ПУСҚА ПУҒДАЙ ЧАЙЫПЫСТЫМ* 'На синий лед я пшеницу разбросал'. И. А. Невская не разграничивает предложения движения и помещения, но выделяет 10 неканонических адлокативных моделей ЭПП (4 некаузативных модели и 6 каузативных). Выделение данных вариантов модели проводится исследователем на основе ЛСГ предикатов, включающих в себя дополнительные компоненты смысла, как то: объект локализации, опорный локум, объект ситуации и др.

Кроме собственно адлокативных моделей, И. А. Невская также выделяет для шорского языка модель направления взгляда, образованную глаголами физического восприятия (напр., ‘смотреть’): {N1 N3тебе/N1саара V_{fin}}: *АП-ШАҚ ЭЖИККЕ ТЕБЕ КӨР ЧАТЧА* ‘Медведь на дверь (в сторону двери) смотря, лежит’ [Невская 2005: 193–194; 208–202]. Для японского языка построение такой модели теоретически возможно, однако более естественным было бы оформление объекта наблюдения показателем винительного падежа.

В тувинском языке также не проводится дифференциации движения и помещения. Некаузативные модели адлокации строятся по модели {Ni N1/3/7 V^{lok}}. Данная модель с разными глаголами имеет разные модели-реализации: {Ni N1/3/7 V^{lok}} формируется глаголами *бар=* ‘идти от наблюдателя’, *чоок-шула=* ‘приближаться’. Модель-реализация со структурной схемой {Ni N3/7 V^{lok}} формируется глаголами приближения и достижения, а {N1 N1/7 V^{lok}} – глаголами с семантикой направления. Каузативные модели адлокации строятся по модели {Ni N1/4/6 N3/7 V^{caus}} [Сагаан 1998]. При частично грамматикализованных предикатах изменения положения в пространстве (*олур=*, *чыт=*) и направленного движения (*кел=*, *кир=*, *бар=*) зафиксировано вариативное оформление адлокативного показателя: показателями дательного и направительного падежей. Для предикатов другого типа подобного варьирования не наблюдается, и семантика директива-финиша задается дательным падежом: *Машина чан=ын=че* (рядом=POSS/3=LAT₁) *халыпчед=е* (достигать=CV₃) *бер*. ‘Подбеги к машине’; *...ө=өм=ге* (юр-та=POSS/1Sg=DAT) *өөрүшкүлүүмкончугчед=ип* (достигать=CV₁) *келдим*. ‘Я пришел домой (в юрту) очень радостный’ [Хертек 2008, 2013].

В хакасском языке при предикатах разного типа падежное оформление локализатора также может варьировать. Так, глаголы изменения положения в пространстве и проникновения управляют исключительно дательным падежом: *Суз чир=ге* (земля=DAT) *сиң=че* (впитываться=PrP₂=3Sg) ‘Вода впитывается в землю’. Глаголы ненаправленного движения в конструкциях со вспомогательными глаголами *кил=*, *пар=* и неграмматикализованные глаголы направленного движения требуют локализатора в направительном падеже: *Оолах тура=зар* (дом=LAT) *чүгүркил=ген* (приходить=PP=3Sg) ‘Мальчик забежал в дом’.

Варьирование форм датива и латива выявлено при грамматикализованных глаголах направленного движения (*кил=*, *чит=*, *пар=* и др.), сложных глаголах направленного движения с превербом *кире* и глаголах достижения объекта: *Уурлар тура=а* (дом=DAT) *кир=ген=нер* (входить=PP=Pl) ‘Воры залезли в дом’ [Хертек 2006: 11–16].

Таким образом, адлокативные модели как самые частотно реализуемые модели движения демонстрируют значительное сходство сопоставляемых

языков. Так, во всех языках были выделены некаузативные и каузативные варианты адлокативной модели, которые обладают разветвленной системой семантических вариантов, задаваемых значением включаемого глагольного предиката или способов выражения позиции актанта-локализатора. Также нами отмечено, что во всех сопоставляемых моделях адлокативный локализатор может быть оформлен дательным и направительным падежом. Наблюдается также определенное сходство в значениях, отражаемых данными падежами в японском и алтайских языках: так, в хакасском и тувинском языках форма дательного падежа дополнительно выражает запланированность достижения конечного пункта и свидетельствует об установлении контакта с локумом, а форма направительного падежа – отсутствие такой запланированности и необязательность достижения границ пространства в процессе движения [Там же: 16].

Однако мы отмечаем, что в урало-алтайских языках значительно больше глаголов движения, описывающих перемещение животных. Другими словами, предикаты движения указанных языков чувствительны к типу субъекта, в то время как в японском языке такой яркой дифференциации глагольных лексем не наблюдается. Кроме того, в японском языке глаголы движения в основном описывают маршрут движения, но не инкорпорируют дополнительные значения способа передвижения, характеристик локума и проч.

Еще одной отличительной особенностью японских адлокативных моделей движения является возможность оформления локализатора показателем предельного падежа *made*, который свидетельствует о том, что движение заканчивается в указанной точке пространства. Таким образом, в подобных высказываниях акцент сделан не на направление движения или установление контакта с локумом, а на конечный пункт.

2.3.3. Делокативные модели

Делокативные модели описывают прекращение отношений локации. Мы выделяем минимальную делокативную модель, состоящую из трех компонентов: *субъекта* движения, *пункта* делокативности, в котором начинается движение, и *предиката*, также представленного глаголами движения.

Делокативные модели подразделяются на собственно модели движения и модели удаления. Первые описывают движение по направлению от ориентира, вторые характеризуют удаление субъекта (объекта) из определенного пространства в результате перемещения. Оба вида делокативных моделей имеют каузативные аналоги. Каузативные модели движения содержат дополнительный облигаторный компонент модели – объект-каузатив, выраженный именем в винительном падеже.

Делокативные модели движения могут включать как тематизированный, так и рематический субъект. Такое варьирование по категории актуального членения предложения обуславливает перемещение подлежащего в структуре предложения. Тематический субъект занимает начальную позицию в предложении, до локативной группы; рематический субъект может перемещаться непосредственно к предикату:

[214] ヒデはくすくす笑いながら部屋を出て行った。 [СКСПЯЯ]
 Hide wa kusukusu wara=inagara heya wo de=te
 Хидэ **NOM**_T тихонько смеяться=CV комната ACC выходить=CV
 i=tta
 AUX.DIR=PST
 ‘Хидэ, тихонько посмеиваясь, вышел из комнаты.’

*[215] 向側の座席から娘が立って来て。 [8: 6]
 mukōgawa no zaseki kara musume ga ta=tte ki=te
 та сторона GEN место ABL девушка **NOM**_Rвставать=CV AUX.DIR=CV
 ‘С другой стороны с сиденья поднялась девушка [и опустила окно перед Симамурой].’

Однако нередки случаи, когда рематическое подлежащее сохраняет начальную позицию в предложении как естественную для подлежащего:

*[216] 島村が内湯から上がって来ると。 [8: 14]
 Shimamura ga uchiyu kara aga=tte ku=ru to
 Симамура **NOM**_Rбани ABL выходить=CV AUX.DIR=PRS COND
 ‘Когда Симамура вышел из бани.’

В каузативных делокативных моделях субъект всегда стоит на первом месте либо редуцирован в соответствии с устойчивой тенденцией опускать тему высказывания. Объект может стоять как перед локативной группой, так и после нее:

*[217] 彼はバターの皿を戸棚から出しに立ちあがった。 [СКСПЯЯ]
 kare wa batā no sara wo todana kara dash=i
 он TOP масло GEN тарелка ACC шкаф ABL вытаскивать=CV
 ni tachiaga=tta
 DAT подниматься=PST
 ‘Он встал, чтобы достать из шкафа тарелку с маслом.’

*[218] ポケットからハンカチを取り出し。 [СКСПЯЯ]
 poketto kara hankachi wo toridash=i
 карман ABL носовой платок ACC доставать=CV
 ‘Достал из кармана носовой платок.’

В делокативных предложениях со значением движения локализатор теоретически может быть оформлен показателями одного из двух падежей: исходного или винительного. Количество примеров с показателем исходного падежа *kara* в текстах существенно выше, чем количество примеров, в которых локализатор оформлен показателем винительного падежа *wo*. Возможно, это обусловлено тем, что для исходного падежа функция указания на место (или момент), от которого начинается движение, является основной, в то время как для винительного падежа эта функция вторична.

Типичным примером для делокативного предложения, в котором директив-старт оформлен показателем исходного падежа, может служить следующее предложение:

*[219] 足もとから黄蝶が二羽飛び立った。 [8: 25]
 ashimoto kara kichō ga niwa tobita=tta
 под ногами ABL желтая бабочка NOM_R два взлететь=PST
 ‘Из-под [его] ног выпорхнули две желтые бабочки.’

Ряд глаголов (такие, как *deru* ‘выходить из’, *oriru* ‘спускаться’ или омонимичный ему глагол ‘выходить из транспорта’) требует предпочтительного, но не обязательного оформления локализатора показателем винительного падежа *wo*:

[220] 島村が芸者といっしょに部屋を出た。 [8:25]
 Shimamura ga geisha to issho=ni heya wo
 Симамура NOM_R гейша с вместе=CV комната ACC
de=ta
выходить=PST
 ‘Симамура вышел из комнаты вместе с гейшей.’

Если заменить в данном предложении показатель винительного падежа показателем исходного, смысл предложения не изменится и грамматически такая замена не будет ошибочной. Для сравнения приведем пример делокативной ситуации с тем же глаголом, при котором локализатор оформлен показателем *kara*:

[221] 医者が暗屋から出て来た。 [2: 89]

isha ga kuraya kara de=te ki=ta
 врач NOM_R увеселительное заведение ABL выходить=CV AUX.DIR=PST
 ‘Врач вышел из публичного дома.’

В. М. Алпатов отмечает, что использование в предложении данных послелогов в значении исходной точки связано с моделью управления глагола. В ряде случаев, например при глаголах, которые не являются собственно пространственными (*deru* в значении ‘окончить учебное заведение’), возможно употребление только показателя *wo* [Алпатов 2008, Т. 1: 224].

На сайте изучения японского языка⁵ формулируются также следующие ограничения в употреблении винительного падежа для оформления исходной точки движения:

1) показатель винительного падежа *wo* не может быть использован, когда движение не является волевым актом, совершенным осознанно и с какой-либо целью (‘дым выходит из трубы’);

2) показатель *wo* не может оформлять делокативный локализатор, если предложение включает указание на конечный пункт движения (‘вышел из комнаты в прихожую’);

3) существует тенденция не использовать показатель *wo* в вопросительных предложениях.

В справочнике «Современная грамматика японского языка» отмечается, что винительный падеж не может использоваться с локализатором, содержащим имена пространственной семантики *naka*, *naigawa* со значением ‘внутренняя часть, внутри’. Другими словами, можно построить высказывание ‘выйти из дома’ с винительным падежом, но в следующее предложение включать только локализатор в исходном падеже:

[222] 家の中から出て下さい。 [Gendai... 2011: 70]
 ie no naka kara de=te kudasai
 дом GEN внутренняя часть ABL выходить=CV AUX.IMP
 ‘Выйдите, пожалуйста, из (внутренней части) дома.’

2.3.3.1. Некаузативная делокативная модель движения

$N_{Nom}^{Ag} \text{ LEX}^{DS} \text{ V}^{Mot}$

«перемещение субъекта по направлению от ориентира»

В состав модели входят следующие компоненты: субъект-агенса, делокативный локализатор и некаузативный предикат движения. В качестве пре-

⁵SpaceALC: 日本語; http://home.alc.co.jp/db/owa/jpn_npa?stage=2&sn=221

диката выступают глаголы движения, не осложненные дополнительными компонентами смысла, глаголы с векторным компонентом значения.

В зависимости от семантики локализатора и общего значения глагола мы выделяем два структурно-семантических варианта модели: *дейктический* и *директивный*.

1) Дейктический вариант – «перемещение субъекта по направлению от неопределённого ориентира. Локализатор модели включает указательные местоимения места.

[223] ここからは、私一人で行く。 [СКСПЯ]
koko kara wa watashi hitori de ik=u
здесь ABL TOP я один INSTR уходить=PRS
'Дальше [букв.: от этого места] я пойду один.'

*[224] 自分たちはあそこから来た。 [СКСПЯ]
jibun=tachi wa asoko kara ki=ta
я=PL NOM_T вон там ABL приходить=PST
'Мы пришли оттуда.'

2) Директивный вариант – «перемещение субъекта от определенного пространственного ориентира». Локализатор выражен именем, характеризующим ориентир, а также может включать имя пространственной семантики *hou* 'сторона'.

[225] 少年たちは興奮してしゃべり、おれから離れて行った。 [СКСПЯ]
shōnen=tachi wa kōfunshi=te shaber=i ore kara
мальчики=PL NOM_T быть возбужденным=CV болтать=CV я ABL
hanare=te i=tta
отдаляться=CV AUX.DIR=PST
'Мальчики, оживленно болтая, отошли от меня.'

[226] 山形市の人は東の方から西へ行く。 [СКСПЯ]
Yamagawashi no hito wa higashi no hō kara nishi
Ямагата GEN человек NOM_T восток GEN сторона ABL запад
e ik=u
LAT уходить=PRS
'Жители города Ямагата перебираются из восточной части города в западную.'

2.3.3.2. Каузативная делокативная модель движения

$N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{DS}} V^{\text{Caus-mot}}$

«перемещение объекта движущимся субъектом
по направлению от ориентира»

Модель включает четыре обязательных компонента: субъект-каузатор, объект-каузатив, делокативный локализатор, каузативный предикат движения. Предикат представлен глаголами, описывающими векторные характеристики движения. Субъект представляет лицо, объект может быть как одушевленным, так и неодушевленным. Локализатор некаузативных делокативных моделей движения может быть оформлен только показателем исходного падежа *kara*, поскольку при одном глаголе не могут быть двух разнотипных дополнений в винительном падеже (например, каузируемый объект и делокативный локализатор).

В зависимости от состава и семантики локализатора мы выделяем следующие варианты модели: *дейктический, суперэлативный, инэлативный*.

1) Дейктический вариант – «перемещение объекта из неопределенной точки пространства движущимся субъектом». Локативная группа локализатора формируется указательными местоимениями места.

[227] *ここからみんなを追い出して、閉鎖するつもりだ。* [СКСПЯЯ]
koko kara minna wo oidash=ite heisasu=ru tsumori da
здесь ABL все ACC прогнать=CV закрыть=PRS намерение COP.PRS
'[Я] намерен выгнать всех отсюда и закрыть.'

2) Суперэлативный вариант – «перемещение объекта движущимся субъектом вниз относительно определенного пространственного ориентира».

[228] *船の上からモーターを下ろす。* [СКСПЯЯ]
fune no ue kara mōtā wo oros=u
лодка GEN верх ABL мотор ACC спускать=PRS
'[Он] снял с лодки мотор.'

3) Инэлативный вариант – «перемещение объекта движущимся субъектом из какого-либо замкнутого локума». Локализатор представлен именами, обозначающими замкнутое пространство, в форме исходного падежа.

[229] *修作は自分の部屋からペンライトを持ち出して。* [СКСПЯЯ]
Shūsaku wa jibun no heya kara penraitō wo mochidash=ite
Сюсаку NOM_T сам GEN комната ABL фонарик ACC выносить=CV
'Сюсаку вынес из своей конаты фонарик.'

2.3.3.3. Некаузативная модель удаления

N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Deloc}

«удаление субъекта из / от определенного пространственного ориентира»

В модель входят три обязательных компонента: субъект-агенси, делокативный локализатор, некаузативный предикат движения. Модели удаления базируются на глаголах движения, характеризующих разрыв отношений с локумом.

Семантика локализатора и значение глагольного предиката позволяет выделить следующие структурно-семантические варианты: *инэлативный*, *суперлативный*, *субэлативный*, *постэлативный*.

1) Инэлативный вариант – «удаление субъекта из замкнутого локума». Предложения, построенные по данной модели, могут описывать удаление субъекта из замкнутого пространства и удаление субъекта из сплошной среды:

*[220] 看護婦が病室から出て行く。 [СКСПЯЯ]

kangofu	ga	byōshitsu	kara	de=te	i=ku
медсестра	NOM _R	палата	ABL	выходить=CV	AUX.DIR=PRS

‘Медсестра вышла из комнаты.’

[231] 手術室の中から、他の医師や看護婦が出て来る。 [СКСПЯЯ]

shujutsushitsu	no	naka	kara	hoka	no	ishi	ya
операционная	GEN	внутри	ABL	другой	ATR	врач	и
kangofu	ga	de=te	ku=gu				
медсестра	NOM _R	выходить=CV	AUX.DIR=PRS				

‘Из операционной вышел другой врач с медсестрой.’

[232] 池中から「九頭龍王」が現れる。 [СКСПЯЯ]

chichū	kara	kuzuryūō	ga	araware=gu
внутри пруда	ABL	девятиглавый дракон	NOM _R	появляться=PRS

‘Из пруда появился девятиглавый дракон.’

2) Суперэлативный вариант – «удаление субъекта с поверхности определенного пространственного ориентира». Суперлативные делокативные предложения могут принимать значения удаления объекта с определенного пространственного ориентира как по траектории сверху вниз, так и по вектору снизу вверх:

[233] 子どもがラクダから落ちて重症だという。 [СКСПЯЯ]
 kodomo ga rakuda kara ochi=te jūshō da
 ребенок NOM_R верблюды ABL падать=CV тяжелая болезнь COP.PRS
 to i=u
 COND говорить=PRS
 ‘Говорят, ребенок упал с верблюда и тяжело заболел.’

*[234] 二人は、列車から降りた。 [СКСПЯЯ]
 futari wa ressha kara ori=ta
 двое NOM_T поезд ABL сходить=PST
 ‘[Прибыв на станцию Тадзавако,] эти двое сошли с поезда.’

*[235] ぼくは椅子から立ち上がる。 [СКСПЯЯ]
 boku wa isu kara tachiaga=ru
 я NOM_T стул ABL подниматься=PRS
 ‘Я поднялся со стула [и зашел к нему за спину].’

3) Субэлативный вариант – «удаление субъекта из-под определенного пространственного ориентира». Локализатор данной модели включает имя пространственной семантики *shita* ‘низ’.

[236] 私はテーブルの下から出て、立ち上がった。 [СКСПЯЯ]
 watashi wa tēburu no shita kara de=te
 я NOM_T стол GEN низ ABL выходить=CV
 tachiaga=ta
 подниматься=PST
 ‘Я вылез из-под стола и поднялся на ноги.’

4) Постэлативный вариант – «удаление субъекта из-за определенного пространственного ориентира». Локализатор включает служебное имя *ushiro* ‘позади’.

[237] 後ろからだれかが飛びついてきた。 [СКСПЯЯ]
 ushiro kara dare ka ga tobitsu=ite ki=ta
 позади ABL кто Q NOM_R прыгнуть=CV AUX.DIR=PST
 ‘Кто-то выскочил сзади.’

2.3.3.4. Каузативная модель удаления

$N^{\text{Caus}}_{\text{Nom}} N^{\text{Ob-causv}}_{\text{Acc}} \text{LEX}^{\text{DS}} V^{\text{Caus-deloc}}$

«удаление объекта из определенного пространства субъектом,
локализованным в одном месте»

Модель включает четыре облигаторных компонента: субъект-каузатор, объект-каузатив, делокативный локализатор, каузативный предикат движения. В моделях объектного удаления, в отличие от каузативных делокативных моделей движения, внимание сфокусировано на удалении объекта неподвижным субъектом. В моделях движения субъект перемещается вместе с объектом-каузативом.

Для делокативной модели объектного удаления мы выделили следующие структурно-семантические варианты: *инэлативная*, *суперэлативная*, *субэлативная*.

1) Инэлативный вариант – «удаление объекта из ограниченного локума».

*[238] ベットサイドに置かれたシガレットケースから、タバコを取り出して。 [СКСПЯЯ]

beddosaido ni ok=are=ta shigarettokeisu kara tabako wo
у кровати DAT класть=PASS=PST портсигар ABL сигарета ACC
toridash=ite
доставать=CV

‘Достал из оставленного у кровати портсигара сигарету [и зажег].’

*[239] バッグの中からビデオカメラを取り出し。 [СКСПЯЯ]

baggu no naka kara bideokamera wo toridash=i
сумка GEN внутри ABL камера ACC доставать=CV
‘Достал из сумки камеру [и положил на стол].’

2) Суперэлативный вариант – «удаление объекта с поверхности определенного ориентира».

[240] 梅田と呼ばれた看護師はガラス戸棚から貝殻を取り出した。 [СКСПЯЯ]

Umedato yob=are=ta kangofu wa garasutodana kara
Умэда QUOT называть=PASS=PST медсестра NOM_T стеклянный шкаф ABL
kaigara wo toridash=ita
раковина ACC доставать=PST

‘Медсестра по имени Умэда достала из стеклянного шкафа раковину.’

[241] アレクサンダーはテーブルの上から煙草を取り上げた。 [СКСПЯЯ]

Arekusandā wa teiburu no ue kara tabako wo
 Александр NOM_T стол GEN верх ABL сигарета ACC
 toriage=ta
 поднимать=PST
 ‘Александр поднял со стола сигарету.’

3) Субэлативный вариант – «удаление объекта из-под определенного пространственного ориентира»:

[242] 枕の下から老人は細い手で紙袋を引き出しました。 [СКСПЯ]
 makura no shita kara roujin wa hoso=i te de
 подушка GEN низ ABL старикNOM_T тонкий=PRS рука INSTR
 kamibukuro wo hikidash=imash=ita
 бумажнаясумка ACC вытаскивать=ADR=PST
 ‘Старик худой рукой достал из-под подушки бумажную сумку.’

* * *

Проведенный анализ позволяет заключить, что делокативные модели менее частотно реализуются в японском языке, нежели адлокативные модели. Вероятно, это объясняется коммуникативными причинами: конечный пункт движения является более важным по сравнению с отправным. Отметим также, что высказывания с актуализованными начальной и конечной точкой движения встречаются чаще, нежели собственно делокативные высказывания.

Имена пространственной семантики значительно реже появляются в делокативных моделях, что объясняет малое количество выделенных нами пространственных типов. В Таблице 6 представлены выделенные нами типы делокативных моделей.

Таблица 6

Делокативные модели японского языка

Тип модели	Модели движения		Модели удаления	
	Некаузативная	Каузативная	Некаузативная	Каузативная
дейктический	+	+	–	–
директивный	+	–	–	–
суперэлативный	–	+	+	+
инэлативный	–	+	+	+
субэлативный	–	–	+	+
постэлативный	–	–	+	–

2.3.3.5. Сопоставление делокативных моделей

В японском языке делокативные модели субъектного движения в плане выражения содержат следующие структурные схемы: $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Mot}$ – для некаузативных аналогов, $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DS} V^{Caus-mot}$ – для каузативных. Модели удаления, в свою очередь, описываются следующими структурными схемами: $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Deloc}$ – модель субъектного удаления, $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DS} V^{Caus-deloc}$ – модель объектного удаления. В ненецком В. В. Шилова проводит такое же разбиение делокативных моделей, однако при общем структурном сходстве ненецких и японских моделей, наблюдаются несовпадения в способе оформления локализатора: в ненецком этим целям служит дательный падеж, в японском – исходный и винительный [Шилова 2003, Ч. 2: 128–140]:

Сэхэрэхэд лэхара.

сэхэрэ=хэд лэхара=Ø
 дорога=ABL/Sg отойти=SUBJ/3Sg
 ‘Он отошел в сторону с дороги.’

Пы’та сумкахат книгаг нэ’каля.

пы’та сумка=хат книга=м нэ’каля
 он сумка=ABL/Sg книга=ACC/Sg вытащить=SUBJ/3Sg
 ‘Он вытащил книгу из сумки.’

В шорском языке модели канонической некаузативной и каузативной делокативности представлены структурными схемами $\{N1 N6V_{fin}\}$ и $\{N1 N1/4 N6 V_{fin}\}$ соответственно: а) *ТУРАДАҢ ТУРДЫ* ‘Из-за стола встал’; б) *ОЛАҚПА ҚЫСЧАҚТЫ оңнуг солуг ИЗЕНЕДЕҢ ШУРУП АЛДЫ* ‘Мальчика и девочку из правого и левого стремени вынул’. Неканонические делокативные конструкции шорского языка представлены единственной моделью ЭПП делокативности с локализатором-объектом ситуации $\{N1 N1/4^{Lok} N6 V_{fin}^{Olok}\}$. Локализуемый объект в таких предложениях включен в основу глагола, а локализатор занимает объектную позицию.

Так же, как и для адлокативных конструкций, глаголы физического и умственного восприятия (*кор* ‘смотреть’, *нил* ‘узнать’ и др.) формируют в шорском языке делокативные ЭПП со значением восприятия $\{N1 N6 N1/4 V_{fin}^{perception}\}$. Локализатор в исходном падеже в них обозначает источник восприятия. По сути, данная модель дублирует по структуре модель каузативной делокативности, однако отличается от нее по типовой семантике [Невская 2005: 193–194].

При построении подобного ЭПП в японском языке локализатор-источник восприятия также мог бы быть оформлен показателем дательного падежа, который в данной функции равноправен с исходным.

В тувинском языке некаузативные делокативные ЭПП строятся по модели {Ni N6 V^{lok}} с участием предикатов *ыра*= ‘удалиться’, *тур*= ‘вставить’, *ун*= ‘выходить’ и др. Каузативные модели {Ni N1/4 N6 V^{caus}} формируются на базе предиката каузации *ужул*= ‘вынимать’ [Сагаан 1998].

Е. Г. Самойлова, рассматривая гипермодель движения, приводит глагольный предикат *ю*= ‘выйти, выехать’, который может сочетаться с директивом-стартом. На базе данного предиката конструируется модель N^S N^{DS}_{ABL} V^{Mot}_f:

Амарча юмэлчечен дюдук дюлакин.

Амарча	ю=мэлчэ=чэ=н	дю=дук	дюлакин
Амарча	выходть=PUNC=PAST=3Sg	чум=ABL	босиком

‘Амарча выскочил из чума босиком.’

Основным средством маркирования позиции директива-старта в эвенкийском языке является отложительный падеж, указывающий на точку начала движения, однако также имеется незначительное количество примеров с исходным падежом, который маркирует «направление, со стороны которого, как представляется говорящему, совершается движение» [Самойлова 2002: 96–97]:

Городу урэдук эмэчэс?

городу	урэ=дук	эмэ=чэ=с
давно	гора=ABL	приехать=PAST=2Sg

‘Давно ты с горы приехал?’

Экун урэгит хуктыдерэн?

экун=Ø	урэ=гит	хукты=дэ=рэ=н
кто=NOM	гора=ELAT	бежать=IMPF=PR=3Sg

‘Кто со стороны горы бежит?’

Таким образом, в рассматриваемых языках наблюдается весьма незначительное количество делокативных моделей и их семантических вариантов в сравнении с адлокативными. Вероятно, коммуникативная необходимость отражать в речи начальную точку движения мала вне зависимости от языка.

Однако мы выделяем специфическую черту японского языка в плане оформления делокативного локализатора в некаузативных моделях. Начальную точку движения или локум, с которым происходит разрыв отношений, оформляет не только исходный падеж (как в шорском, эвенкийском, хакас-

ском или тувинском), но и *винительный*, что весьма специфично. В отличие от исходного падежа, винительный в японском языке указывает на то, что движение осуществляется осознанно и с какой-либо целью, однако сфера его употребления узка, поскольку существуют множественные ограничения на оформление локализатора данным показателем.

2.3.4. Транслокативная модель

N^{Ag}_{Nom} **LEX**^{Trloc} V^{Trloc}

«перемещение субъекта по некоторому локуму – трассе движения»

В состав моделей входят три обязательных компонента: субъект-агенса, транслокативный локализатор, некаузативный предикат движения. Субъект, как правило, представлен одушевленным лицом; в качестве предиката используются глаголы ненаправленного движения. Локативная именная группа может включать имена предметной и пространственной семантики, а также указательные местоимения места, оформленные показателем винительного падежа *wo*.

Особенностью транслокативных моделей японского языка является отсутствие каузативного варианта. Это связано с тем, что в японском языке переходные глаголы не могут одновременно присоединять два прямых дополнения разного типа, в данном случае объект локализации и транслокативный локализатор [Harada 1973; Poser 2002]. Соответственно, для описания перемещения объекта по трассе используются исключительно полипредикативные конструкции.

[243] 女の子を抱いて小川を渡る。 [Русско-японский словарь Кэнкюся]

onna	no	ko	wo	da=ite	ogawa	wo
женщина	GEN	ребенок	ACC	держат на руках=CV	ручей	ACC
wata=ru						
пересекать=PRS						

‘Перейти ручей, держа девочку на руках.’

Также транслокативные модели японского языка включают в себя модели ориентированного движения, выделяемые для языков коренных народов Сибири. Например, предложение со значением полного охвата пространства (‘исходить / изъездить’) выглядит следующим образом:

[244] 友だちと近くの林を歩き回り。 [СКСПЯЯ]

tomodachi	to	chika=ku	no	hayashi	wo	arukimawar=i
друг	с	близкий=CV	GEN	лес	ACC	обойти=CV

‘Обошли с друзьями весь ближайший лес’

Охват пространства описывается вторым компонентом глагольного предиката =*tawaru*, который имеет значение кругового движения в рамках какого-либо локума. Таким образом, транслокативный локализатор характеризует не только трассу движения, но и пространственный ориентир, с которым связывается движение. У нас недостаточно формальных признаков, по которым можно было бы выделить отдельные подклассы моделей ориентированного движения, и мы рассматриваем данные конструкции как семантические разновидности транслокативных моделей.

Типовая семантика транслокативных моделей задается значением глаголов, участвующих в образовании ЭПП. Наиболее характерными, базовыми для этого класса моделей являются глаголы *aruku* ‘идти пешком’, *hashiru* ‘бежать, ехать (о транспорте)’, *tooru* ‘идти, проходить’, *wataru* ‘переходить, переезжать’, *tawaru* ‘обходить, объезжать’.

В зависимости от семантики локализатора мы выделяем четыре структурно-семантических типа транслокативных моделей: *дейктический*, *суперпролативный*, *апудпролативный* и *инпролативный*.

1) Дейктический вариант – «перемещение субъекта по неопределённой трассе движения».

*[245] たまたま、村の旅館に泊った客が、ここを通っていた。 [СКСПКЯЯ]
 tamatama mura no ryokan ni toma=tta kyaku
 изредка деревня GEN гостиница DAT останавливаться=CV турист
 ga koko wo too=tte i=ta
 NOM_R здесь ACC проходить=CV AUX.PRG=PST
 ‘Изредка здесь проходили постояльцы деревенской гостиницы.’

2) Суперпролативный вариант – «перемещение субъекта по поверхности некоторого локума».

*[246] トラはけもの道を通して自分のなわばりをパトロールする。 [СКСПЯЯ]
 tora wa kemono michi wo too=tte
 тигр NOM_T зверь дорога ACC проходить=CV
 ‘Тигр бродит по звериным тропам.’

Проанализированные нами примеры для данного типа моделей в большинстве своем не содержат служебного имени *ue*, тем не менее мы считаем нужным привести пример с соответствующим составом локализатора:

[247] 橋の上を、肥桶を積んだ荷馬車が通る。 [СКСПЯЯ]
 hashi no ue wo koeoke wo tsu=nda
 мост GEN **верх** ACC бочка для нечистот ACC нагружать=PST
 nibasha ga too=ru

подвода NOM_R проходить=PRS

‘По мосту проезжает подвода, груженная бочками с нечистотами.’

3) Апудпролативный вариант – «перемещение субъекта по трассе, пролегающей рядом с пространственным ориентиром».

*[248] 木のすぐそばを人間が歩いて。 [СКСПЯЯ]

ki no sugu **soba** wo ningen ga aru=ite
деревоGEN сразу **рядом** ACC люди NOM_R идти пешком=CV

‘Непосредственно рядом с деревом проходят люди.’

*[249] 北坂は、車の横を歩いていった。 [СКСПЯЯ]

Kitasaka wa kuruma no **yoko** wo aru=ite i=tta
Китасака NOM_T машина GEN **сбоку** ACC идти пешком=CV AUX.DIR=PST

‘Китасака прошел рядом с машиной.’

[250] 私の左隣を山田みつ子が通りすぎた。 [СКСПЯЯ]

watashi no **hidaridonari** wo Yamada Mitsuko ga
я GEN **слева сбоку** ACC Ямада Мицуко NOM_R

toorisugi=ta

пройти мимо=PST

‘Слева от меня прошла Мицуко Ямада.’

4) Инпролативный вариант – «перемещение субъекта внутри ограниченного пространственного ориентира». Локативная именная группа выражается именем, характеризующим замкнутое пространство или сплошную среду, в которых совершается движение.

*[251] 暗い多摩川にそった道を歩いている。 [СКСПЯЯ]

kura=i Tamagawa ni so=tta **michi** **wo**
темный=PRS река Тама DAT следовать вдоль=PST **дорога** **ACC**

aru=ite i=ru
идти пешком=CV AUX.PRG=PRS

‘[Я] иду по дороге, что тянется вдоль реки Тама’

*[252] 林の中を、馬が通って行く。 [СКСПЯЯ]

hayashi no naka wo uma ga too=tte i=ku
лес GEN внутри ACC лошадь NOM_R идти=CV AUX.DIR=PRS

‘По лесу идут лошади.’

2.3.4.1. Семантическое варьирование транслокативной модели

В собранных нами примерах встретилось большое количество предложений со сложными двухкомпонентными глаголами, конкретизирующими способ и траекторию движения: *fumikoeru* ‘перешагивать’, *norikoeru* ‘перелезть’, *arukimawaru* ‘обходить’, *hasirimawaru* ‘объезжать’ и др. Семантика данных глагольных лексем позволяет в конечном итоге выделить семантические варианты, которые характеризуют движение, ориентированное относительно некоторого пространственного ориентира. На основе лексического значения глаголов в отобранных нами примерах мы выделяем следующие варианты.

1. Вариант со значением преодоления определенного пространства, формируемый на базе таких глаголов движения, как *wataru* ‘переходить, переезжать, пересекать’, *yokogiru* ‘переходить, пересекать’, *koeru* ‘переходить, переезжать’, *fumikoeru* ‘перешагивать’, *norikoeru* ‘перелезть’ и др.

*[253] 私たちはりっぱな橋を渡って。 [СКСПЯ]
watashi=tachi wa rippa=na hashi wo wata=tte
я=PL NOM_T прекрасный=ATR мост ACC переходить=CV
‘Мы перешли прекрасный мост.’

Ключевой для данной группы моделей глагол *wataru* ‘перейти, переехать, пересечь’ может также отражать движение, совершаемое в рамках ограниченного пространства, как в следующем примере:

*[254] 鷺鳥が雁たちとともに空を渡って行く。 [СКСПЯ]
gachō ga kari=tachi totomo=ni sora wo wata=tte
гусь NOM_R дикий гусь=PL вместе=ADV небо ACC пересечь=CV
i=ku
AUX.DIR=PRS
‘Гусь летит по небу вместе с другими гусями.’

Данный пример скорее можно отнести к инпрлативным моделям, нежели к моделям, описывающим преодоление пространственного ориентира. Это наглядный пример гибкости глагольных лексем в японском языке, их широкой сочетаемости.

2. Вариант со значением полного охвата пространства, в котором употребляются глагол *mawaru* ‘обойти, объехать’ и сложные двусоставные глаголы, в которые входит компонент *mawaru*: *arukimawaru* ‘обойти пешком’, *hasirimawaru* ‘объехать, оббегать’, *tobimawaru* ‘оббегать, обрыскать’ и др.

*[255] 周辺の観光地を回る。[СКСПЯЯ]

shūhen no kankōchi wo mawa=ru
окрестности GEN достопримечательности ACC обойти=PRS
‘[Мы] обойдем все окрестные достопримечательности.’

[256] 彼女は目を三角にして部屋の中を歩きまわった。[СКСПЯЯ]

kanojo wa me wo sankaku ni shi=te heya no
она NOM_R глаз ACC треугольник DAT делать=CV комната GEN
naka wo arukimawa=tta
внутри ACC расхаживать по=PST
‘Она расхаживала по комнате с сердитым видом.’

Глаголы, участвующие в формировании ЭПП данного типа, используются также для характеристики движения, происходящего по дуговой траектории: выражения ‘обойти дом’ и ‘обойти дом вокруг’ строятся на базе одного предиката. Это означает, что, в отличие от тюркских языков, японский менее чувствителен к особенностям транслокативного движения.

* * *

Транслокативные ЭПП допускают меньше вариантов семантических типов по сравнению с другими классами моделей движения, у них отсутствует также каузативный вариант. В японском языке не так много глагольных лексем, участвующих в образовании транслокативных предложений. Эти факты позволяют заключить, что в целом собственно транслокативные ЭПП (описывающие движение по трассе) в значительно меньшей степени характерны для японского языка, нежели адлокативные и даже делокативные высказывания. При необходимости описать перемещение объекта по трассе либо ориентированное движение со специфическими характеристиками в японском языке используются основосложные глаголы или полипредикативные конструкции. Однако транслокативные конструкции во всех описанных в данном разделе значениях частотно фигурируют в составе сложных предложений и полипредикативных высказываний.

2.3.5. Сопоставление транслокативных моделей

Типовая семантика транслокативных моделей – «перемещение субъекта по некоторому локуму – трассе движения». Как правило, в пространственных системах языков разных типов выделяются некаузативные и каузативные модели движения по трассе. Однако в японском языке существует толь-

ко некаузативный вариант модели транслокации: $N^{Ag}_{Nom} LEX^{Trloc} V^{Trloc}$. Еще одной характерной особенностью японского языка является оформление транслокатива показателем винительного падежа, что мало характерно для урало-алтайских языков: так, в хакасском и тувинском языках эту функцию выполняют продольный (продольно-направительный) и исходный падежи, в ненецком и эвенкийском – продольный, в шорском – направительный, орудный (для обозначения преодолеваемого пространства может использоваться также винительный) [Невская 2005; Самойлова 2002; Хертек 2008; Шилова 2003; Чугунекова 2013в, 2014].

А. Б. Хертек указывает, что в тувинском и хакасском языках трасса может быть выражена исходным падежом, если она представляет собой преграду или пространство минимальной протяженности. С другой стороны, трасса как вектор направления движения и как обширное пространство в тувинском языке сопровождается послелогом *-биле*, а в хакасском языке ее маркирует продольный падеж. Тувинский язык: *Дунелерде ында-мында ойбак-дежик=тер=ден* (отверстие=PL=ABL) *оорларкир=ип* (входить=CV₁)... ‘По ночам воры, войдя через отверстия здесь и там...’; хакасский язык: *Хачаң-да школаа ну чол=ча* (дорога=PROL) *чөр=че=міс* (ходить=PAST₂=1Pl) ‘Когда-то в школу мы ходили по этой дороге’ [Хертек 2008: 17].

В шорском языке некаузативные и каузативные транслокативные ЭПП строятся по моделям $\{N1 N7 V_{fin}\}$ и $\{N1 N4/1 N7V_{fin}\}$ соответственно. В формировании некаузативных транслокативных моделей участвуют предикаты неопределенного, неориентированного движения, которые соотносятся только с семантикой трассы: *ПЫЛАР ТАГБА ЧӨРЧАБЫС, анкуштарды одурчабыс* ‘Они по горам ходят, зверей-птиц добывают’. Транслокативные ЭПП предполагают наличие только одного локализатора без указания на начальную или конечную точку движения: *ТҮЛГҮЧЕК ҚОЗАННЫ АҒАШ АРАЗЫБА ҚАЧЫРДЫ* ‘Лисичка гоняла зайца по лесу’.

Неканонические конструкции транслокации представлены четырьмя моделями, в которых глагольный предикат инкорпорирует то или иное дополнительно значение (напр., опорного локума). Нас особенно заинтересовали следующие две модели:

1) $\{N1^{Olok} N1/4^{Lok} V_{fin}\}$ – модель транслокативного ЭПП с локализатором – объектом ситуации. Данная конструкция используется для описания преодоления пространств глаголами без компонента опорного локума (напр. *пар* ‘идти’, *чөр* ‘ходить’, *кеш* ‘пересечь’ и др.): *Ол позага алтабысты* ‘Он переступил через порог’;

2) $\{N1^{Olok} N6^{Lok} V_{fin}\}$ – модель транслокативного ЭПП со значением полного преодоления пространства. Глаголы, участвующие в подобных ЭПП,

Тэваси пыдара' помна санэрца.

тэва=си=Ø пыдара=' помна санэ=р=на=Ø
хвост=DPRV=NOM/Sg лес=GEN/Sg между прыгать=M=на=SUBG/3Sg
'Заяц прыгает по лесу.'

Модель локализуемого движения $N^S \text{ Tr-Loc } V^{\text{Mot}}_f$ рассматривается и в работе Е. Г. Самойловой [Самойлова 2002: 88–90]. Глаголы, формирующие подобные высказывания, выступают в форме многократного или несовершенного вида, например *туксакта* 'бегать', *гиркукта* 'ходить' и др. Отмечается, что при данных предикатах возможен только один локализатор. Это сближает данную модель с конструкциями местонахождения. С другой стороны, локализатор обладает транслокативной семантикой, вследствие чего оформляется продольным падежом:

Гиркудячан хэпэтэ тали хойдули [тадук деврэн оровов].

гирку=дя=ча=н хэпэтэ=Ø та=ли хой=дули
ходить=IMPF=PAST=3Sg медведь=NOM тот=PROL болото=PROL
'Медведь по тому болоту ходил, [потом съел моих оленей].'

Для хакасского языка А. Н. Чугунекова также выделяет класс моделей локализуемого движения со структурной схемой $N_1 \text{ Loc}^{\text{Stat}} V_{\text{дв}}$. Локализатор в данных моделях оформляется местным падежом и обозначает локум, в рамках которого осуществляется движение. В роли предиката в предложении в основном выступает глагол *чөр* в значении 'двигаться, ходить, ездить где-либо', который также может играть роль вспомогательного, придающего действию основного глагола значение разнонаправленности движения (ср. *учух* 'лететь' – *учух чөр* 'летать'; *чыл* 'ползти' – *чыл чөр* 'ползать' и др.). Кроме указанного глагола, в модели частотно фигурируют глаголы ненаправленного движения типа *хайын* 'ходить, бродить': *Чохырах чазы=да чөрче, Айдоның ізестіг нанчызы* 'Чохырах ходит по полю, надежный друг Айдо' [Чугунекова 2015: 157].

В японском языке выделение подобного класса моделей затруднено по ряду причин. Во-первых, статический локализатор в японском языке может быть оформлен либо дательным, либо творительным падежом, но дательный падеж при глаголах движения автоматически расценивается как указание на направление движения. Творительный же падеж призван маркировать место действия, а не движения. Справочник по японской грамматике, приводя пример с глаголом *оуоги* 'плавать', также трактует предложения типа 'плавать в море' как высказывания с семантикой действия [Gendai... 2011: 69–70]. Во-вторых, существует не так много японских глаголов, которые хотя

бы теоретически могли присоединять локализатор в творительном падеже: среди них уже названный *oyogu* ‘плавать’, а также *aruku* ‘идти пешком’, *tobu* ‘летать’ и некоторые другие. Носители языка, которым были предложены высказывания, построенные с локализатором в творительном падеже, охарактеризовали их как неестественные. Таким образом, можно заключить, что в японском языке модель локализуемого движения не может быть выделена, поскольку данный вид топологических отношений покрывается транслокативной моделью. Это в равной степени относится и к полному охвату пространства, движению по дуге и проч., выделяемым для урало-алтайских языков.

Итак, по сравнению с урало-алтайскими языками, японский язык располагает более многозначной транслокативной моделью, которая, кроме движения по некоторому вектору, характеризует также локализованное и ориентированное движение. Так, мы выделили варианты транслокативных моделей японского языка со значением преодоления пространства и полного охвата пространства. При этом последняя включает в себя также ЭПП, описывающие движение по дуге, выделяемые В. В. Шиловой для ненецкого языка. Не менее специфичным является способ выражения транслокативного локализатора, который включает в свой состав исключительно показатель винительного падежа, не допуская никаких вариаций. Данный факт обуславливает еще одно значимое отличие японских транслокативных предложений: невозможность каузативного варианта.

Выводы

При всем разнообразии и неоднородности семантических, структурных и структурно-семантических вариантов динамических моделей ЭПП, урало-алтайские и японский языки имеют много общих черт. Отвлекаясь от выделяемых исследователями частных семантических реализаций моделей движения, мы можем заключить, что основное расхождение сопоставляемых моделей заключается в падежном оформлении локализатора, которое, будучи включенным в модель управления глагола, накладывает определенные ограничения на реализацию участников модели.

Коротко перечислим основные различия сравниваемых систем.

1) Японский глагол включает в свой состав модель управления актантными участниками, прежде всего – локализатором, что, вероятно, и приводит к расхождениям с алтайскими языками.

2) Незначительные расхождения в падежном маркировании *локатива*, *директива-старта* и *директива-финиша* (например, в японском языке: характерное оформление винительным падежом исходной точки или существо-

вание показателя предельного падежа в значении конечной точки движения) перекрываются значительными различиями в форме *транслокатива*. По всей вероятности, жесткая однозначность в оформлении трассы как ориентира винительным падежом приводит к включению в список транслокативных моделей всех специфических типов движения.

3) Характерные различия наблюдаются в построении бытийно-локативных моделей: в японском языке практически нет именных моделей бытия / наличия или количественного существования / обладания, в то время как в алтайских и уральских языках используются именные предикаты. В шорском, например, именные модели образуют более пространную сеть варьирования.

4) Наблюдаются незначительные расхождения в расположении актантных участников локативной модели, а также оформлении актантов модели обладания.

5) Было осуществлено более мелкое дробление значений адлокации и делокации для японского, ненецкого и эвенкийского языков, что, однако, не отменяет общего сходства адлокативных и делокативных моделей.

6) Значительные расхождения выявлены в структурном составе и семантическом наполнении транслокативных моделей. В отличие от всех алтайских и от ненецкого языка, японский не образует моделей каузативной локации. Также в японском языке не выделяются модели ориентированного и локализованного движения.

Заключение

Проведенное исследование показало, что бытийно-пространственные модели ЭПП в японском языке являются носителем пространственной семантики. Изучение принципов организации и принципов структурно-семантического варьирования данных моделей, а также сопоставление их с пространственными моделями алтайских языков позволяет сделать следующие выводы.

1. Для японского языка мы выделяем статические *бытийно-локативные* модели и модели *обладания*, а также динамические модели *движения*. Бытийно-локативные модели распадаются на собственно *бытийные* и *локативные*. Модели ЭПП со значением движения разделяются на *адлокативные*, *делокативные* и *транслокативные*. Модели существования и обладания образуют *количественный* вариант с дополнительным компонентом числа бытующих субъектов. Для локативных моделей и моделей движения выделяются *каузативные* аналоги с дополнительным компонентом каузируемого объекта. Частные структурно-семантические варианты моделей образуют сложную систему иерархии пространственных моделей ЭПП японского языка.

2. Глагольный предикат является главным компонентом и организующим центром для всех классов пространственных моделей ЭПП японского языка, будучи основным средством выражения пространственных отношений. Это также подтверждается тем фактом, что за одним исключением мы не выделяем именных моделей. Данная избирательность в отношении способа заполнения позиции предиката противопоставляет японский язык алтайским, в которых наблюдается развитая система бытийных и локативных именных моделей.

3. Для выделения и разграничения моделей недостаточно только семантики глагольного предиката. Кроме глаголов, типовую семантику моделей задает способ выражения обязательного участника пространственных моделей – актанта-локализатора. В японском языке локативная именная группа может включать в себя имена существительные, местоимения, указательные местоимения места, а также наречную форму прилагательных со значением ‘близко’, ‘далеко’. За выражение частных топологических значений в японском языке отвечает класс полужнаменательных имен пространственной семантики. В алтайских языках для выражения данного типа значений, кроме служебных и полуслужебных имен, используются послелого, послелого-аффиксы, послелого-наречия и пространственные наречия места, которых нет в японском языке.

4. Еще одним значимым средством выражения пространственных отношений выступают аффиксы (в ненецком и алтайских языках) и послелогои (в японском языке) пространственных падежей, которые выполняют роль реляторов в составе локализатора. При этом во всех рассмотренных языках отношения локации также могут выражаться не собственно пространственными падежами.

5. Пространственные модели сопоставляемых языков демонстрируют явное типологическое и структурное сходство, проявляющееся в количестве, способе выражения и порядке следования участников модели; способе падежного маркирования локализатора, сопоставимом наполнении ЛСГ глагольных предикатов, задающих семантику классов моделей и их более мелких структурно-семантических типов; выделении примерно совпадающих по содержанию классов и семантических вариантов моделей; сходной организации и иерархии системы пространственных моделей ЭПП.

Существуют также многочисленные мелкие схождения в рассматриваемых речевых реализациях пространственных моделей ЭПП, например, чувствительность бытийных и позиционных предикатов к категории одушевленности / неодушевленности субъекта; узкая сфера значений неконических падежных форм локализатора; тесная связь моделей обладания с собственно бытийными моделями и др.

6. Наряду с общим сходством способов выражения пространства и систем пространственных моделей в целом, а также сопоставимости выделяемых классов и подклассов моделей в частности, между японским и алтайскими языками существует также ряд значимых отличий.

Были выявлены расхождения в падежном маркировании локатива, *директива-старта* и *директива-финиша* (например, в японском языке: характерное оформление винительным падежом исходной точки или существование показателя предельного падежа в значении конечной точки движения) перекрываются существенными различиями в форме *транслокатива*.

Значительные расхождения выявлены в структурном составе и семантическом наполнении транслокативных моделей. В отличие от алтайских и от ненецкого языка, японский не образует моделей каузативной локации.

В японском языке также не могут быть выделены отдельные классы моделей *ориентированного* и *локализуемого* движения. По всей вероятности, жесткая однозначность в оформлении трассы как ориентира винительным падежом приводит к включению в список транслокативных моделей специфических типов ориентированного движения.

Данные частные расхождения не противоречат, однако, общему типологическому сходству бытийно-пространственных моделей. Ведь в основном строевые и лексические способы выражения пространственных отношений,

количество предметных участников и их взаимное расположение, иерархическая организация моделей, выделяемые сходные семантические и структурные варианты свидетельствуют о значительной близости японского языка к алтайским.

Список использованной литературы

1. Адамец П.К. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966. 98 с.
2. Адамец П.К. вопросу о синтаксической парадигматике // Языкознание в Чехословакии: Сб. статей, 1956–1974 / Под ред. Г. А. Широковой. М., 1978. С. 202–215.
3. Актуализация предложения. Т. 2. Синтаксические модели и их варианты. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997. 176 с.
4. Алпатов В.М. Структура грамматических единиц в современном японском языке. М.: Наука, 1979. 149 с.
5. Алпатов В. М., Изучение японского языка в России и СССР. М.: Наука, 1988. 189 с.
6. Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлеская В.И. Теоретическая грамматика японского языка. В 2-х тт. М.: Наталис, 2008.
7. Алпатов В.М., Басс И.И., Фомин А.И. Японское языкознание VII–XIX вв. // История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л.: Наука, 1981. С. 262–299.
8. Алпатов В.М., Подлеская В.И. Условные конструкции в японском языке // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 536–548.
9. Антонова И. А. К вопросу о синтаксической парадигматике. Парадигма предложений со значением эмоционального состояния / отношения в русском языке // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2001. Вып. 19. С. 78–86. http://www.philol.msu.ru/slavphil/books/jsk_19.pdf.
10. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Выпуск 28. М., 1986. С. 5–33.
11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1976. 383 с.
12. Арутюнова Н.Д. Предикат // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990а. 392 с.
13. Арутюнова Н.Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990б. 401 с.
14. Арутюнова Н.Д., Левонтина И. Б. (Ред.) Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. 448 с.
15. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. 198 с.
16. Бабенко Л.Г. Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений // Лексико-семантические группы русских глаголов. Под ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1988. С. 92–113.

17. Бабенко Л.Г. Семантические модели русских глагольных предложений: концепция, структура и основные лексикографические параметры // Экспериментальный синтаксический словарь. Екатеринбург, 1998. С. 8–34.
18. Байжанова Н.Р. Модели элементарных простых предложений в алтайском языке. Структурная схема N_1-V_f . Новосибирск: Наука, 2004. 176 с.
19. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977. 248 с.
20. Белошапкова В.А. Минимальные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1978. № 5. С. 55–59
21. Белошапкова В.А. Расширенные структурные схемы русского предложения // Русский язык за рубежом. 1979. №5. С. 63–68.
22. Белошапкова В.А. Современный русский язык. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
23. Белошапкова В. А., Менькова Н. В. Пропозитивная семантика сложного предложения (количественный аспект) // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995. С. 53–62.
24. Белошапкова В.А., Шмелева Т.В. Деривационная парадигма предложения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1981. № 2. С. 43–51.
25. Белошапкова Т.В. Аспектуальная парадигма простого предложения // Традиционное и новое в русской грамматике: Сб. ст. памяти Веры Арсеньевны Белошапковой. Сост. Т. В. Белошапкова, Т. В. Шмелева. М.: ИНДРИК, 2001. С. 20–29.
26. Вардуль И.Ф. Очерки потенциального синтаксиса японского языка. М.: Наука, 1964. 148 с.
27. Вовин А.В. Происхождение японского языка и японского народа // Япония 1989. М., 1991. С. 225–233
28. Всеволодова М.В. Функционально-семантический синтаксис. Рабочая тетрадь. М.: МГУ, 1995. 112 с.
29. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. М.: МГУ, 2000. 502 с.
30. Всеволодова М.В., Владимирский Е.Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М., 1982. 288 с.
31. Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений. М., 1997. 176 с.
32. Всеволодова М.В., Шуфень Г.О. Классы моделей русского простого предложения и их типовых значений. Модели русских предложений со

- статальными предикатами и их речевые реализации (в зеркале китайского языка). М., 1999. 168 с.
33. Гак В.Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1973. С. 349–373.
 34. Гак В.Г. О контрастивной лингвистике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. М., 1989. С. 5–17.
 35. Головнин И.В. Введение в синтаксис современного японского языка. М.: МГУ, 1979. 376 с.
 36. Головнин И.В. Грамматика современного японского языка. М.: МГУ, 1986. 316 с.
 37. Грабе В. Общее значение синтаксической конструкции и трансформация // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
 38. Грамматика 1954: Грамматика русского языка / Под ред. В. В. Виноградова и др.; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2: Синтаксис. Ч. 1. 703 с.
 39. Грамматика 1970: Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970. 767 с.
 40. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 37–298.
 41. Зимек Р. Семантический аспект синтаксической трансформации // *Československá rusistika*, XI. 1966. № 2.
 42. Золотова Г.А. О структуре простого предложения в русском языке // Вопросы языкознания. М., 1967. №6. С. 67–78.
 43. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. 351 с.
 44. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. Изд. 4-е, испр. М., 2006 (1982). 368 с.
 45. Золотова Г.А. О принципах классификации простого предложения // Актуальные проблемы русского синтаксиса. М., 1984. С. 14–35.
 46. Золотова Г.А. О связанных моделях русского предложения // Облик слова. М., 1997. С. 148–154.
 47. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова Н. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка, 1998.
 48. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988. 311 с.
 49. Киэда М. Грамматика японского языка. Т. 1. М., 2001. 674 с.
 50. Киэда М. Грамматика японского языка. Т. 2. М., 2002. 264 с.
 51. Колосова Т.А., Черемисина М.И. О терминах и понятиях описания семантики синтаксических единиц // Синтаксическая и лексическая семантика. Новосибирск: Наука, 1986. С. 10–32.

52. Колосова Т.А., Черемисина М.И. К проблеме моделирования предложений наличия / отсутствия в русском языке // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспектах: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 3–9
53. Колпакчи Е.М. Строй японского языка. Л., 1936. 33 с.
54. Колпакчи Е. М. Очерки по истории японского языка. Т. 1. Морфология глагола. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 236 с.
55. Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937. 375 с.
56. Конрад Н.И. О «языковом существовании» // Японский лингвистический сборник. М., 1959. С. 5–16.
57. Кошкарёва Н.Б. Пропозиция и модель (на примере предложений перемещения в уральских и тунгусо-маньчжурских языках Сибири) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. Новосибирск, 2004. № 4. С. 70–81.
58. Кошкарёва Н.Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений: на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. Новосибирск: Ин-т филологии СО РАН, 2005. С. 74–119.
59. Кошкарёва Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Новосибирск, 2006. Том 4. Вып. 2. С. 64–76.
60. Кошкарёва Н.Б. Синтаксис современного русского языка: материалы к лекциям. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2010.
61. Кутафьева Н.В. Японский язык. Структура научно-технических текстов. Новосибирск: НГУ, 2006. 188 с.
62. Лаврентьев Б.П. Практическая грамматика японского языка. М.: Живой язык, 2002. 352 с.
63. Ломтев Т.П. Основы синтаксиса современного русского языка М.: Учпедгиз, 1958. 166 с.
64. Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения // Филол. науки. 1969. № 5. С. 56–68.
65. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во МГУ, 1972. 199 с.
66. Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М.: Наука, 1976. 354 с.
67. Ломтев Т.П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979. 198 с.

68. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
69. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. Т. 2. 544 с.
70. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. М., 2006. 512 с.
71. Неверов С.И. Об истоках теории «языкового существования» // Историко-филологические исследования. М., 1967. С. 120–124.
72. Невская И.А. Типология локативных конструкций в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка): Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1997.
73. Невская И.А. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск, 2005. 305 с.
74. Падучева Е.В. О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 99–113.
75. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1974. С. 164–168.
76. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996. 480 с.
77. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянских культур, 2004. 608 с.
78. Плетнер О.В., Поливанов Е.Д. Грамматика японского разговорного языка. М.: Ин-т востоковедения, 1930. 190 с.
79. Плунгян В.А. (Ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. 339 с.
80. Плунгян В.А. О (бес)конечности языка // Русский Журнал, 22.10.1999. [Электронный ресурс] http://old.russ.ru/krug/19991022_plun.html (дата обращения: 29.04.2011).
81. Подлеская В.И. Вопросы лексической и синтаксической семантики. Анафора в современном японском языке. М.: Наука, 1990. 135 с.
82. Подлеская В.И. Сложное предложение в современном японском языке: материалы к типологии предикативности. М.: Институт востоковедения РАН, 1993. 164 с.
83. Поливанов Е.Д. Японский язык // БСЭ. М., 1931. Т. 65. С. 730–736.
84. Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание: Морфология. (Пер. с нем.) М., 1957. 254 с.
85. Рона-Таш А. Общее наследие или заимствование? // Вопросы языкознания. Вып. 2. М., 1974. С. 31–46.
86. Русская грамматика. Т. 1. Praha, 1979.

87. Русская грамматика. В 2-х тт. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
88. Сагаан Н.Я. Система средств выражения пространственных отношений в тувинском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.
89. Самойлова Е.Г. Бытийно-пространственные модели элементарного простого предложения в эвенкийском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 67–114.
90. Сафина Г.П. Практическая грамматика японского языка. Владивосток: ДВГМА, 2000. 114 с.
91. Седельников Е. А. Структура простого предложения с точки зрения синтагматических и парадигматических отношений // Филол. науки. 1961. № 3. С. 66–77.
92. Серээдар Н.Ч. Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995.
93. Серээдар Н.Ч., Скрибник Е.К., Черемисина М.И. Структурно-семантическая организация предложений наличия, локализации, количества и отсутствия в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск: НГУ, 1996. 82 с.
94. Симонова Е.В. Наречия в современном японском языке: Учебное пособие / Новосиб. гос. ун-т; Тр. гуманитар. фак. Новосибирск, 2002. 138 с.
95. Смирницкий А.И. Об особенностях изучения направления движения в отдельных языках // Иностранные языки в школе. № 12. 1953. С. 3–12.
96. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М., 1957. 284 с.
97. СРЯ: Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 1997. 926 с.
98. Старостин С.А. Алтайская проблема и происхождение японского языка. М., 1991. 298 с.
99. Сыромятников Н.А. Система фонем японского языка // Ученые записки Института востоковедения. Т. IV. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 278–354.
100. Сыромятников Н.А. Музыкальное ударение в японском языке // Японско-русский словарь / Под ред. Б. П. Лаврентьева. М.: Рус. яз., 1984. С. 693–694.
101. Телякова В.М. Бытийный тип предложения в шорском языке // Известия СО РАН. История, филология, философия. Новосибирск, 1993. Вып. 2. С. 24–31.
102. Телякова В.М. Простое предложение в шорском языке (в сопоставлении с русским): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1994.
103. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

104. ТФГ: Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Спб.: Наука, 1996. 230 с.
105. Тыбыкова А.Т. Исследование по синтаксису алтайского языка. Простое предложение. Новосибирск, 1991.
106. Фельдман Н.И. Грамматический очерк // Глускина А.Е., Зарубин С.Ф. Русско-японский словарь. М.: ГИИНС, 1950. С. 925–997.
107. Фельдман Н.И. Отыменные послелогои в современном японском языке // Вопросы грамматического строя. М: Издательство АН СССР, 1955. С. 250–298.
108. Фельдман Н.И. Отглагольные послелогои в японском языке // Японский лингвистический сборник / Под ред. А. А. Пашковского. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 75–95.
109. Фельдман Н.И. Японский язык. М.: УРСС, 2002 (1960). 93 с.
110. Фоменко Ю.В. Семантические классы многоместных глаголов в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1984. 415 с.
111. Хертек А.Б. Послелогои, управляющие локальными падежами, в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Вып. 18. Новосибирск, 2006. С. 167–194.
112. Хертек А.Б. Значения локальных падежей в тувинском и хакасском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2008. 25 с.
113. Хертек А.Б. Значения направительного падежа в тувинском языке (в когнитивном аспекте) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 195–200.
114. Холодович А.А. Синтаксис японского военного языка. М., 1937. 248 с.
115. Холодович А.А. Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969.
116. Холодович А.А. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974.
117. Холодович А.А. Категория множества в японском языке в свете общей теории множества // Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. С. 173–195.
118. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений // Предложение в языках Сибири. Новосибирск, 1989. С. 3–18.
119. Черемисина М.И. О структурно-семантических типах простого предложения в тюркских языках Южной Сибири // Языки, духовная культура и будущее народов Арктики. Якутск, 1993. С. 11–12.
120. Черемисина М.И., Колосова Т.А. О структурной модели и семантике предложения // Вопросы грамматики и лексикологии в историческом и синхронном освещении. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994. С. 107–119.

121. Черемисина М.И. О системности в сфере моделей предложения // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 1. С. 3–21.
122. Черемисина М.И. Исследование моделей ЭПП в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1997а. № 4. С. 56–61.
123. Черемисина М.И. Языковая «картина мира» в ее отношении к моделям элементарных простых предложений // Гуманитарные исследования: итоги последних лет. Сборник тезисов научной конференции, посвященной 35-летию гуманитарного факультета НГУ. Новосибирск, 1997б. С. 219–222.
124. Черемисина М.И. Итоги исследования простого предложения в языках Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1998. Вып. 4. С. 3–30.
125. Черемисина М.И. Парадигма элементарного простого предложения как единицы языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 11. С. 3–29.
126. Черемисина М.И., Колосова Т.А. Очерки по теории сложного предложения. Новосибирск, 1987. 197 с.
127. Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири. Новосибирск, 2008. 205 с.
128. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1996. № 4. С. 46–57.
129. Чугунекова А.Н. Глаголы движения и формируемые ими модели простого предложения (на материале хакасского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1998.
130. Чугунекова А.Н. Модели простого предложения с семантикой существования субъекта в пространстве (на материале хакасского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (21). 2013а. С. 203–206.
131. Чугунекова А.Н. Модели элементарных простых предложений со значением количества в современном хакасском языке // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. № 2. СПб., 2013б. С. 76–80.
132. Чугунекова А.Н. Трехместные формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в хакасском языке // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 75. 2013в. № 4 (295). С. 112–116.

133. Чугунекова А.Н. Модели простого предложения, построенные по структурной схеме $\{N_1 N_{10} V_{дв}\}$ (на материале хакасского языка) // Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. I. С. 206–209.
134. Чугунекова А.Н. Модели локализуемого движения, ориентированного относительно статического пространственного объекта (на материале простых предложений хакасского языка) // Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (96). С. 156–159.
135. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М.: Учпедгиз, 1941. 620 с.
136. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 3–77.
137. Шведова Н.Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? // Вопр. языкознания. 1968. № 2. С. 39–50.
138. Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры предложения // Славянское языкознание. М., 1973. С. 458–483.
139. Шведова Н.Ю. Русские бытийные глаголы и их субъекты // Слово и грамматические законы языка. Глагол. М., 1989. С. 5–168.
140. Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» (1969) // Русский язык: Избранные работы. М., 2005. С. 153–164.
141. Шмелева Т.В. Модус и средства его выражения в высказывании // Идеографические аспекты русской грамматики. М., 1988. С. 168–202.
142. Шилова В.В. Пространственные модели элементарных простых предложений в ненецком языке. В 2-ч тт. Новосибирск: НГУ, 2003.
143. Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. Вып. 3. М., 1966. С. 21–35.
144. ЭСС: Экспериментальный синтаксический словарь. Екатеринбург, 1998.
145. Ярцева В.Н. О сопоставительном методе изучения языков // Филол. науки. № 1. 1960. С. 5–11.
146. Bloch B. Bernard Bloch on Japanese. New Heaven, London: Yale University Press, 1970. 178 p.
147. Croft W. Radical construction grammar: syntactic theory in typological perspective. Oxford University Press, 2001.
148. Dōshi no imi yōhō no kijutsuteki kenkyū. Tokyo: Shūei shuppan, 1972. 769 p. (Описательное исследование семантики и употребления глаголов)
149. Fillmore C. The case for case // Universals in linguistic theory. New York, 1968.

150. Georg S. Telling general linguists about Altaic // *Journal of Linguistics*. Vol. 35. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 65–98.
151. *Gendai nihongo bunpō 2*. Tokyo: Kuroshio shuppan, 2011. 314 p. (Грамматика современного японского языка. Часть 2)
152. Goldberg A.E. Argument realization. The role of constructions, lexical semantics and discourse factors // *Construction grammars: cognitive grounding and theoretical extensions*. Amsterdam: Benjamins, 2005. P. 14–43
153. Goldberg A.E. *Constructions: a construction grammar approach to argument structure*. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
154. Harada S. Counter equi-NP deletion // *Annual bulletin. Research Institute of Logopedics and Phoniatrics*, Tokyo: University of Tokyo. 1973. V. 7. P. 113–148.
155. Haga Yasushi. *Gendai nihongono bunpō*. Tokyo: Kyōiku shuppan, 1978. 277 p. (Хага Ясуси. Грамматика современного японского языка)
156. Haga yasushi. *Nihonjin no hyōgen shinri*. Tokyo: Chūōkōron, 1979. 285 p. (Хага Ясуси. Психология японского выражения)
157. Hashimoto Shinkichi. *Hashimoto Shinkichi hakase chosakushū*. V. I–XI. Tokyo: Iwanami, 1946–1969. (Хасимото Синкити. Собрание сочинений профессора Хасимото Синкити)
158. Hattori Shiro. *Hattori Shiro ronbunshū. Arutai shogengo no kenkyū*. V. I–IV. Tokyo: Sanseidō, 1986–1993. (Хаттори Сиро. Собрание статей Хаттори Сиро. Изучение алтайских языков)
159. Kuno Susumu. The position of locatives in existential sentences // *Linguistic Inquiry*. 1971. V. 11. P. 333–378.
160. Kuno Susumu. *The structure of the Japanese language*. Cambridge: MIT Press, 1973.
161. Kuno Susumu. *Functional syntax. Anaphora, discourse and empathy*. Chicago, London: University of Chicago Press, 1987.
162. Kuroda Sigeyuki. *Japanese syntax and semantics. Collected papers*. Dordrecht: Kluwer, 1992.
163. Lazard G. *Actancy (Empirical approaches to language typology)*. Berlin, New York, 1998. 306 p.
164. Levinson S.C. *Frames of reference and Molyneus's Question: Crosslinguistic evidence. Language and space*. Cambridge: MIT Press, 1996.
165. Lyons J. A note on possessive, existential and locative sentences // *Foundations of Language*, 1967/3. P. 390–396.
166. Lyons J. *Introduction to theoretical linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
167. Martin S.E. *Lexical evidence relating Korean to Japanese. Language 42*. Baltimore: Linguistic Society of America, 1966. P. 185–251.

168. Martin S.E. A reference grammar of Japanese. New Haven. London: Yale University Press, 1975. 1250 p.
169. Martin S.E. Morphological clues to the relationships of Japanese and Korean // *Linguistic Change and Reconstruction Methodology*. Berlin: de Gruyter, 1990. P. 483–509.
170. Martin S.E. Recent research on the relationships of Japanese and Korean // *Sprung from Some Common Source: Investigations into the Prehistory of Languages*. Stanford: Stanford University Press, 1991. P. 269–292.
171. Miller R.A. The Japanese language. Chicago, London: University of Chicago Press, 1967.
172. Miller R.A. Japanese and the other Altaic languages. Chicago, 1971.
173. Nihongo bunpō handobukku. Tokyo, 2001. 443 p. (Практическая руководство по грамматике японского языка)
174. Nitta Yoshio. Bun no kōzō // *Nihongo no bunpō, buntai 1*. Tokyo: Meiji Shoin, 1989a. P. 25–52. (Нитта Ёсио. Структура предложения)
175. Nitta Yoshio. Gendai nihongobun no modariti no taikei to kōzō // *Nihongo no modariti*, 1–56. Tokyo: Kuroshio, 1989b. (Нитта Ёсио. Система и структура модальности в современном японском языке)
176. Nitta Yoshio. *Nihongo no modariti to ninshō*. Tokyo; Hitsuji shobō, 1991. 287 p. (Нитта Ёсио. Модальность и личность в японском языке)
177. Poser William J. The “double-o constraint”: Evidence for a direct object relation in Japanese. Ms., MIT. 1981.
178. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Brill Academic Publishers, 2003.
179. Shibatani Masayoshi. *Syntax and semantics*. V. 5. Japanese generative grammar. New York: Academic Press, 1976.
180. Shibatani Masayoshi. Japanese grammar and universal grammar // *Lingua*. 1982. V. 57. Nos. 2–4. P. 103–123.
181. Svorou S. *The grammar of space*. Amsterdam: Benjamins, 1993.
182. Talmy L. Figure and Ground in complex sentences // *Universals of Human Language*. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 625–649.
183. Talmy L. How language structures space // *Spatial orientation. Theory, research, and application* / Eds: Pick & Acredolo. New York & London: Plenum Press, 1983. P. 225–282.
184. Talmy L. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // *Language typology and syntactic description*. Vol III. Grammatical categories and the lexicon. Cambridge: Cambridge University press, 1985. P. 57–149.
185. Talmy L. Lexical typologies // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge: Cambridge University press, 2007. P. 66–168.

186. Talmy L. Semantics and syntax of motion // *Syntax and Semantics*. Vol. 4 Ed.: Kimball J. New York: Academic Press, 1975.
187. Talmy L. *Toward a cognitive semantics*. Vol. II: Tipology and process in concept structuring. Cambridge: MIT Press, 2000. 495 p.
188. Tokieda Motoki. *Nihon bunpō. Kōgohen*. Tokyo: Iwanami, 1950. (Токиэда Мотоки. Японская грамматика.)
189. Vovin A. Koguryō and Paekche: Different Languages or Dialects of Old Korean? // *Journal of Inner and East Asian Studies*. 2005. Vol. 2–2. P. 108–140.
190. Worth D. L. The role of transformation in the definition of syntagmas in Russian and Slavic languages // *American contributions to V International congress of slavists*. Sofia, 1963. The Hague.
191. Yamada Yoshio. *Nihon bunpōgaku gairon*. Tokyo: Nōbunkan, 1936. (Ямада Ёсио. Введение в японскую грамматику)
192. Yamada Yoshio. *Nihon bunpōgaku yōron*. Tokyo: Kadokawa, 1950. (Ямада Ёсио. Теоретическая грамматика японского языка)

Словари

1. Большой японско-русский словарь. В 2-х тт. / Под ред. Н. И. Конрада. М.: Советская энциклопедия, 1970. 1730 с.
2. Васильев Л.М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика. Уфа, 2005. 464 с.
3. Кубрякова Е. С. Парадигма // *Большой энциклопедический словарь: Языкознание*. М., 2000. 366 с.
4. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. 416 с.
5. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.
6. Русско-японский словарь / Под ред. М. Того, С. Сомэя, Т. Исоя, С. Исияма. Токио: Кэнкюся, 2012. 2764 с.
7. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 704 с.
8. Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002. 462 с. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=2847>
9. Японский глагол. Большой словарь-справочник / Сост. А. А. Севостьянова. М.: Живой язык, 2006. 528 с.
10. Kōjien. 6th ed. Tokyo: Iwanami, 2008. (Толковый словарь японского языка «Кодзиэн»)

Список источников

1. 芥川龍之介。羅生門。(Акутагава Рюносукэ. Ворота Расёмон) // <http://libweb.uoregon.edu/ec/e-asia/read/Rashomon.pdf>
2. 有吉佐和子。恍惚の人。東京：新潮社版、2006。(Ариёси Савако. Восторженный человек. Токио: Синтёсяхан, 2006. 438 с.)
3. 浅田次郎。鉄道員。東京：集英社、2006 (Асада Дзиро. Путеец. Токио: Сюэйся, 2006. 298 с.).
4. 吉本ばなな。キッチン。東京：新潮社版、1993 (Ёсимото Банана. Кухня. Токио: Синтёсяхан, 1988. 208 с.).
5. 吉本ばなな。新婚さん。 // 吉本ばなな。とかげ (作品集)。東京：新潮社版、1993 (Ёсимото Банана. Молодожен // Ёсимото Банана. Ящерица (Сборник рассказов). Токио: Синтёсяхан, 1993. 192 с.).
6. 吉本ばなな。キムチの夢。 // 吉本ばなな。とかげ (作品集)。東京：新潮社版、1993。(Ёсимото Банана. Сны о корейской капусте // Ёсимото Банана. Ящерица (Сборник рассказов). Токио: Синтёсяхан, 1993. 192 с.).
7. Ивада. О-ясуми насаи・お休みなさい. М.: Восточная книга, 2009. 280 с.
8. 川端康成。雪国。東京：講談社、1971 (Кавабата Ясунари. Снежная страна. Токио: Коданся, 1971. 178 с.).
9. 夏目漱石。吾輩は猫である。(Нацумэ Сосэки. Ваш покорный слуга кот) // http://ww.aozora.gr.jp/cards/000148/files/789_14547.html
10. 村上龍。コインロッカー・べいびーズ (上)。東京：講談社、2006。(Мураками Рю. Дети из камеры хранения. Ч. 1. Токио: Коданся, 2006. 258 с.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Список сокращений, используемых при глоссировании

- ABL** – аблатив
ACC – аккузатив
ADR – адрессив
ADV – адвербиальная форма
ATR – атрибутивная форма
AUX – вспомогательный глагол
AUX.M – вспомогательный глагол подготовительного действия *miru*
CL – классификатор
COND – условная форма
COP – связка
CV – деепричастие
DAT – датив
DIR – директивный вспомогательный глагол
GEN – генитив
HON – гоноратив
IMP – императив
INSTR – инструменталис
LAT – латив
LIMIT – лимитатив
NEG – отрицание
NML – субстантиватор
NOM_R – рематический номинатив
NOM_T – тематический номинатив
PMT – презумптив
PL – множественное число
PRG – прогрессив
PRS – настоящее-будущее время
PRT – частица
PST – прошедшее время
RPR – репрезентативность
Q – вопросительная частица
QUOT – цитационный союз
TEMP – временной союз
TOP – топик

Список условных обозначений, используемых для записи структурных схем моделей

- LEX^{Loc}** – локализатор
- LEX^{DF}** – директив-финиш
- LEX^{DS}** – директив-старт
- LEX^{Trloc}** – транс-локатив
- N^{Ag}** – субъект-агенс
- N^{Causr}** – субъект-каузатор
- N^{Causv}** – объект-каузатив в каузативных локативных моделях
- N^{Ob-causv}** – объект-каузатив в каузативных моделях движения
- N_{Nom}** – имя существительное в форме номинатива
- N_{NomR}** – имя существительное в форме рематического номинатива
- N_{NomR}** – имя существительное в форме тематического номинатива
- N^{Poss}** – субъект-посессор
- N^{Possv}** – объект-посессив
- Num** – маркер количества
- V^{Adloc}** – предикат модели субъектного помещения, выраженный глаголами субъектного помещения
- V^{Caus-adloc}** – предикат модели объектного помещения, выраженный глаголами объектного помещения
- перемещения объекта
- V^{Caus-deloc}** – предикат модели объектного удаления, выраженный глаголами объектного удаления
- V^{Caus-loc}** – предикат каузативной локативной модели, выраженный глаголами помещения объекта
- V^{Caus-mot}** – предикат каузативной модели движения, выраженный глаголами
- V^{Deloc}** – предикат модели субъектного удаления, выраженный глаголами субъектного удаления
- V^{Ex}** – предикат экзистенциального типа, выраженный бытийными глаголами
- V^{Ex-perc/fin}** – предикат экзистенциального типа, выраженный глаголами со значением исчезновения
- V^{Ex-perc/st}** – предикат экзистенциального типа, выраженный глаголами со значением появления
- V^{Mot}** – предикат некаузативной модели движения, выраженный глаголами движения
- V^{Trloc}** – предикат транслокативной модели, выраженный глаголами объектного глаголом ненаправленного действия

СИСТЕМА БЫТИЙНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ЭПП ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА

Классы статических моделей

	Статические модели			
	Бытийно-локативные модели			Модели обладания
	Бытийные модели	Локативные модели	Бытийно-перцептивные модели	
Некаузативные	Модель существования $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex}$	Глагольная модель $N_{NomT} LEX^{Loc} V^{Ex}$ Именная модель $N_{NomT} LEX^{Loc} = COP$	Модель появления $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex-perc/st}$	Модель обладания $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} V^{Ex}$
	Количественная модель $LEX^{Loc} N_{NomR} Num V^{Ex}$		Модель исчезновения $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex-perc/fin}$	Количественная модель обладания $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} Num V^{Ex}$
	Модель отсутствия $LEX^{Loc} N_{NomR} V^{Ex} = Neg$			Модель необладания $N^{Poss}_{Top} N^{Possv}_{NomR} V^{Ex} = Neg$
Каузативные		$N^{Caus} N^{Causv} LEX^{Loc} V^{Caus-loc}$		

Классы динамических моделей

	Модели движения		
	Адлокативные модели	Делокативные модели	Транслокативные модели
Некаузативные	Модель адлокативного движения $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DF} V^{Mot}$	Модель делокативного движения $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Mot}$	$N^{Ag}_{Nom} LEX^{Trloc} V^{Trloc}$
	Модель субъектного помещения $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DF} V^{Adloc}$	Модель субъектного удаления $N^{Ag}_{Nom} LEX^{DS} V^{Deloc}$	
Каузативные	Модель адлокативного движения $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DF} V^{Caus-mot}$	Модель делокативного движения $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DS} V^{Caus-mot}$	
	Модель объектного помещения $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DF} V^{Caus-adloc}$	Модель удаления объекта $N^{Caus}_{Nom} N^{Ob-causv}_{Acc} LEX^{DS} V^{Caus-deloc}$	

Перечень глагольных предикатов, участвующих в образовании бытийно-пространственных моделей японского языка

1. Глаголы некаузативной локации.

1.1. Глаголы собственно бытийной семантики (10): *aru* ‘быть, находиться, жить’ (о неодушевл.), *ikiru* ‘жить, быть живим’, *irassharu* ‘быть, находиться’ (уважит. о 2-ом, 3-ем лице), *iru* ‘быть, находиться, жить’, *itsuku* ‘обосноваться, поселиться’, *kurasu* ‘жить, существовать’ (об одушевл.), *oru* ‘быть, находиться’ (скромно о 1-ом лице), *sumau* ‘жить, водиться, обитать’, *sumi* ‘жить, проживать’, *haeru* ‘расти’.

1.2. Глаголы осложненной бытийной семантики, включающие фазу существования (7): *arawareru* ‘появляться’, *deru* ‘появиться, показаться’, *kakureru* ‘скрыться’, *kieru* ‘исчезнуть, погаснуть’, *kiesaru* ‘исчезать’, *shizumu* ‘тонуть, заходить (о солнце, луне)’, *ukabu* ‘появиться, выступить’.

1.3. Глаголы, описывающие положение субъекта в пространстве (23): *aikasanaru* ‘громоздиться, наслаиваться’, *chirakaru* ‘валяться’, *uzukumaru* ‘сидеть на корточках’, *iawasu* ‘находиться вместе’, *inarabu* ‘сидеть рядом’, *kakaru* ‘висеть, зацепиться’, *kakeru* ‘сидеть’, *muragaru* ‘толпиться, собираться в стаи’, *mureru* ‘толпиться’, *narabu* ‘стоять в ряд, строиться’, *noshiagaru* ‘стоять на цыпочках’, *nekorobu* ‘валяться (на земле, в постели)’, *neru* ‘ложиться спать’, *suwaru* ‘сидеть’, *shagumu* ‘сидеть на корточках’, *tatsu* ‘стоять’, *tsukubau* ‘сидеть на корточках’, *tomaru* ‘сидеть’ (о птицах, насекомых), *tsumadasu* ‘стоять на цыпочках’, *tsumoru* ‘накопиться, лежать горой’, *wadakamaru* ‘лежать калачиком’, *yokotawaru* ‘лежать, ложиться’, *yokotaeru* ‘улечься, положить на бок’.

1.4. Глаголы, содержащие семантический признак обнаружения бытия акустически или визуально (12): *haeru* ‘блестеть, сверкать’, *hibiki* ‘звучать, греметь’, *hibikiwataru* ‘разноситься, раздаваться (о звуке)’, *kagayaku* ‘сверкать’, *kikoeru* ‘слышаться, доноситься’, *kirameku* ‘блестеть, мерцать, гореть’, *mieru* ‘быть видимым’, *toeru* ‘гореть’, *naku* ‘издавать звуки’ (о животных), *naku* ‘плакать’ (о людях), *saku* ‘цвести’, *yakeru* ‘гореть, пламенеть’;

2. Глаголы каузативной локации (10): *atsumeru* ‘собирать’, *ategau* ‘прикладывать’, *ateru* ‘прикладывать, накладывать’, *hisomeru* ‘прятать’, *kakusu*

‘прятать’, *shimau* ‘прятать, хранить’, *tatekakeru* ‘при-
слонить’, *tomeru* ‘приютить, оставить на ночь’, *tsunagu* ‘привязать’.

3. Глаголы адлокации.

3.1. Глаголы движения (72): *abarekomi* ‘врываться, вламываться’,
agarikomi ‘входить’, *agaru* ‘подниматься’, *atsumaru* ‘собираться’, *ayumiyoru*
‘идти навстречу’, *chikazukeru* ‘придвигать, приближать, подпускать’, *chikazu-*
ku ‘приближаться, подходить’, *chikayoru* ‘приближаться, подходить’, *demuku*
‘направляться куда-то’, *fumiireru* ‘вступить куда-л.’, *fumikomi* ‘вступать, вхо-
дить, вторгаться’, *haikomi* ‘вползать’, *hainoboru* ‘взбираться, влезать’, *hairi-*
komi ‘входить, попадать’, *hairu* ‘входить’, *haiyori* ‘подползать, подкрады-
ваться’, *hashirikomi* ‘врываться, вбегать’, *iku* ‘идти, уходить’, *irassharu* ‘идти,
уходить’ (уважит. о 2-ом, 3-ем лице), ‘идти’, *kaeru* ‘возвращаться’, *kakekomi*
‘вбегать, врываться’, *kakenoboru* ‘взбегать вверх’, *kaketsukeru* ‘побежать,
прибежать’, *akeyori* ‘подбегать’, *kaikuguru* ‘проходить, пролезать, проби-
раться’, *kayou* ‘ходить (в школу)’, *kiawaseru* ‘случайно зайти’, *kogitsukeru*
‘подгрести’, *korobu* ‘катиться’, *korogarikomi* ‘закатиться’, *kuru* ‘приходить,
приезжать’, *mairu* ‘идти’, *maikomi* ‘приходить, неожиданно являться’,
toguru ‘нырять, спускаться под землю’, *togurikomi* ‘забираться, залезать,
прятаться’, *modoru* ‘возвращаться, идти назад’, *nadarekomi* ‘хлынуть массой,
ввалиться’, *nigekaeru* ‘прибегать обратно’, *nigekomu* ‘вбежать, забежать’, *ni-*
gechiru ‘рассеиваться, разбегаться’, *nijiru* ‘передвигаться на коленях’, *nijiri-*
yori ‘подползти на коленях’, *noboru* ‘подниматься, взбираться, ехать в город
(Токио)’, *odorikakaru* ‘подскочить, прыгнуть на что-л.’, *odorikomi* ‘вскочить,
прыгнуть куда-л., ворваться, вломиться’, *otomuku* ‘идти, ехать’, *oshiyoseru*
‘придвигаться, надвигаться, подступать’, *oshiiru* ‘вламываться, врываться,
забираться’, *oshikakeru* ‘вторгаться, нагрянуть’, *ochiyuku* ‘бежать, спасаться
бегством’, *sakanoboru* ‘подниматься вверх по течению’, *sashisemaru* ‘при-
ближаться вплотную, надвигаться’, *shimikomi* ‘просачиваться (внутри), про-
никать’, *shimiru* ‘проникать, просачиваться’, *shinobiyori* ‘подкрадываться’,
shinbiiru ‘прокрадываться, украдкой забраться’, *semaru* ‘приближаться,
надвигаться’, *setekomu* ‘вторгаться’, *tachiyori* ‘заходить, заглядывать, при-
ближаются’, *tobiagaru* ‘взлететь, вспорхнуть, вскочить’, *tobikomi* ‘влететь,
броситься’, *tobichiru* ‘разлетаться в разные стороны’, *tobiyuku* ‘улетать’, *tsu-*
teyori ‘приближаться вплотную, подступать’, *tsuppashiru* ‘мчаться, бежать
изо всех сил’, *uchiiru* ‘вламываться’, *ukagai* ‘посещать, навещать’, *wakeiru*

‘пробираться, протискиваться’, *warikomu* ‘протискиваться, втискиваться’, *utsugu* ‘перебираться, переезжать’, *yojiru* ‘взбираться, карабкаться’, *yori* ‘приблизиться, зайти по пути’, *yukitsuku* ‘прибывать, добираться’.

3.2. Глаголы каузативного движения (48): *baramaku* ‘разбрасывать, раздавать, рассыпать’, *chirakasu* ‘разбрасывать’, *chirasu* ‘разбрасывать’, *furimaku* ‘рассыпать, разбрасывать’, *furitobasu* ‘отбрасывать’, *haseru* ‘гнать, направлять, вести’, *hikizuru* ‘волочить, тащить’, *hikiireru* ‘втягивать, втаскивать’, *hikikomu* ‘втягивать’, *hikitsukeru* ‘притягивать, придвигать’, *hikitsureru* ‘брать с собой’, *hikkomeru* ‘убирать вовнутрь, втягивать’, *hiku* ‘тянуть, тащить, притягивать’, *hōrinageru* ‘бросать, кидать, швырять’, *hōru* ‘бросать, кидать, швырять’, *korogasu* ‘катить’, *mochikaeru* ‘приносить домой, относить назад’, *mochikomu* ‘вносить, приносить, доставлять, ввозить’, *nagareyori* ‘подплывать, быть прибитым течением’, *nagarekomi* ‘вливаться, впадать’, *nagasu* ‘пускать по течению, лить, проливать’, *nagekomi* ‘бросать, выбрасывать’, *nageru* ‘бросать’, *nagesuteru* ‘выбрасывать, бросать’, *nagetobasu* ‘отшвыривать’, *nagetsukeru* ‘бросать во что-л.’, *nageutsu* ‘кидать, швырять, бросать’, *nobosu* ‘поднимать’, *norimodosu* ‘подать назад (машину, коня)’, *oikomu* ‘загонять’, *okuridasu* ‘посылать, отправлять, провожать’, *okurikaesu* ‘посылать (отправлять) обратно, репатриировать’, *okurikomu* ‘провождать до самого дома’, *okuru* ‘посылать, отправлять’, *oriageru* ‘выталкивать, подталкивать, толкать вверх’, *oshikaesu* ‘толкать назад’, *oshimodosu* ‘отталкивать назад’, *otosu* ‘опускать сверху вниз, ронять, сбрасывать’, *sashimawasu* ‘посылать (машину и т.п. за кем-л.)’, *sashimukeru* ‘посылать, отправлять, направлять’, *tobasu* ‘пускать по воздуху’, *toriotosu* ‘ронять’, *tsumiokuru* ‘отправлять, отгружать’, *tsuredasu* ‘брать с собой’, *tsuremodosu* ‘отвести обратно, проводить’, *uchiageru* ‘запускать спутник’, *utsusu* ‘перемещать, переносить’, *watasu* ‘переправлять’.

3.3. Глаголы помещения (19): *hikkosu* ‘переезжать’, *kakeru* ‘садиться’, *kumikomu* ‘вливать, наливать’, *koshikakeru* ‘садиться’, *ochikomu* ‘попасть, упасть во что-л., проваливаться’, *ochiru* ‘упасть, свалиться’, *norikaeru* ‘пересаживаться’, *norikomu* ‘садиться (в поезд, на судно и т.п.)’, *noru* ‘садиться в транспорт’, *sumitsuku* ‘поселиться’, *suwarikomu* ‘усесться, сесть’, *suwaru* ‘сидеться’, *tachidomaru* ‘останавливаться’, *tomaru* ‘останавливаться’, *tobinoru* ‘вскакивать (прыгать) на ходу (в транспорт)’, *hisomu* ‘прятаться’, *todomaru* ‘останавливаться, оставаться на месте’, *tsumikasanaru* ‘нагромождаться’, *tsumoru* ‘накапливаться’.

3.4. Глаголы каузативного помещения (45): *azukeireru* ‘сдавать на хранение’, *azukeru* ‘депонировать’, *haru* ‘наклеить’, *hitasu* ‘помещать, погружать’, *horikomu* ‘зарывать, закапывать’, *kazaritsukeru* ‘украшать’, *kazaritateru* ‘украшать, выставлять’, *kazaru* ‘украшать, выставлять’, *kakeru* ‘повесить, положить, накинуть’, *kumifuseru* ‘прижать, придавить, повалить’, *ireru* ‘вкладывать, помещать’, *moritsukeru* ‘накладывать на тарелку’, *moru* ‘накладывать, насыпать кучей’, *nagashikomu* ‘вливать’, *nageotosu* ‘валить на землю’, *naraberu* ‘выстраивать, ставить в ряд’, *noseru* ‘класть, ставить, погружать, сажать (пассажиров)’, *okichigaeru* ‘поставить (положить) не туда, куда нужно’, *oku* ‘класть, ставить, помещать’, *oshiateru* ‘прикладывать, прижимать’, *oshiireru* ‘вталкивать, вдвигать, втискивать’, *oshikomu* ‘вталкивать, стискивать, всовывать’, *sashihassamu* ‘вставляя, вкладывая между’, *sashitoosu* ‘вонзать’, *sasu* ‘втыкать (шпильки) вставлять (напр. иллюстрации)’, *shimaikomu* ‘прыгать (внутрь), убирать’, *shimekomi* ‘запирать в чем-л.’, *sosogu* ‘лить’, *sueru* ‘ставить, устанавливая, усаживать’, *tatekakeru* ‘прислонить’, *tomeru* ‘останавливать’, *torikomu* ‘убирать, класть’, *uzumeru* ‘закапывать, зарывать’, *tsukisasu* ‘втыкать, вонзать’, *tsukeru* ‘прикреплять’, *tsukkomi* ‘вколачивать, всовывать’, *tsumiageru* ‘нагромождать’, *tsumiireru* ‘грузить, погружать’, *tsumikasaneru* ‘нагромождать’, *tsumikomu* ‘грузить, погружать’, *tsuraneru* ‘ставить в ряд’, *tsuriageru* ‘подвешивать, вешать, поднимать (якорь)’, *tsuru* ‘подвешивать, вешать’, *uchikomu* ‘вбивать, вгонять’, *uekomi* ‘засаживать, сажать (растения или клубни)’.

4. Глаголы делокации.

4.1. Глаголы движения (28): *deru* ‘выходить’, *dekakeru* ‘выходить’, *haidasu/deru* ‘выползть’, *haioriru* ‘сползть, спускаться’, *hikisagaru* ‘откланиваться, уходить’, *kakedasu* ‘выбегать, пуститься бежать’, *kakekudaru* ‘сбегать вниз’, *korogederu* ‘выкатиться’, *korogochiru* ‘скатиться с лестницы’, *kuru* ‘приходить’, *iku* ‘идти, уходить’, *makiagaru* ‘клубиться, вздыматься вверх’, *nadareochiru* ‘обрушиваться скатываться’, *nigedasu* ‘броситься бежать, обратиться в бегство’, *nigeru* ‘убежать’, *nijirideru* ‘выползть на коленях’, *obioriru* ‘соскочить (спрыгнуть) на ходу’, *oritatsu* ‘спуститься (напр., с крыши), спускаться’, *oriru* ‘спускаться, выходить из транспорта’, *oshideru* ‘протолкаться наружу’, *shinobideru* ‘выйти украдкой’, *tachisaru* ‘уходить, покидать’, *tsagaru* ‘спускаться, ниспадать’, *tobitsuku* ‘выбегать’, *tobihanareru* ‘отлетать, отска-

кивать’, *ukidasu* ‘всплывать’, *wakarederu* ‘отходить в сторону’, *zurakaru* ‘удирать, улепетывать’.

4.2. Глаголы каузативного движения (23): *fukiharau* ‘сдувать (пыль и т.п.)’, *furiotosu* ‘сбрасывать, стряхивать’, *hikiorosu* ‘спускать, стаскивать, снимать’, *hakisuteru* ‘выметать’, *hakitoru* ‘вымести мусор’, *hanatsu* ‘выпускать на свободу’, *hirou* ‘подбирать’, *hōridasu* ‘выбрасывать, выгонять’, *keridasu* ‘отбросить, вытолкнуть, выгнать из дома’, *makiageru* ‘поднимать (якорь, занавес)’, *mochiageru* ‘поднимать’, *mochidasu* ‘выносить, вытаскивать, похищать’, *nagedasu* ‘выбрасывать, выкидывать’, *oidasu* ‘выгонять, прогонять, изгонять’, *oichirasu* ‘рассеивать, разгонять’, *oshidasu* ‘выталкивать, отталкивать’, *sageru* ‘спускать, опускать’, *shimidasu* ‘выставить за дверь, выгнать’, *suteru* ‘выбрасывать, бросать’, *tobidasu* ‘вылетать, выскакивать, выбегать’, *tsukiageru* ‘толкать вверх’, *tsukotosu* ‘сбрасывать, сталкивать’, *zurasu* ‘сдвигать, переносить’.

4.3. Глаголы удаления (17): *haneokiru* ‘вскакивать на ноги’, *kogidasu* ‘отчалить’, *maioriru* ‘слететь, подлететь (о птице)’, *mogeru* ‘отрываться, обрываться’, *moreru* ‘течь, протекать, просачиваться’, *muradatsu* ‘вспорхнуть, полететь (стаей, роем)’, *nagaredasu* ‘вытекать, течь из’, *nukeru* ‘выпадать, выниматься’, *ochiru* ‘осыпаться, рассыпаться’, *okiagaru* ‘вставать, подниматься’, *okidasu* ‘вставать с кровати’, *okiru* ‘вставать, подниматься’, *shimideru* ‘просачиваться (наружу)’, *tachiagaru* ‘вставать на ноги’, *tatsu* ‘вставать, подниматься’, *tobiokiru* ‘вскочить с постели, вскочить на ноги’, *zuru* ‘сползать, соскальзывать’, *zureru* ‘сползать, соскальзывать’.

4.4. Глаголы каузативного удаления (17): *dasu* ‘выставлять, вытаскивать’, *dokeru* ‘убирать с дороги, откладывать’, *furidasu* ‘вытряхивать, стряхивать’, *hagasu* ‘отрывать, срывать’, *hagitoru* ‘отрывать, отпарывать’, *hagu* ‘отрывать, сдирать, срывать’, *hazusu* ‘снимать, откреплять, отцеплять’, *hikinuku* ‘вырывать, вытаскивать’, *kuridasu* ‘вытаскивать’, *mogiru* ‘вырывать, отрывать, срывать’, *mogitoru* ‘вырывать, отрывать, срывать’, *nukitoru* ‘вынимать, извлекать’, *tsukamidasu* ‘вынимать пригоршнями, выставлять за дверь кого-л.’, *tsukidasu* ‘выставить, высунуть, вытолкнуть’, *tsumitoru* ‘срывать (плоды)’, *tsumidasu* ‘вытаскивать пальцами, выпроваживать’, *tsuridasu* ‘выуживать’;

5. Глаголы транслокации (48): *arukimawaru* ‘обходить’, *aruku* ‘ходить пешком’, *ayumi* ‘ходить пешком’, *kakemawaru* ‘обегать ряд мест’, *fumikiru* ‘пересекать путь, переезжать через’, *fumiwakeru* ‘пробираться сквозь (заросли

и т.п.)', *fumiwataru* 'проходить через что-л.', *hashirimawaru* 'обегать, бегать вокруг', *hashiru* 'бежать, ехать', *kakenukeru* 'пробежать через что-либо', *kake-oriru* 'сбежать вниз по лестнице', *kakezurimawaru* 'бегать туда-сюда, рыскать', *kakomu* 'окружить', *koeru* 'переходить, пересекать', *korobimawaru* 'кататься', *kudasu* 'спускаться, спускаться по течению', *magaru* 'огибать угол', *tawaru* 'вертеться, вращаться, двигаться по кругу', *mayoiaruku* 'бродить, блуждать', *mitawaru* 'обходить, осматривать, патрулировать', *meguru* 'обходить, объезжать, облетать', *nagareru* 'течь, плыть, скитаться, быть снесенным течением', *nagarearuku* 'скитаться', *norikoeru* 'перелезть, переваливать (через гору)', *norimawaru* 'разъезжать, объезжать (ряд мест)', *odorikoeru* 'перепрыгнуть через что-л.', *odorimawaru* 'прыгать, скакать (от радости)', *oyogimawaru* 'плавать (неподалеку)', *oyogiwataru* 'переплывать', *oyogu* 'плавать, плыть', *samayou* 'бродить, блуждать', *shimitooru* 'просачиваться сквозь что-л.', *shinobiaruku* 'красться, ходить крадучись', *suberu* 'скользить', *tadayou* 'плыть (по волнам), дрейфовать, плавать в воздухе', *tobiaruku* 'носиться туда и сюда', *tobikoeru* 'перепрыгнуть, перелететь', *tobimawaru* 'облетать, носиться туда и сюда', *tobu* 'летать, лететь', *tooru* 'проходить, проезжать', *torikakomu* 'откружать', *toorinukeru* 'проходить через что-л.', *urotsuku* 'бродить вокруг, слоняться', *tsukkiri* 'пересекать', *yukimeguru* 'обходить, объезжать', *yokeru* 'обойти стороной', *watariaruku* 'странствовать, бродить', *wataru* 'переходить, пересекать'.